

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

1 • 2021

“History and Archives”
Academic Journal
There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included in the Russian Science Citation Index

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.09 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

07.00.02 Russian History

07.00.03 World History

05.25.02 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

«История и архивы»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история

05.25.02 Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив–исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

F.G. Taratorkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.A. Dvoynosova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Sh. Kecskemeti, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ecole Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.N. Lanskoj, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.K. Sorokin, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T. Shirai, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan

Yu. Tonai, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ф.Г. Тараторкин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

Г.А. Двоеносова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ш. Кечкемети, доктор филологии, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(ответственный секретарь)

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С. Петкова, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария

Н.В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Сеин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.К. Сорокин, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация

Т. Сираи, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония

Ю. Тонаи, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

Е.Е. Юдин

- Аристократия и ее владения в двух столицах
Российской империи, 1890–1914 гг.:
городская собственность как источник благосостояния 12

Т.А. Колосовская

- Штрихи к портрету военного исследователя-кавказоведа
Н.Н. Забудского 37

В.Л. Агапов

- О бедном драгуне замолвите слово:
служба и увольнение советника
Приморского областного правления
Александра Высоковского 52

Р.В. Лебеденко, В.Б. Прозорова

- Источники об участии советских людей
во французском движении Сопротивления. *Часть 2* 67

История культуры в документальном наследии

М.В. Мишуrowsкая

- Редактор «России»: Биография И.Г. Лежнева –
архивные документы и публикации. *Часть 2* 88

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

А.К. Чапанов

- Австрийские и венгерские исследователи XIX–XX вв.:
вклад в изучение истории и архивов
Османской империи 105

В фондах отечественных и зарубежных архивов

В.Ж. Цветков

«...Паровозы замерзнут, надвигается голод, появился сыпняк...»:

Железные дороги Великого Сибирского похода:

1919–1920 гг. 121

90-летие Историко-архивного института РГГУ

Е.Б. Рашковский

Мысль на распутье:

об Александре Александровиче Зимине 139

CONTENTS

Russian History

E. Yudin

- The aristocracy and its possessions in the two capitals
of the Russian Empire, 1890–1914.
Urban property as a source of wealth 12

T. Kolosovskaya

- Strokes to the portrait of N.N. Zabudsky,
the Caucasus military explorer 37

V. Agapov

- Say a word for the Poor Dragoon. Recruitment and dismissal
of Alexandr Vysokosov the counselor
to the Primorskii regional government 52

R. Lebedenko, V. Prozorova

- Sources on the participation of Soviet people
in the French Resistance movement. *Part 2* 67

History of culture in documentary heritage

M. Mishurovskaya

- Editor of the 'Russia' magazine. Biography of I.G. Lezhnev –
archival documents and publications. *Part 2* 88

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

A. Chapanov

- Austrian and Hungarian researchers of the 19th – 20th centuries.
Their contribution to the study of the history and archives
of the Ottoman Empire 105

In the funds of Russian and foreign archives

V. Tsvetkov

“...Locomotives will freeze, famine is coming,
and there are cases of typhus...”

Railways of the Great Siberian campaign 1919–1920 121

The 90th anniversary of the Institute for History and Archives of the Russian State University for the Humanities

E. Rashkovskii

The Crossroads of Thought.

Commemorating Alexander A. Zimin 139

Аристократия и ее владения в двух столицах Российской империи, 1890–1914 гг.: городская собственность как источник благосостояния

Евгений Е. Юдин

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, evgeny_yudin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема изменения отношения русской аристократии к своим городским владениям в Санкт-Петербурге и Москве в условиях капиталистической экономики 1890–1914 гг. Главное внимание уделяется изучению состава и стоимости этих владений, характера их использования, размеров и динамики доходов от городской недвижимости. Анализируются факторы, прежде всего связанные с благоприятной экономической конъюнктурой и в целом с развитием пространства индустриального города в модерную эпоху, которые способствовали достаточно успешной адаптации крупных собственников из числа аристократии к новым экономическим реалиям. В основе исследования лежат архивные материалы из личных фондов крупнейших землевладельцев Российской империи, содержащие подробную хозяйственную документацию по многим городским владениям. К важнейшим выводам следует отнести в первую очередь наблюдаемый экономический прагматизм аристократических собственников в отношении к домовым комплексам и городской территории. Наряду с большими тратами на свои дворцовые резиденции в столицах и на поддержание своего представительского статуса они одновременно начинают вкладывать значительные капиталы в другие виды городской недвижимости – доходные дома и коммерческие здания. Это позволило аристократии в период 1890–1914 гг. значительно увеличить свои доходы от городской собственности, которые по своему объему заняли второе место после поступлений от сельскохозяйственных имений. Можно констатировать, что Санкт-Петербург и Москва рассматривались теперь аристократией не только как центры притяжения за счет близости императорского двора и правительственных учреждений, но и как привлекательные объекты вложения капиталов, применения технических новинок и комфорта частной жизни.

Ключевые слова: Русская аристократия, дворянская собственность в Санкт-Петербурге и в Москве, доходы от городской недвижимости, город в России в модерный период 1890–1914 гг.

Для цитирования: Юдин Е.Е. Аристократия и ее владения в двух столицах Российской империи, 1890–1914 гг.: городская собственность как источник благосостояния // История и архивы. 2021. № 1. С. 12–36. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-12-36

The aristocracy and its possessions in the two capitals of the Russian Empire, 1890–1914. Urban property as a source of wealth

Evgeny E. Yudin

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
evgeny_yudin@mail.ru*

Abstract. The article considers an issue of changing the attitude of the Russian aristocracy to their urban possessions in St. Petersburg and Moscow in the context of the capitalist economy of 1890–1914. The study main attention is focused of the composition and value of that property, the nature of its use, the size and dynamics of the urban real estate income. The article analyzes the factors, primarily related to the favorable economic environment and the overall development of the industrial city space in the modern era, which contributed to a fairly successful adaptation of the large landowners from the aristocracy to the new economic realities. The research is based on the archival materials from the personal funds of the largest landowners of the Russian Empire that contain a detailed economic documentation on many urban possessions. The most important conclusions should be attributed primarily to the observed economic pragmatism of the aristocratic owners in relation to the housing complexes and urban areas. Along with spending heavily on their Palace residences in the capitals and maintaining their representative status, they started investing significant assets in other types of urban real estate – the apartment and commercial buildings. This allowed the aristocracy in the period between 1890 and 1914 to significantly increase their revenue from urban property, which, in terms of volume, ranked second after the income from agricultural estates. It can be stated that St. Petersburg and Moscow were then considered by the aristocracy not only as the centers of attraction due to the proximity of the Imperial Court and government institutions, but also as attractive objects for capital investment, the use of technical innovations and a comfortable private life.

Keywords: Russian aristocracy, noble family property in St. Petersburg and Moscow, revenue from urban real estate, city in Russia in the modern period of 1890–1914

For citation: Yudin, E.E. (2021), "The aristocracy and its possessions in the two capitals of the Russian Empire, 1890–1914. Urban property as a source of wealth", *History and Archives*, no. 1, pp. 12–36, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-12-36

Введение

Социальный облик крупных российских городов (и в первую очередь двух столиц) в так называемую индустриальную эру 1861–1914 гг. определяется обычно ростом новых слоев населения – буржуазии, средних классов и рабочих. Последние при этом представляли в основном бывших крестьян, относительно недавно покинувших сельскую местность. Город чиновников, купцов, мещан и сезонных крестьян-отходников дореформенного времени превращался в образование, порожденное новым индустриальным обществом. Визуально роль новых классов в жизни города воплощалась в появлении роскошных особняков крупной буржуазии, в зданиях банков, контор различных компаний и фешенебельных магазинов (сфера деятельности этой буржуазии). Дешевые доходные дома и рабочие поселки на окраинах подчеркивали социальные контрасты новой эпохи. Однако эта картина была бы неполной, если бы мы не отметили сохраняющееся влияние в жизни города высших слоев чиновничества и аристократии. Эта ситуация накануне 1914 г. была характерна для большинства крупных городов (разумеется, столиц прежде всего) трех империй Центральной и Восточной Европы: Германской, Австро-Венгерской и Российской. Представители высшей бюрократии и аристократии владели городскими особняками и даже дворцами (их не нужно было строить, в отличие от новых резиденций промышленников и финансистов), посещали престижные места досуга (театры, клубы, рестораны), содержали закрытые учебные заведения и были широко представлены в имперских управленческих структурах. Кроме того, городская недвижимость оказалась весьма прибыльной сферой вложения капиталов, и для крупных землевладельцев именно в индустриальную эпоху она стала одним из важнейших источников доходов. Концентрация в руках аристократии крупной городской недвижимости определяла ее сохранявшееся влияние в органах городского самоуправления в двух российских столицах. Неслучайно в рассматриваемый период на важнейших постах в Санкт-Петербурге и Москве мы видим представителей титулованной знати (князь В.М. Голицын – московский городской голова в 1897–1905 гг., граф А.А. Бобринский – председатель санкт-петербургской городской думы в 1907–1908 гг., граф И.И. Толстой – петербургский городской голова в 1912–1916 гг.). В этом смысле ситуация в двух крупнейших российских

агломерациях была похожа на британские реалии, где в тот же период 1890–1914 гг. представители аристократии часто занимали должности мэров и лорд-мэров в крупных индустриальных городах. Так, в Белфасте в 1907 г. занял пост мэра граф Шефстбери, в Кардиффе – маркиз Бьют в 1891 г. и герцог Виндзор в 1896 г., в Лонгтоне – герцог Сазерленд в 1896 г., в Ливерпуле – граф Дерби в 1896 и 1912 гг., в Престоне – граф Дерби в 1902 г., в Шеффилде – герцог Норфолк в 1896 – 1897 гг. и граф Фитцуильям в 1910 г. [Cannadine 1980, с. 51].

Аристократия, урбанизация и капитализм в модерный период 1890–1914 гг.

Известно, что исторически дворянские семьи в России владели значительными территориями в городах, но до недавнего времени о размерах этой собственности и о ее экономическом значении в период начавшейся индустриальной модернизации судить было сложно. Д. Ливен по этому поводу замечал: «В отношении городской собственности место русской аристократии находилось тут где-то между английской и германской. В России, преимущественно аграрной стране, города были меньше, а городская собственность имела меньшую стоимость, чем в Англии. С другой стороны, в отличие от лоскутной Германии, русская аристократия всегда тянулась ко двору и владела землей в царских столицах и вокруг них. Определить размеры городской собственности русского дворянства в городах весьма сложно из-за отсутствия информации... Существуют лишь отрывочные сведения о принадлежавшей аристократам собственности в Москве и Санкт-Петербурге. Но все остальное остается для нас белым пятном» [Ливен 2000, с. 141]. Английский историк также резонно обращал внимание на малые размеры и небольшую численность населения подавляющего большинства российских городов вплоть до конца XIX в., что не предполагало наличия дворянских владений значительной стоимости [Ливен 2000, с. 141]. Только 3 города в Российской империи к этому времени имели население более 100 тыс. человек (Санкт-Петербург, Москва, Одесса) и только 50 городов – более 20 тыс. [Brower 1990, с. 23]. В качестве иллюстрации можно привести крупнейший центр текстильной промышленности Иваново-Вознесенск, который до 1861 г. был личной вотчиной графов Шереметевых. Накануне 1917 г. крупные по площади владения этой аристократической семьи в его городской черте и в пригородах приносили дохода не более 50 тыс. руб. в год [Анфимов 1969, с. 278]. Как отмечает при этом Д. Ливен, «если эта сравнительно небольшая сумма составляла весь доход владельца земель в окрестностях российского Манчестера, то доход от ренты

за городскую собственность в других губерниях вряд ли мог быть значительным» [Ливен 2000, с. 142].

Совершенно другие возможности давала городская собственность в Санкт-Петербурге и Москве, единственных российских агломерациях входивших, в первую мировую десятку самых населенных городов. В 1912 г. по численности населения столица Российской империи вместе с пригородами занимала 8-е место (1 907 708 жителей), а Москва – 9-е (1 617 157). К этому году, для сравнения, в Лондоне проживало 7 252 963 чел., в Нью-Йорке – 6 474 568, в Париже – 4 098 640, в Берлине – 3 428 946, в Чикаго – 2 446 921, в Вене – 2 031 498, в Филадельфии – 1 972 342. К 1912 г. по общей площади вместе с пригородами Санкт-Петербург (29,3 тыс. дес.) и Москва (16,2 тыс. дес.) занимали соответственно 6-е и 9-е места, правда, значительно уступая по этому показателю Лондону (164,2 тыс. дес.) и трем американским агломерациям Нью-Йорка (228,5 тыс. дес.), Филадельфии (162,1 тыс. дес.), Чикаго (151,5 тыс. дес.), но находясь в сравнимых размерах с Парижем (43,9 тыс. дес.), Берлином (26,9 тыс. дес.), Веной (25,2 тыс. дес.)¹. Учитывая, что процесс урбанизации, так стремительно изменившийся к началу XX в. облик двух российских столиц, имел общее происхождение и сходные черты с аналогичным процессом на Западе, можно предположить, что возникновение новой городской среды эпохи капитализма с многоэтажной застройкой, индустриальными и коммерческими объектами, новой транспортной системой давало широкие возможности для извлечения значительных денежных прибылей. Санкт-Петербург, например, как и Берлин, накануне 1914 г. уже не мог рассматриваться исключительно как город императорского двора, но являлся вполне автономным пространством с массой гражданских и общественных зданий, учебными заведениями, станциями по очистке воды, железнодорожными путями и другими элементами индустриального города [Schlögel 2000, с. 283–284]. В собственности знатнейших фамилий в начале XX в. в Санкт-Петербурге и Москве оставались великолепные дворцовые комплексы, особняки и земельные участки, на которых возводились доходные дома и общественные здания. Некоторые аристократы не просто занимались реконструкцией своих городских владений, но и в отдельных случаях возводили за свой счет новые здания.

Между 1863 и 1897 гг. население Москвы почти утроилось; между 1897 и 1902 гг. выросло на 13,1%, между 1902 и 1907 гг. на 14,6 % и между 1907 и 1912 гг. на 20,2 %, достигнув 1 617 157 человек.

¹ Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы 6 марта 1912 года. Ч. 1: Общие данные о населении, квартирах и владениях г. Москвы и пригородов. М., 1913. С. 5–6.

Средняя плотность населения Москвы, включая пригороды, накануне 1914 г. была примерно 93 человека на гектар. Однако внутри муниципальных границ она была значительно выше и постоянно возрастала. В 1910 г. средняя плотность населения в границах города была 111 человек на гектар (в 1890-е гг. этот показатель для Нью-Йорка был 145, для Берлина – 248). Городские владения аристократии находились преимущественно в самом густонаселенном районе Москвы – Земляном городе, пространстве между Бульварным и Садовым кольцами, где в среднем на гектар проживало 295 человек. В 1890-е гг. наибольшая плотность населения сравнимых территориальных единиц в Нью-Йорке была от 740 до более 1200 человек на гектар, в центре Лондона 260 и в некоторых районах Берлина около 350. Таким образом, плотность населения в Москве была в общем ниже, чем в главных промышленных городах других стран, но тем не менее соответствовала достаточно высоким показателям [Гохстанд 2004, с. 99–104]. Эта возрастающая плотность населения была потенциальной предпосылкой для динамичного роста доходов крупнейших московских домовладельцев. В 1869 г. чистая прибыль дворянских собственников от их городских владений (2584 дома) составляла 3 300 тыс. руб. [Корелин 1979, с. 119]. По данным на 1 января 1880 г. чистый доход от всех недвижимых имуществ в Москве уже исчислялся в 22,3 млн руб.² В 1892 г. из 11 223 московских домовладельцев дворян насчитывалось 1105 человек (17%), в то время как купцов и почетных граждан среди домовладельцев было 3092 человека (27,5%). Дворянам в Москве принадлежало 2326 владений из общего числа 14 138, что составляло 16,5%. По данным на 1901 г. в Москве среди крупных домовладельцев (доход более 5 тыс. руб. в год) дворян насчитывалось 351 человек из общего числа в 1567 человек, т. е. 22,4% [Петров 2002, с. 68, 73]. Таким образом, дворяне и чиновники составляли весьма значительную группу собственников, уступавшую первенство только новому буржуазному классу. Городские земли аристократии даже увеличивались, поскольку в 1880–1914-х гг. происходило образование новых городских пригородов также и на землях частных владельцев. Так, например, разбивка на строительные участки владения графов Шереметевых, где была построена большая часть Марьиной рощи, была произведена в 1883 г. Пригородный поселок Александровка на земле княгини Козловской образовался в 1896/97 г.³

² Недвижимые имущества в Москве и их страхование. М., 1882. С. 16.

³ Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы 6 марта 1912 года. Ч. 1: Общие данные о населении, квартирах и владениях г. Москвы и пригородов. М., 1913. С. 12.

Главное участие в покупках и продажах городской недвижимости в Санкт-Петербурге как по числу сделок, так и по их стоимости принимали две сословные группы – дворяне и чиновники, купцы и почетные граждане. Причем первое место занимали именно дворяне. Так, например, в 1893 г. в столице империи дворяне купили 92 объекта недвижимости на 6 166 031 руб. и продали 107 владений на 8 403 142 руб. Для сравнения: купцы и почетные граждане купили 75 владений за 5 326 108 руб. и продали 76 за 7 066 746 руб. Всего же за 1888–1893 гг. в дворяне купили 465 владений на 33 116 685 руб. и продали 545 на 37 954 783 руб.⁴ Эти данные прекрасно демонстрируют способы извлечения аристократией доходов из своей городской недвижимости. С одной стороны, главным покупателем дорогих и громадных зданий у лиц дворянского сословия выступали различные компании, общества и учреждения. В условиях высоких цен на городские владения в центральной части города и растущей потребности в открытии именно здесь коммерческих и офисных площадей знатные семьи могли с большой выгодой для себя расстаться со своей собственностью и обратить ее в денежные капиталы. С другой стороны, вложения в городскую недвижимость были также экономически крайне привлекательны. Следует отметить, что подавляющая часть городских владений в двух столицах Российской империи находилась в руках частных собственников. В 1890 г. в Москве частным лицам принадлежало 89,3 % всех владений, в Санкт-Петербурге – 89,7%⁵.

Санкт-Петербург: городская недвижимость как источник благосостояния аристократии

Как отмечает Ева Берар, в первые годы XX в. Санкт-Петербург стремительно менял облик за счет расширения и уплотнения строительства. В этом видят признак усиления предпринимательских классов, обогащавшихся в условиях индустриального бума и стремившихся к «комфорту, престижу и европейскому признанию» [Берар 2016, с. 193–194]. В той же мере этим капиталистическим духом были захвачены крупные землевладельцы и высшие чиновники. Они не только отстраивали роскошные городские резиденции, но и активно инвестировали в жилищное строительство. Описание некоторых из этих новых особняков, возведенных арис-

⁴ Переходы недвижимых имуществ в С.-Петербурге в 1893 г. в сопоставлении с данными предшествующего шестилетия. СПб., 1896. С. 41–43.

⁵ Статистический атлас города Москвы. Вып. 2: Владения, строения, квартиры и хозяйства. М., 1890. С. 8–9.

тократией в Петербурге в предвоенные годы, можно встретить на страницах модного тогда журнала «Столица и усадьба». Великолепные новые постройки, включая домашний театр, были возведены в 1912–1914 гг. при особняке князя С.С. Абамелек-Лазарева на Миллионной улице. Дом, построенный в 1730-е гг. и находившийся во владении знаменитого Бирона, а затем побывавший собственностью Апраксиных, Кочубеев, Куракиных, Потемкиных и Игнатьевых, был куплен новым владельцем в 1903 г. Новая постройка была возведена по плану архитектора А.И. Фомина. Кроме домашнего театра, она включала в себя громадную парадную столовую, кабинет князя с великолепной библиотекой⁶. Абсолютно новый дом был возведен для князя К.А. Горчакова на Б. Монетной улице около Каменноостровского проспекта. Этот особняк рассматривался как один из лучших среди новых петербургских строений. В истории его строительства было немало и от нового духа экономического прагматизма, взятого на вооружение многими аристократами. Князь Константин Александрович Горчаков (сын канцлера А. Горчакова), женатый на румынской княжне Стурдза, купил в 1880-е гг. 2 дес. земли по Большой Монетной улице вблизи Каменноостровского проспекта для строительства нового дома. Тогда это была окраина Санкт-Петербурга, и многие не понимали, как можно жить в такой глуши. Однако уже через несколько лет Каменноостровский проспект стал активно застраиваться, и вложения здесь в городскую недвижимость стали весьма прибыльными. Дом князя Горчакова был построен в 1891 г. по проекту владельца, исправленному в Париже французскими архитекторами и осуществленному архитектором Гавеманом. Это был роскошный особняк с фасадом в стиле Louis XVI и с внутренней отделкой в стиле Регентства⁷.

Петербургская аристократия достаточно быстро оценила экономические перспективы, связанные с городской недвижимостью. В исследованиях уже приводились сведения, например, о крупных вложениях графа П.А. Шувалова в 6 крупных жилых домов в Санкт-Петербурге стоимостью в 2,6 млн руб., о крупном городском владении графа П. Зубова в Санкт-Петербурге на Невском проспекте стоимостью в 0,5 млн руб., чистая прибыль от которого с 1890 по 1910 г. поднялась с 35,6 тыс. руб. до 62 тыс. руб. [Лаверычев 1974, с. 69]. В.А. Ратьков-Рожнов принадлежал к числу высших чиновников, вышедших из рядов потомственного дворянства, и вел дела с крупными российскими промышленниками и финансистами. Отдельным направлением его предпринимательской деятельности стало инвестирование в городскую недвижимость, покупка

⁶ Столица и усадьба. Пг., 1915. № 45. С. 4–7.

⁷ Столица и усадьба. Пг., 1916. № 62–63. С. 5–14.

незастроенных участков и строительство доходных домов с привлечением лучших архитекторов. К 1900-м гг. только в Санкт-Петербурге в его собственности было 32 здания [Дубин 2002, с. 26–27]. Значительные суммы инвестировали в городскую недвижимость Орловы-Давыдовы. В 1910 г. на имя графа В. А. Орлова-Давыдова была приобретена у купца Г.И. Бененсона земля и дом по Каменноостровскому проспекту в Санкт-Петербурге на сумму в 191 810 руб.⁸ В Петербурге во владении князей Оболенских-Нелединских-Мелецких в начале XX в. было 7 домов, один из которых на набережной Невы, находился напротив Зимнего дворца. Князь П.С. Оболенский сделал в нем значительные переделки и превратил его в роскошный особняк в парижском стиле. Любопытно, что семья князя занимала в доме только один этаж с отдельным входом и с отдельной конюшней на 12 лошадей. Остальные помещения сдавались внаем⁹.

В Санкт-Петербурге крупнейшими аристократами-землеладельцами были князья Белосельские-Белозерские. Они владели роскошным дворцом на Фонтанке у Аничкова моста. Правда, в 1884-х г. этот особняк был продан великому князю Сергею Александровичу, а князь К.Э. Белосельский-Белозерский переселился в свой летний дом на Крестовском острове [Цельяйт 1996, с. 100–101]. Обширная территория самого острова использовалась владельцами в коммерческих целях. Здесь можно было арендовать жилье под постоянное или временное проживание (летние дачи). По Белосельскому проспекту, Архангельской, Александровской и Вязовской улицам было построено свыше 60 жилых домов. Между Морским и Крестовским проспектами был разбит парк, также являвшийся собственностью князей Белосельских-Белозерских. В 1903–1908 гг. земельные участки, составлявшие менее одной десятой части площади острова, были проданы за 1,3 – 1,5 млн руб. (64 тыс. кв. сажени из 753 тыс. кв. сажений общей площади владения). В 1909 г. были проданы еще участки на сумму в 420 тыс. руб. [Неклюдов 2013, с. 207]. Но рост цен на землю продолжался, и накануне 1914 г. собственность княжеской семьи могла оцениваться даже больше, чем в начале века. Обширные владения в черте Санкт-Петербурга в течение многих лет обеспечивали значительные долговые обязательства уральских предприятий князей Белосельских-Белозерских. Намерение продать Крестовский остров объяснялось необходимостью получения крупных свободных капиталов для финансирования этих заводов. Большая часть острова должна была перейти английскому обще-

⁸ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Ед. хр. 2606. Л. 53.

⁹ *Obolensky S.* One man in his time. The memoirs of Serge Obolensky. L., 1960. P. 35.

ству, а в собственности владельцев должна была остаться часть территории с усадьбой. Однако, как предполагает Е.Г. Неклюдов, условия продажи, осуществленной в 1914 г., могли быть несколько изменены, поскольку в августе 1913 г. по просьбе князя К.Э. Белосельского-Белозерского Крестовский остров был изъят из ведения опекунского управления и возвращен в полное его распоряжение [Неклюдов 2013, с. 207].

Д. Ливен полагал, что к 1914 г. даже Крестовский остров не обладал такой ценностью, как 8,3 дес. земли в самом центре Санкт-Петербурга, где располагался знаменитый рынок, принадлежавший графам Апраксиным. Согласно раздельному акту 1873 г., после смерти графа Степана Федоровича Апраксина все его движимое и недвижимое имущество подлежало разделу между его сыном графом Антоном Степановичем Апраксиным (1817–1899) и баронессой Мантейфель (урожд. Апраксиной). Эти владения включали, помимо Апраксина двора в Петербурге, дома в Петергофе, имения в Воронежской (2778 дес.), Курской (1545 дес.), Самарской (8268 дес.), Псковской (370 дес.), Ярославской (1138 дес.) губерниях¹⁰. Но именно городское владение стало основой финансового процветания графа А.С. Апраксина, а после его смерти – его жены графини Марии Дмитриевны Апраксиной и сына графа Степана Антоновича Апраксина.

В начале XX в. Апраксин двор имел самый большой оптовый оборот среди всех рынков Европы. Современная реконструкция старого петербургского владения этой аристократической семьи была проведена еще в 1862–1863 гг. после большого пожара. Уже тогда было открыто для торговли более 100 лавок. Застройка рынка продолжалась и в последующие годы. В 1912 г. в нем уже было более 40 корпусов и 650 лавок. Застройка производилась на средства арендаторов, причем помещения надстраивались третьими и четвертыми этажами. Здесь находились оптовая торговля фруктами, чаем и вином, широкая сеть магазинов и ларьков с различной специализацией. В 1907 г. в помещениях Апраксина двора открылось отделение Общества взаимного кредита и отделение агентства страхового общества «Россия»¹¹. В июне 1904 г. графиня М.Д. Апраксина, находясь в Мариенбаде, писала одному из своих доверенных лиц в ответ на известие о переводе своих владений в заповедные и следующим образом давала оценку экономического положения Апраксина двора: «Любезный граф, получила ваше извещение о том, что майорат утвержден подписью государя. За тем я еще раз хорошенько

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 6.

¹¹ *Рубахин В.Ф.* Графы Апраксины и их Петербургская вотчина – Апраксин двор. СПб., 1912. С. 74–75.

обдумала ваше предложение перезаложить Апраксин Двор в Уделах и решила, что пока никаких перемен или нововведений по управлению нового майората делать не буду, а оставляю все в том же порядке, который был установлен покойным графом. Все служащие при конторе были взяты им. Они опытни и привыкли вести эти дела... Могу сказать, что вообще дела идут не дурно. Все векселя, оставшиеся после смерти графа уплочены, и по его посмертным обязательствам деньги внесены. Кроме того заново отстроен театр и сделано еще много необходимых издержек по Апраксину двору. Все это за чистые деньги, не прибегая к займам, как это делалось прежде»¹².

Уже в 1895 г. некоторые частные лавки имели оборот свыше 100 000 руб., а к 1914 г. доходы от рынка, очевидно, стали колоссальными. Огромные доходы позволили графу А.С. Апраксину еще в 1873 г. выкупить доли всех остальных наследников этого владения и в дальнейшем выделить огромные суммы на благотворительность. В 1880–1900-е гг. Апраксины в общей сложности потратили около 1,5 млн руб. на строительство церковных построек, здания театра, школы и приюта для слепых¹³. В декабре 1902 г. граф Степан Антонович Апраксин (1869–1930) и его мать графиня Мария Дмитриевна Апраксина подали императору прошение о придании их городским владениям статуса заповедного имения¹⁴. Император Николай II утвердил это прошение распоряжением Сенату в июне 1904 г.¹⁵

Значительной городской собственностью в Санкт-Петербурге обладали Строгановы. Помимо знаменитого дворца (Невский проспект, 17) речь шла о доходных домах на Невском проспекте (19, 23) и в Саперном переулке (14). По данным Домовой конторы Строгановых накануне 1917 г. стоимость дворца на Невском проспекте в Санкт-Петербурге составляла 940 450 руб., а стоимость земельного участка – 972 000 руб. (общая стоимость владения, таким образом, составила 1 912 450 руб.) [Трубинов 1996, с. 146]. Также Строгановым принадлежали дачные участки под Петербургом. Содержание дач и домов в 1900 г. стоило Строгановым 76 823 руб., в том числе на нужды петербургского дворца было истрачено 29 739 руб. Содержание доходных домов обошлось в 17 118 руб. В то же время городская недвижимость и дачи принесли дохода в этом году на сумму 79 920 руб., что ненамного превысило поступления. Однако доходные дома принесли 46 284 руб., что более чем в 2,5 раза превышало их

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 4–5.

¹³ *Рубахин В.Р.* Графы Апраксины и их Петербургская вотчина – Апраксин двор. СПб., 1912. С. 76–86.

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1–1об.

¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 13–13об.

содержание¹⁶. По данным за 4 месяца (с 1 ноября 1912 г. по 1 марта 1913 г.) два доходных дома Строгановых в Санкт-Петербурге и дачи в Новой деревне принесли прибыли на сумму 39 736 руб. (22 240 и 17 496 руб. соответственно). Доходный дом в Саперном переулке в это время перестраивался. На это было затрачено 26 407 руб. Общие затраты на городскую недвижимость и дачи в эти месяцы составили 63 637 руб. Таким образом, можно предположить, что общие поступления от городской собственности и дач Строгановых за год должны были превышать 110 тыс. руб., что примерно на 1/3 превышало доходы в 1900 г. И это учитывая, что один из доходных домов в 1912–1913 гг. перестраивался и прибыли не приносил¹⁷.

Доходные дома графа С.А. Строганова в Саперном переулке устроивались в 1912 г. архитектором Д.А. Шагиным. Другим коммерческим предприятием Строганова в Санкт-Петербурге были художественные выставки в «малом доме» на Невском проспекте (23), также перестроенном Шагиным в 1907 г. Тот же архитектор занимался переустройством Строгановской дачи, что вызвало неодобрение общественности [Кузнецов 2003, с. 175]. Заметка в журнале «Золотое руно» – любопытное свидетельство общественной реакции на коммерческие инициативы аристократа в своих городских владениях: «Когда <...> вандализмы производятся городской управой, санитарной комиссией, ветеринарными врачами, Академией художеств или администрацией загородных кафешантанов, это кажется естественным и в порядке вещей. Но те же побуждения у людей культуры, с историческими традициями, совершенно непонятны. Гр. С.А. Строганов, владелец огромного состояния, решился разрушить памятник прекрасного зодчества екатерининской эпохи, памятник семейный – прекрасную дачу на Черной речке, дачу, построенную бывшим крепостным его деда – А.Н. Воронихиным. Если бы вдруг воскрес памятный граф Александр Сергеевич, культурный и умный меценат, ему было бы стыдно за своего внука, разрушающего из торгашеских соображений памятник, драгоценный для истории семьи Строгановых и для истории русской архитектуры. Однако “потомки” думают иначе, и, несмотря на двукратную просьбу и заявление общества архитекторов-художников, гр. С.А. Строганов ломает свою дачу, чтобы выстроить на ее месте доходный дом. Здание будет 4-этажное с мелкими квартирами... Комбинация если и остроумная, то, во всяком случае, весьма не культурного свойства!»¹⁸ Негодование общественности не могло изменить экономический прагматизм владельца. В марте – апреле 1912 г. в своих

¹⁶ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ед. хр. 2652. Л. 18–30.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 2658. Л. 40–41.

¹⁸ Золотое руно. 1908. № 7–9. С. 120.

словесных распоряжениях Главной конторе граф С.А. Строганов специально оговаривал перспективы использования и другого своего пригородного владения. В частности, он отказывался принимать проект сдачи мызы Мандуровой в аренду частному лицу или акционерному обществу на 36 лет на условиях, представленных управляющим А.Ф. Мерценфельдом. Мотивом этого было то, что, по мнению графа, ему предлагали довольствоваться «ничтожным доходом в течение 36 лет» в то время как «Петербург растет слишком быстро и закабалить себя договором на таких условиях» граф не желает¹⁹. Продолжались поиски более выгодных предложений.

Москва:

не только город процветающей буржуазии

Журнал «Столица и усадьба» сообщал своему читателю (1916 г.), что в Москве еще остается достаточное количество дворянских особняков. Среди основных перечисляются: дом-дворец графов Бобринских на Большой Никитской, «внушительный и вместе с тем легкий, с прекрасной колоннадой»; большой особняк на Никитском бульваре Н.А. Шереметевой (урожд. Столыпиной); громадный дом на Поварской улице графини Соллогуб (урожд. баронессы Боде-Колычевой), а также соседние дома Кошелевых, Самариных; громадный старинный дом на Покровке князя В.М. Голицына; на Новинском бульваре «дивный дом, достойный быть поставленным под стекло» князей Гагариных, «восхитительный снаружи, очаровательный внутри»; на Никитской бывший дом князя А.А. Щербатова, перешедший во владение его дочери Новосильцевой. Далее указываются «барственный особняк» Вырубовых на Тверском бульваре «с дивной анфиладой парадных комнат и величественной парадной лестницей», принадлежащий семье Тютчевых; громадный с флигелями дворец князя Мещерского на Никитской «с домовою церковью и высокими комнатами строгого холодного вида»; превосходный большой особняк графини П.А. Уваровой; на Арбате – большой дом Нейгардтов; на Воздвиженке – громадный дом-дворец графов Шереметевых²⁰. По своей представительности дворянские особняки в Москве могли поспорить с петербургскими дворцами. Неслучайно, что во время коронации 1896 г. французский посол Г. Монтебелло арендовал дворец графа Шереметева на Воздвиженке как наилучшее место для проведения балов. Представитель же Австро-Венгерской монархии Франц фон Лихтенштейн, отверг-

¹⁹ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Ед. хр. 1065. Л. 2об.

²⁰ Столица и усадьба. Пг., 1916. № 69. С. 5–10.

нуж дома Шукина и Яковлева (бывший особняк князей Трубецких в Большом Знаменском переулке и московская усадьба А.А. Яковлева), остановил свой выбор на доме Самарина для собственного проживания и бывший особняк Мятлева (Купеческий клуб) для организации приемов. Любопытно, что иностранные арендаторы вынуждены были осуществить модернизацию помещений, в том числе осуществить работы по прокладке электропроводки [Вакоуниг 2012, с. 223–225]. Князь М.В. Голицын вспоминал, что во время коронационных торжеств 1896 г. он сдал свою московскую городскую квартиру (целый этаж с антресолями) голландскому посольству. Причем голландцы пользовались всей обстановкой, мебелью, посудой и даже частью прислуги²¹.

Аристократия в Москве владела городской недвижимостью в основном в центральных районах к северу от Москвы-реки, где стоимость земли в отдельных кварталах накануне 1914 г. варьировалась от 499 до более чем 1499 руб. за кв. сажень. Это были районы «московского сити» в Китай-городе и территории вокруг Театральной площади и Тверской улицы. Кварталы Белого города, в которых жили представители высших классов, относились к зоне умеренной стоимости. Здесь стоимость земли была в пределах 99–249 руб. за кв. сажень [Гохстанд 2004, с. 122–124]. Неудивительно, что благоприятная экономическая конъюнктура позволяла московским домовладельцам из числа аристократии извлекать значительные прибыли. Здесь действовали сразу три важных фактора – высокая стоимость земли, большая плотность застройки и значительная концентрация населения.

Очевидный экономический прагматизм наблюдается в известном строительном проекте князя С.А. Щербатова (1875–1962), сына московского городского головы в 1863–1869 гг., князя Александра Алексеевича Щербатова (1829–1902). Получив значительный свободный капитал от продажи ряда своих сельскохозяйственных имений на юге России, его часть он решил использовать для крупного вложения в городскую недвижимость. В своих воспоминаниях князь С.А. Щербатов писал: «Я задумал выстроить дом-дворец типа дворцов екатерининской эпохи, выстроить то, что в нашу эпоху строить, конечно, невозможно для удовлетворения личной прихоти, как безрассудный анахронизм, непозволительная ни жизни, ни быту не соответствующая роскошь. Я считал возможным это сделать, если подобное художественное здание крупного масштаба будет соответствовать практической, разумной цели доходного дома, то есть одновременно с произведениями искусства будет и помещением капитала более надежным, чем земельная

²¹ Голицын М.В., кн. Мои воспоминания: 1873–1917. М., 2007.

собственность»²². Этот проект был блестяще реализован. Дом князя С.А. Щербатова на Новинском бульваре (11) в Москве был построен в 1911–1913 гг. по проекту архитектора А.И. Таманяна. Он соединил в себе доходный дом с роскошным особняком в неоклассическом стиле²³.

Московский губернатор в 1887–1891 гг. и московский городской голова в 1897–1905 гг. князь Владимир Михайлович Голицын владел большим домом на Покровке, построенным еще в 1780-е гг. Это был двухэтажный особняк с ротондой и с обширным двором, где было три каменных флигеля, конюшни, амбар, сараи и большой сад. В 1911 г. сын владельца князь М.В. Голицын стал инициатором капитального переустройства этого городского владения. Архитектором Францем Львовичем Контримом был составлен план переделки нижнего этажа покровского дома под магазины, а верхний этаж должен был быть переоборудован под учебное заведение – частную торговую школу. Эта школа будет занимать это помещение вплоть до 1917 г. и выплачивать Голицыным 4500 руб. годовой аренды. На первом этаже было устроено 6 магазинов с обширными помещениями. Как отмечал в своих воспоминаниях князь М.В. Голицын, «так как Покровка в то время стала очень людной и торговой улицей, то магазины были сданы в наймы быстро и за хорошую цену»²⁴. В следующем году после удачной перестройки покровского дома Голицыны получили под залог этого владения большую ссуду в Кредитном обществе, которую решено было вложить в строительство большого доходного дома. Разработка плана и наблюдение за строительством были поручены тому же Ф.Л. Контриму. Под застройку были выделены обширные пустыри на Покровке, которые находились в собственности Голицыных. Детальный план доходного дома был одобрен архитектором А.Ф. Мейснером, который строил все многоэтажные дома графа А.Д. Шереметева. Ссуда, полученная Голицыными в Кредитном обществе в виде облигаций, реализовывалась через банки, и на полученные деньги покупалось несколько миллионов штук кирпича, бутовый камень. Различным фирмам делались заказы на полы, рамы, лестничные ступени, котлы и трубы для центрального отопления. Всеми работами ведали архитектор Ф.Л. Контрим и управляющий владельцев Корнеев. Постройка доходного дома началась весной 1914 г. и полностью была

²² *Щербатов С.А., кн. Художник в ушедшей России. М., 2000. С. 229–230.*

²³ Ежегодник Общества архитекторов-художников. СПб., 1912. Вып. 7. С. 123–127; Ежегодник Общества архитекторов-художников. СПб., 1914. Вып. 9. С. 140–149.

²⁴ *Голицын М.В., кн. Мои воспоминания: 1873–1917. М., 2007. С. 420.*

завершена к 1917 г.²⁵ По оценкам владельца, строительство этого доходного дома обошлось почти в 0,5 млн руб., и вся эта сумма была покрыта двукратными займами. Но при этом вся 21 квартира была быстро сдана по повышенной расценке. Второй этаж нового дома был передан городской управе под лазарет. На первом этаже было открыто 6 магазинов. Вход в здание был с плиточным полом, парадной лестницей, лифтом. Как вспоминал князь М.В. Голицын, это было очень выгодное помещение капитала, и в его планы входила дальнейшая застройка еще большей территории в 1,25 га²⁶.

Аристократические фамилии использовали не только в коммерческих целях свои старинные городские владения. Были примеры вложений крупных капиталов в новоприобретенную городскую недвижимость. В декабре 1911 г. князь Н.В. Гагарин приобрел у потомственного почетного гражданина Алексея Васильевича Швецова комплекс строений по Софийской набережной и Болотной улице под № 77, 78, 110 и 111. Продажная цена составила 2 млн руб. В эту сумму включался переводимый на покупателя долг по этим владениям Московскому городскому кредитному обществу (838 тыс. руб.). Князь Н.В. Гагарин выплачивал А.В. Швецову наличными 200 тыс. руб., а на остальную сумму была выписана закладная сроком на 8 лет из 6% годовых²⁷. По данным за 1913 г. Софийское подворье в Москве, принадлежавшее теперь уже князьям Гагариным, принесло прибыли на 88 776 руб²⁸. Это был некий аналог петербургских владений Апраксиных, представлявший собой крайне выгодное коммерческое предприятие – огромный комплекс, построенный еще в 1860-е гг. известным предпринимателем и финансистом В.А. Кокоревым, с гостиницей, доходными меблированными комнатами, магазинами и складами.

Крупные денежные суммы были вложены в городскую недвижимость в начале XX в. княгиней М.П. Долгоруковой. В 1902 г. ее доверенные лица купили у А.А. Катуар де Бюнкюра за 255 тыс. руб. дом по Спиридоновке с земельными участками. В том же году у того же Бюнкюра были куплены два домика по Спиридоньевскому пер. за 30 тыс. руб. В 1902–1903 гг. на этой территории были выстроены конюшня, жилища служащих и отремонтированы сами здания. Для этих расходов (покупка домов, ремонт и пристройки) средства были получены за счет продажи ценных бумаг (140 699 руб.) и за счет доходов княгини. В мае 1906 г. были приобретены у наследников г. Бельского дома по Спиридоньевскому

²⁵ Голицын М.В., кн. Указ. соч. С. 479–480.

²⁶ Там же. С. 547.

²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 361. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 9–10.

²⁸ РГАДА. Ф. 1262. Оп. 1 доп. Ед. хр. 903. Л. 67–68.

пер. за 66 139 руб. В том же году были возведены трехэтажная пристройка к дому княгини, пристройка к конюшне, каменный забор, каменная сторожка. Также был произведен ремонт новоприобретенных домов и везде устроена канализация. На эти работы было потрачено 59 757 руб. В 1907 г. окончен ремонт и переделка квартир с хозяйственными помещениями, а также каменная терраса в доме княгини (16 937 руб.). В этом же году при доме был устроен сад. В итоге владения княгини Долгоруковой заняли площадь в 1641 кв. сажень фасадом на ул. Спиридоновку. С 1902 по 1908 гг. на приобретение и ремонт этой городской недвижимости было затрачено 366 851 руб. Любопытно, что эта сумма складывалась из первоначального капитала княгини (140 699 руб.), денег от продажи Девицкого имения (208 644 руб.) и текущих доходов (17 507 руб.). В 1908 г. предполагаемый доход (от сдачи 10 квартир) определялся в 23 000 руб., а расход – 11 693 руб. (чистая прибыль – 11 307 руб.). Доходность на затраченный капитал (366 851 руб.) определялась в 3,12%, что, надо сказать, было весьма скромным показателем, но с другой стороны – прибыль была вполне гарантирована. В 1908 г. княгиня М.П. Долгорукова приобрела у баронессы Н.Н. Мейендорф также 1/9 часть дома в Знаменском пер. за 31 943 руб.²⁹

Несколькими домами владели в Москве граф Алексей Васильевич Олсуфьев и его жена графиня Александра Андреевна Олсуфьева (на Малой Дмитровке, на Тверской улице и на Поварской улице). Графиня занимала высокие должности при дворе. С 1892 г. она была обер-гофмейстериной великой княгини Елизаветы Федоровны, а с 1910 г. – статс-дамой императрицы Марии Федоровны. Сохранились подробные финансовые отчеты по городским владениям Олсуфьевых по Малой Дмитровке и по Тверской ул. В период 1891–1906 гг. чистая прибыль по первому дому увеличилась в среднем с 3–4 тыс. руб. в год до 5–6 тыс. руб. Второе же владение демонстрировало еще больший рост доходности – чистая прибыль в эти годы поднялась с 16–18 тыс. руб. до 28–29 тыс. руб. В 1898–1899 гг. этот дом на Тверской улице перестраивался за счет владельца. На это было затрачено 62 204 руб. В 1903 г. в доме было проведено электричество и установлены лифты (на 15 453 руб.). Согласно отчету за 1912 г. доходы по Тверскому дому Олсуфьевых поступали от сдачи в наем меблированных комнат, квартир и магазинов. Общий доход в этом году составил 44 835 руб., а чистая прибыль – 29 416 руб. (в 1913 г. соответственно 43 150 руб. и 29 728 руб.). Часть денежных поступлений от своих владений на Малой Дмитровке и Тверской улице Олсуфьевы тратили на

²⁹ ГАРФ. Ф. 919. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–35об.

содержание своего дома на Поварской улице, в котором размещалась их личная резиденция. Общая стоимость трех домов Олсуфьевых в Москве в 1912 г. составила 751 400 руб.³⁰

Городские владения Юсуповых и Шереметевых

Две семьи крупнейших землевладельцев Российской империи – Юсуповы и Шереметевы – владели в начале XX в. значительной городской недвижимостью как в Санкт-Петербурге, так и в Москве. В детализированном отчете Главного управления по владениям княгини З.Н. Юсуповой за 1900 г. стоимость «дворцов жилых и прочих строений» определялась в 5 341 016 руб., из которых на городскую собственность приходится 3 381 953 руб. Дома в Санкт-Петербурге оценивались в 2 903 854 руб., московские дома – в 413 292 руб. Для сравнения: полевая и прочая земля в имениях княгини З.Н. Юсуповой стоила 4 228 559 руб., лесные угодья – 3 497 836 руб., фабрики и заводы – 1 762 207, оборотный капитал в имениях – 1 919 657 руб.³¹ Таким образом, хорошо видно, что по крайней мере в денежном эквиваленте городская собственность Юсуповых ненамного уступала земельным владениям, была практически равна лесным владениям и почти в 2 раза превосходила промышленные фонды.

В 1890–1914 гг. комплекс городских владений Юсуповых включал в себя помимо дворцовых резиденций несколько доходных домов в Петербурге, также доходные дома по Тверскому бульвару и у Красных ворот в Москве и деревянный дом с флигелями на набережной реки Кутума в Астрахани³². В литературе уже отмечалось, что, судя по сохранившимся документам, счетам, письмам, Юсуповы тщательно следили за содержанием домов. В частности, счета от архитекторов говорят о замене лестниц, капитальных ремонтах, строительстве оранжерей и т. д. [Соловьева 1995, с. 170–171]. В год капитальные затраты на содержание доходных домов достигали десятков тысяч рублей. Так, например, по сметам на 1901–1902 гг. на ремонтные работы (прокладка новых подземных чугунных и свинцовых труб, замена оконных рам, балок, полов и пр.) в петербургских доходных домах, принадлежавших Юсуповым, было выделено 20 тыс. руб.³³ В следующем отчетном году (1902/03) на капитальный ремонт доходных домов было потрачено 15 тыс. руб.³⁴

³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 164. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 74–81, 82–85, 94–95.

³¹ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 71.

³² Там же. Д. 1234. Л. 28–29.

³³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 368. Л. 3.

³⁴ Там же. Д. 417. Л. 19об.

В Юсуповском архиве сохранились счета магазинов, мебельных мастерских, иностранных фирм об оплате работ по обустройству внутренних помещений, покупке мебели³⁵.

В течение всего периода 1890–1914 гг. доходы, получаемые Юсуповыми от городской собственности, постоянно росли, и достаточно быстрыми темпами. По отчетам за 1900 г. чистой прибыли по семи доходным домам в Санкт-Петербурге было получено 64 700 руб.³⁶ Спустя всего несколько лет, в 1908–1909 гг., чистая прибыль по этим владениям составила 91 736 руб., а в 1912 г. прибыль по доходным домам в Петербурге насчитывала уже 126 382 руб.³⁷ В среднем за 1900–1914 гг. Юсуповы почти в два раза увеличили поступления от своей городской собственности. При сохранении прежнего числа городских владений значительно выросла их стоимость. Подобное весьма прагматичное, следует отметить, отношение к использованию данного важного источника доходов, каким стали для Юсуповых значительные земельные владения в городах, прежде всего в Петербурге и Москве, не являлось чем-то необычным. Накануне 1914 г. доходы от городской недвижимости составляли примерно 8–9% от всех денежных поступлений в бюджете этой аристократической семьи.

Из высшей знати самыми крупными владельцами городской недвижимости в Петербурге и Москве были Шереметевы. Они смогли довести этот источник своего благосостояния до почти 37% всех своих денежных доходов в 1914 г. Одним из самых прибыльных зданий, принадлежавших представителю знатной дворянской фамилии, был дом графа С.Д. Шереметева на углу Никольской улицы и Черкасского переулка в деловом квартале Москвы стоимостью в 2,2 млн руб.³⁸ Его помещения сдавались частным арендаторам под магазины, лавки и конторы. В 1900 г. это городское владение Шереметевых принесло прибыли 126 800 руб., а в 1913 г. – уже 312 100 руб.³⁹

Также Шереметевым принадлежали на тогдашней окраине второй столицы земли в Марьиной Роще, Останкино и Кусково, которые использовались также вполне прагматично. В 1910 г. доход от 363 участков в Кусково, сдаваемых под летние дачи, составил 27 800 руб. Главной статьей дохода здесь была сдача данных участков под застройку дач в Вешняках, близ Перова и пр. и вдоль линий железной дороги [Анфимов 1969, с. 278]. В Марьиной Роще и

³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 104. Л. 1–9.

³⁶ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 347. Л. 71.

³⁷ Там же. Д. 411. Л. 6; Д. 944. Л. 29–30.

³⁸ Там же. Ф. 1286. Оп. 7. Ед. хр. 46. Л. 132.

³⁹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 4. Ед. хр. 175. Л. 2об.

в Останкино Шереметевы первоначально сдавали землю арендаторам отдельными участками по фиксированным ценам. Кроме того, жильцам сдавались собственные флигели в усадьбе, а также огородная земля – по 120 руб. за дес. Эта ситуация с фиксированными арендными ценами в условиях непрерывного и быстрого роста доходности городских земель не могла удовлетворять владельцев. Арендная плата стала повышаться, не считаясь со сложившимся обычным правом. В 1912 г. граф С.Д. Шереметев, решив использовать эту землю как можно выгоднее, объединился с французскими инвесторами для строительства многоквартирных домов. Властям было направлено ходатайство о разрешении деятельности Шереметевского акционерного поземельного общества. Его ближайшими целями были снос арендаторских строений, как правило, небольших, и застройка участков современными большими доходными домами [Анфимов 1969, с. 275–276].

Использовалась в коммерческих целях и территория, примыкавшая к знаменитой больнице, основанной семьей Шереметевых в Москве. Продавались места для торговли даже на мостовой перед входом в больничное здание. Также под квартиры граф С.Д. Шереметев сдавал свои дома в Санкт-Петербурге (на Фонтанке и Литейном проспекте) и дом на Воздвиженке в Москве. В частности, доход по Литейному дому Шереметевых в Санкт-Петербурге составлял следующие суммы⁴⁰: 1904 г. – 1 100 руб.; 1905 г. – 8 600 руб.; 1906 г. – 3 400 руб.; 1910 г. – 21 000 руб.; 1911 г. – 19 000 руб.; 1913 г. – 6 300 руб.; 1914 г. – 16 100 руб.

Накануне войны Шереметевы решили увеличить денежные поступления от владений, непосредственно входивших в состав их городской усадьбы в Санкт-Петербурге (Фонтанный дом). В январе 1914 г. ими было подано прошение в Санкт-Петербургскую городскую управу с приложением чертежей, полученных от архитектора М.В. Красовского, для получения разрешения на постройку магазинов по Литейному проспекту⁴¹. Из сохранившихся писем к графу С.Д. Шереметеву управляющего петербургским особняком и архитектора видно, что данное дело требовало согласия специальной строительной комиссии городской думы и заключения договоров с различными подрядчиками. Любопытно, что под предполагаемые магазины Шереметевы решили отдать часть сада при Фонтанном доме (его площадь сокращалась до 2499 кв. саженей). Судя по чертежу, речь шла о строительстве магазинов с обратной стороны Фонтанного дома с выходом на Литейный проспект. Подобная перестройка исторического района вызвала

⁴⁰ Там же. Л. 2об.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Ед. хр. 5981. Л. 23об.

критические отзывы со стороны общественности, прессы и городских властей. По этому поводу архитектор М.В. Красовский сообщал графу С.Д. Шереметеву следующее (10.05.1914): «В Комитете вчера было заседание Строительной Комиссии, разрешившей мне несколько моих просьб, касавшихся изменений в утвержденном проекте. После заседания все члены Комиссии осматривали на месте состояние работ и, видимо, остались довольны быстрым ходом дела... В прошлом заседании Комиссии по постройке Торговых помещений покончили очень важный и несколько затянувшийся вопрос с железобетонными работами, что дает возможность начать в скором времени земляные работы и почти параллельно с ними работы по устройству фундаментов. В будущем заседании предстоит выбор фирм для исполнения центрального отопления и магазинных витрин. Разломка старых зданий и выкорчевывание деревьев близятся к концу, продолжая вызывать газетные заметки то лирического, то протестующего характера... Надо полагать, что после Вашего ответа Городское управление успокоится и прекратит свои дикие претензии. Если же отцам города так уж необходимо соединение Жуковской и Итальянской улиц, то кто им мешает воспользоваться землей Екатерининского института, не являющегося майоратным владением. Правда, они не любят иметь дело с казенными учреждениями и предпочитают делать свои вылазки на владения частные»⁴².

В данном случае Шереметевы выглядели как абсолютно прагматично настроенные собственники, стремящиеся любым способом увеличить доходы со своих городских владений, несмотря на протесты общественности и препоны со стороны местных властей. Упомянутое заседание строительной комиссии состоялось 23 мая 1914 г., и в результате представители графской семьи заключили соглашения с фирмами «Зигель», «Фрис» и «Железо-бетон» на проведение различных строительных работ. Только на устройство по лицевому фасаду здания витрин и окон одна из компаний должна была получить 38 500 руб.⁴³ Начало войны в августе 1914 г. вызвало серьезную обеспокоенность Шереметевых относительно финансовых затрат на продолжение строительства. Архитектор М.В. Красовский и Главное управление тем не менее уверяли владельцев, что необходимая сумма (150 тыс. руб.) может быть выделена за счет собственных средств до конца года⁴⁴. 24 августа 1914 г. состоялась закладка торговых помещений по Литейному проспекту. Был проведен молебен, сделаны фотоснимки, но торжественный завтрак

⁴² Там же. Л. 83–85.

⁴³ Там же. Л. 88, 99.

⁴⁴ Там же. Л. 194.

был отменен по случаю военного времени. Архитектор М.В. Красовский в письме графу С.Д. Шереметеву подчеркивал, что «работы до сих пор шли... успешно», но сейчас уже начинают сказываться перебои с доставкой необходимых материалов⁴⁵. Тем не менее строительство активно продолжалось во все последующие месяцы войны. В октябре 1915 г. архитектор Красовский сообщал графу С.Д. Шереметеву, что работы на Надеждинской ул. (в еще одном городском владении семьи) идут успешно, «чему не мешает военное время». Однако война вносила свои коррективы. Заказанный за границей лифт, хотя и прибыл в Россию, но «лежит среди прочего груза в Архангельске, и когда его получим сюда – неизвестно»⁴⁶.

Земельные владения русской аристократии в начале XX в. располагались в основном в слабо урбанизированных центральных областях европейской части империи. Однако именно здесь находились Санкт-Петербург и Москва, входившие в это время в десятку крупнейших городов мира. Многомиллионное население, обширные городские пространства, промышленные и коммерческие предприятия являлись потенциальным источником значительных денежных поступлений. Городские владения аристократических фамилий в обеих столицах складывались еще в XVI–XVIII вв. в силу необходимости быть постоянно вблизи царского двора. Знатность в России традиционно связывалось с принадлежностью к придворным кругам, а не крупными владениями феодального типа в провинциях. Парадоксальным образом к концу XIX в., когда в условиях новой индустриальной эры города стали переживать бурный рост населения и современной урбанистической среды, недвижимая собственность русской аристократии в Москве и Петербурге в виде домов и земельных участков стала основой успешной адаптации к новой капиталистической экономике и личного обогащения. В 1890–1914 гг. в руках аристократии находились не только роскошные дворцовые резиденции, но и возведенные недавно доходные дома, коммерческие помещения и сдаваемые внаем дачные участки в пригородах. Анализ хозяйственных документов богатейших дворянских семей показывает, как активно в этот период начинает использоваться эта городская собственность. В нее вкладывались серьезные инвестиции, что привело к значительному росту доходов. Необходимые средства, как правило, появлялись за счет продажи части земельной собственности и коммерческого кредита под залог домовладений. Многие аристократы увеличили свои городские владения за счет новых покупок у частных лиц, очевидно считая это более выгодным способом размещения капитала,

⁴⁵ Там же. Л. 219–220.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 5982. Л. 253.

нежели развитие сельскохозяйственного производства в своих имениях. Накануне 1914 г. для многих аристократических семей денежные поступления от городской недвижимости в обеих столицах составляли весьма значительные суммы и занимали второе место после доходов от сельскохозяйственных имений.

Важнейший вывод, который следует из анализа хозяйственных материалов крупнейших землевладельцев, – это абсолютный прагматизм в отношении своей городской недвижимости. Аристократия продолжала тратить значительные средства, зачастую достигавшие трети всех своих доходов, на содержание роскошных дворцовых резиденций в обеих столицах, но при этом научилась извлекать не меньшие суммы из других своих городских владений. Заключение сделок по сдаче внаем жилых и коммерческих помещений, залоги и другие финансовые операции с недвижимостью вошли в повседневную жизнь, стали привычной составляющей экономических интересов знатных фамилий. Все выгоды новой капиталистической эпохи применительно к использованию обширных владений на городской и пригородной территории Санкт-Петербурга и Москвы были в полной мере оценены и с большой выгодой использованы аристократией.

Литература

- Анфимов 1969 – *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России: конец XIX – начало XX в. М.: Наука, 1969. 395 с.
- Берар 2016 – *Берар Е.* Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге: 1894–1914. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 344 с.
- Вакоуниг 2012 – *Вакоуниг М.* Аристократ и дипломат: Дипломатическая миссия принца Франца де Паулы фон унд цу Лихтенштейна в Санкт-Петербурге в 1894–1898 гг. М.: МИСиС, 2012. 300 с.
- Гохстанд 2004 – *Гохстанд Р.* Стоимость земли в Москве в начале XX века // Москва рубежа XIX и XX столетий: Взгляд в прошлое издаека. М.: РОССПЭН, 2004. С. 99–130.
- Дубин 2002 – *Дубин А.С.* Петербургский городской голова В.А. Ратьков-Рожнов // История Петербурга. 2002. № 3 (7). С. 24–28.
- Корелин 1979 – *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России: 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 304 с.
- Кузнецов 2003 – *Кузнецов С.О.* Сергей и Ольга Строгановы: Перипетии жизни аристократических жителей села Воышево // Краеведческие чтения: Порхов-Холомки: Материалы научной конференции 20–21 декабря 2002 г. Псков, 2003. С. 172–178.
- Лаверычев 1974 – *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России: 1861–1900. М.: Мысль, 1974. 252 с.

- Ливен 2000 – *Ливен Д.* Аристократия в Европе: 1815–1914. СПб.: Академический проект, 2000. 364 с.
- Неклюдов 2013 – *Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики во второй половине XIX–начале XX века: владельцы и владения. Екатеринбург: Изд-во Уральского отделения РАН, 2013. 656 с.
- Петров 2002 – *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М.: Изд-во Московского городского объединения архивов, 2002. 436 с.
- Соловьева 1995 – *Соловьева Т.А.* Особняки Юсуповых в Петербурге. СПб.: ООО «Белое и черное», 1995. 192 с.
- Трубинов 1996 – *Трубинов Ю.В.* Строгановский дворец. СПб.: ООО «Белое и черное», 1996. 176 с.
- Цельяйт 1996 – *Цельяйт М.П.* Дворец Белосельских-Белозерских. СПб.: ООО «Белое и черное», 1996. 160 с.
- Brower 1990 – *Brower D.R.* The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley: University of California press, 1990. 253 p.
- Cannadine 1980 – *Cannadine D.* Lords and Landlords: the Aristocracy and the Towns, 1774–1967. Newark: Leicester university press, 1980. 494 p.
- Schlögel 2000 – *Schlögel K.* Saint-Petersbourg et Berlin: contacts et influences // Saint-Petersbourg: une fenêtre sur la Russie. Ville, modernisation, modernité, 1900–1935. P.: Editions de la Maison des Sciences de l'homme, 2000. P. 279–286.

References

- Anfimov, A.M. (1969), *Kрупное помешчичье хозяйство Европейской России (концы XIX – начало XX в.)* [Large landowner economy in European Russia (end of the 19th – beginning of the 20th century)], Nauka, Moscow, Russia.
- Berar, E. (2016), *Imperiya i gorod. Nikolaj II, «Mir iskusstva» i gorodskaya дума в Sankt-Peterburge. 1894–1914* [Empire and city. Nicholas II, “Mir iskusstva” and the city Duma in St. Petersburg, 1894–1914], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Vakounig, M. (2012), *Aristokrat i diplomat. Diplomatičeskaya missiya princa Franca de Pauly fon und cu Lihtenshtejna v Sankt-Peterburge v 1894–1898 gg.* [An aristocrat and a diplomat. Diplomatic mission of Prince Franz de Paula von und zu Liechtenstein in Saint Petersburg in 1894–1898], MISiS, Moscow, Russia.
- Gohstand, R. (2004), “The cost of land in Moscow in the early twentieth century”, in *Moskva rubezha XIX i XX stoletii: Vzglyad v proshloe izdaleka* [Moscow of the turn of the 19th and 20th centuries. A look into the past from afar], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Dubin, A.S. (2002), “Petersburg mayor V. A. Ratkov-Rozhnov”, *History of St. Petersburg*, vol. 7, no. 3, pp. 24–28.
- Korelin, A.P. (1979), *Dvoryanstvo v poreformennoj Rossii: 1861–1904 gg.: Sostav, chislennost', korporativnaya organizaciya* [The nobility in post-reform Russia. 1861–1904 Composition, number, and corporate organization], Nauka, Moscow, Russia.

- Kuznecov, S.O. (2003), "Sergey and Olga Stroganov. The vicissitudes of the life of aristocratic dwellers in the village of Volyshevo", *Kraevedcheskie chteniya. Porkhov-Kholomki* [The local history conference about Porkhov-Kholomki], Proceedings of the scientific conference December 20–21, 2002], Pskov, Russia.
- Laverychev, V.Ya. (1974), *Krupnaya burzhuziia v poreformennoy Rossii: 1861–1900* [The big bourgeoisie in post-reform Russia. 1861–1900], Mysl', Moscow, Russia.
- Liven, D. (2000), *Aristokratiya v Evrope: 1815–1914* [Aristocracy in Europe. 1815–1914], Akademicheskij proekt, Saint Petersburg, Russia.
- Neklyudov, E.G. (2013), *Ural'skie zavodchiki vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: vladel'cy i vladeniya* [Ural factory owners in the second half of the 19th – early 20th century: owners and possessions], Izdatel'stvo Ural'skogo otdeleniya RAN, Ekaterinburg, Russia.
- Petrov, Yu.A. (2002), *Moskovskaya burzhuziia v nachale XX veka: predprinimatel'stvo i politika* [Moscow bourgeoisie in the early 20th century. Entrepreneurship and politics.], Izdatel'stvo Moskovskogo gorodskogo ob'edineniya arhivov, Moscow, Russia.
- Solov'eva, T.A. (1995), *Osobnyaki Yusupovyh v Peterburge* [The mansions of Yusupovs in St. Petersburg], ООО "Beloe i chernoe", Saint Petersburg, Russia.
- Trubinov, Yu.V. (1996), *Stroganovskij dvorec* [Stroganov palace], ООО "Beloe i chernoe", Saint Petersburg, Russia.
- Cel'yadt, M.P. (1996), *Dvorec Belosel'skih-Belozerskih* [Beloselsky-Belozersky Palace], ООО "Beloe i chernoe", Saint Petersburg, Russia.
- Brower, D.R. (1990), *The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900*. University of California press, Berkeley, USA.
- Cannadine, D. (1980), *Lords and Landlords: the Aristocracy and The Towns. 1774–1967*. Leicester university press, Newark, USA.
- Schlögel, K. (2000), "Saint-Pétersbourg et Berlin: contacts et influences", in *Saint-Pétersbourg: une fenêtre sur la Russie. Ville, modernisation, modernité. 1900–1935*, Editions de la Maison des Sciences de l'homme, Paris, France, pp. 279–286.

Информация об авторе

Евгений Е. Юдин, кандидат исторических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; evgeny_yudin@mail.ru

Information about the author

Evgeny E. Yudin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, Russia, 119991; evgeny_yudin@mail.ru

Штрихи к портрету военного исследователя-кавказоведа Н.Н. Забудского

Татьяна А. Колосовская

*Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия, kolosowskaya@yandex.ru*

Аннотация. Статья подготовлена в рамках активно разрабатываемой в современной исторической науке проблемы изучения Кавказа в период его присоединения и интеграции в общегосударственное пространство Российской империи и роли в этом процессе русской армии. В центре рассмотрения – основные вехи служебной деятельности и исследовательские инициативы генерал-майора Н.Н. Забудского как примера кавказского офицера-исследователя XIX в. Показывается его участие в подготовке военно-статистических обзоров отдельных регионов Кавказа, в частности, составление описания Ставропольской губернии и прилегающих к ней участков Кавказской линии.

Опираясь на документы, хранящиеся в фонде Военно-ученого комитета Российского государственного военно-исторического архива, анализируется один из первых опытов подготовки исторического сочинения о завершающем этапе Кавказской войны, автором которого должен был стать Н.Н. Забудский. Характеризуются планы военного исследователя, его подход к написанию исторического труда и реакция высшего командования на его творческую инициативу.

Автор приходит к выводу о том, что такие представители российского офицерского корпуса, как Н.Н. Забудский становились деятельными участниками сложного процесса изучения Кавказа. Под влиянием внешних обстоятельств вектор в тематике их исследований постепенно смещался от военно-статистических описаний к реконструкции исторического прошлого региона, включая те события, участниками которых они сами являлись. Результаты их научно-практической деятельности способствовали формированию эмпирической основы для написания официальной истории Кавказской войны и, в целом, для дальнейшего развития исторического кавказоведения.

Ключевые слова: кавказоведение, военно-статистическое обозрение, военная историография, Кавказская война, офицер-исследователь, Н.Н. Забудский

Для цитирования: Колосовская Т.А. Штрихи к портрету военного исследователя-кавказоведа Н.Н. Забудского // История и архивы. 2021. № 1. С. 37–51. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-37-51

Strokes to the portrait of N.N. Zabudsky, the Caucasus military explorer

Tatiana A. Kolosovskaya

*North-Caucasus Federal University,
Stavropol, Russia, kolosowskay@yandex.ru*

Abstract. The article was prepared with the framework of the contemporary historical studies of the Caucasus at the time of the region annexation and integration into the all-Russia Imperial space. The focus of the paper is on the key milestones of the military career as well as on the investigation initiatives of N.N. Zabudsky, the Major-General, who sets an example of a typical Caucasus military explorer of the 19th century. It reveals his role in the preparation of the military-statistical reviews of different Caucasus regions such as the review of the Stavropol Governorate (Gubernia) with its Caucasus Line Hinterland.

Basing on the documents kept in the fund of the Military-Research Committee of the Russian State Military Historical Archives, the author investigates one of the first examples of preparing a historical research paper on the final stages of the Caucasus War – the paper to which Zabudsky was to be the author. She characterizes the researcher plans, his approach to selecting materials as well as the reaction of the high command to his creative initiative.

The present work comes to the conclusion that such representatives of the Russian officer corps like Zabudskiy became active participants in the complex process of studying the Caucasus. Being under the influence of different circumstances, they shifted the focus of their research from checking up military statistics data to the regional history reconstruction attempts including the analysis of the events which they were participants to. The results of their scientific and practical investigations contributed to the formation of the empirical foundation for writing the official history of the Caucasus War and, in general, for the further development of the historical research on the Caucasus.

Keywords: Caucasus studies, military-statistical review, military historiography, Caucasus War, officer-explorer, N.N. Zabudsky

For citation: Kolosovskaya, T. (2021), “Strokes to the portrait of N.N. Zabudsky, the Caucasus military explorer”, *History and Archives*, no. 1, pp. 37–51, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-37-51

Введение

Заметное место в современной исторической науке занимает тема, связанная с историей изучения окраин Российской империи. Особое место в ней отводится Кавказу, научное познание которого проходило рука об руку с его присоединением и интеграцией в общеимперское государственное пространство [Дударев 2017; Клычников 2002; Колосовская 2015]. Среди исследователей XIX в., принимавших участие в «открытии» Кавказа, встречается немало военных. Выполняя свой служебный долг на южных рубежах страны, они включались в процесс интеллектуального освоения вновь присоединяемых к России территорий и знакомили русское общество с их географическим, этническим и культурным многообразием. Одним из таких военных специалистов был Николай Николаевич Забудский (1822–1872).

Его имя не получило широкой известности в научных кругах и знакомо лишь узкому кругу историков-кавказоведов. Упоминание о результатах его творческой деятельности можно встретить в справочных изданиях¹ и обзорных работах, посвященных истории изучения Кавказа [Колесникова 2011, с. 54–55]. При этом сказать, что его исследовательские практики хорошо изучены, мы не можем. Являясь типичным примером «человека второго плана в истории», Забудский оставил о себе весьма фрагментарные сведения. О его жизненном пути, реализованных и только задумывавшихся творческих проектах можно судить, лишь опираясь на делопроизводственные документы, воспоминания современников и работы самого автора.

В рамках настоящей статьи рассмотрим основные вехи служебной деятельности и исследовательские инициативы Н.Н. Забудского. Собранный и проанализированный нами материал станет частным примером жизненного пути кавказского офицера-исследователя и позволит расширить фактологическую базу для осмысления вклада интеллектуальной элиты русской армии в становление и развитие различных направлений отечественного кавказоведения: этнографического, географического и исторического.

¹ Российские военные и гражданские чиновники на Кавказе: XIX век: справочник / Сост. З.М. Блиева. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003. С. 83.

Начало карьеры Н.Н. Забудского и его служба на Кавказе

Служебная биография Н.Н. Забудского укладывается в рамки стандартной карьеры российского офицера XIX в. Он получил образование во Втором кадетском корпусе, который закончил в 1840 г., и прапорщиком вступил в службу в 13-ю артиллерийскую бригаду. В 1842–1844 гг. Забудский обучался в Императорской военной академии (впоследствии Николаевской академии Генерального штаба). Вместе с другими слушателями он изучал основы топографии и геодезии, черчения планов и глазомерной съемки, военную историю и литературу, а также «русскую словесность, примененную к искусству правильного изложения сочинений по части военной»². Успешно окончив академический курс, в 1846 г. он был переведен поручиком в Генеральный штаб, а в 1847 г. получил назначение на Кавказ³, где все еще продолжалась растянувшаяся на десятилетия Кавказская война.

В те времена из Генерального штаба к войскам Отдельного Кавказского корпуса ежегодно прикомандировывалось по два-три офицера, которые еще не имели личного опыта участия в боевых операциях. На Кавказе они оставались, как правило, два года, а затем могли вернуться в свои части⁴. В добровольцах отправиться в действующую армию тогда недостатка не было. По замечанию современников, край привлекал в первую очередь ту часть русской военной молодежи, которая «предпочитала труды боевой жизни парадной службе и блеску паркетных удач»⁵, и являлся «обетованной землей для всякого, кому надоела сонная, пустая, однообразная жизнь в России и особенно в Петербурге»⁶. Служба офицеров Генерального штаба здесь включала две составляющие: непосредственное участие в военных экспедициях против непокорных горцев и изучение региона, в том числе проведение рекогносцировок местности, сбор топографического и этнографического материала, составление военно-статистических описаний.

Забудский был назначен старшим адъютантом штаба войск Кавказской линии и Черномории, который располагался в г. Став-

² Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 16.

³ Там же. С. 55.

⁴ Глиноецкий Н.П. История русского Генерального штаба. СПб., 1894. Т. 2. С. 200.

⁵ Торнау Ф.Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002. С. 153.

⁶ Воспоминания Г.И. Филиппсона // Русский архив. 1883. № 5. С. 166.

рополе⁷. Боевая жизнь его началась с экспедиции в Чечню под начальством полковника барона И.А. Вревского, в январе 1849 г., и в дальнейшем оказалась связанной с событиями, разворачивающимися на Северном Кавказе на завершающем этапе Кавказской войны в 1850 – начале 1860-х гг.

Командование заметило исполнительного и способного молодого офицера и привлекло его к реализации грандиозного проекта Военного министерства по составлению описаний отдельных территорий страны. Сочинение, над подготовкой которого работали офицеры Генерального штаба, получило название «Военно-статистическое обозрение Российской империи». Его содержание было систематизировано в 18 томов, каждый из которых подразделялся на отдельные части. Отдельный том включал в себя военно-статистические обозрения губерний и областей какого-либо одного региона империи, например, Великого княжества Финляндского, Царства Польского, Оренбургского края и т. д. Каждая из 82 частей, в составе 18 томов, включала в себя военно-статистическое обозрение одной губернии или области своего тома, в соответствии с административно-территориальным делением страны. Кавказу в этом издании посвящался том XVI, а Забудскому было поручено подготовить его первую часть [Колосовская 2015, с. 130–131]. В нее должно было войти описание Ставропольской губернии и прилегающих к ней участков Кавказской линии.

Опираясь на данные рекогносцировок и другие материалы, собранные на месте, офицер подготовил основательный труд, опубликованный в Санкт-Петербурге в 1851 г.⁸ Издание включало характеристику обширной территории, расположенной от р. Лабы на западе до Каспийского моря на востоке и от р. Маныч на севере до снегового Кавказского хребта на юге или иначе, как указывал сам автор, «весь Кавказский край»⁹.

Забудский работал в рамках программы Военного министерства и разделил информацию на две части. В первой он изложил общие сведения, в том числе о географии местности (границы, горы, леса, реки, озера, дороги и проч.), административном устройстве и управлении, природно-климатических условиях и природных ресурсах, растительном и животном мире. Особое внимание автор уделил рассмотрению отдельных участков Кавказской линии и их жителей:

⁷ М.Б. [М.И. Богданович]. Генерал-майор Забудский (Некролог) // Русский инвалид. 1872. № 86. С. 6.

⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 16: Кавказский край. Ч. 1: Ставропольская губерния / Сост. Генерального штаба капитан Забудский. СПб., 1851. 271 с.

⁹ Там же. С. 1.

казаков и горских народов. Отдельные параграфы были посвящены населению Ставропольской губернии, его образу жизни, хозяйственной деятельности, религии и образованию. Заканчивалась первая часть краткими обзорами местных городов: Ставрополя, Георгиевска, Пятигорска, Моздока и Кизляра, включающих экскурсии в историю их создания и текущую статистику по количеству жителей, строений, учебных и культурных заведений.

Во второй части, которая значительно уступала по своему объему первой, Забудский излагал специальные сведения по предметам Департамента Генерального штаба, связанные с размещением войск.

Конечно, приведенные в работе статистические данные о горском населении нередко отличались приблизительностью, чего не скрывает и сам автор, используя такие речевые обороты как «можно предполагать с большой вероятностью»¹⁰. Дело в том, что из-за перманентных военных действий, а также слабости гражданской администрации, получить точные цифры в то время было очень сложно. Большинство местных жителей старалось уклониться от переписи из-за опасения наступления для себя нежелательных последствий. Так, велики были опасения о возможности введения среди горцев рекрутской повинности или пополнения ими казачьего сословия региона. Кроме того, у мусульманских народов не велось ничего подобного метрическим книгам, и всякие справки о числе родившихся могли быть восприняты ими как нарушение их традиций [Колосовская 2015, с. 135].

При этом следует подчеркнуть неоспоримые достоинства работы Забудского, который своей скрупулезностью, приведением мельчайших деталей (вплоть до стоимости вилка капусты) воссоздавал реальную картину жизни новой окраины империи. Представленные в его работе топографические сведения, этнографические зарисовки местных жителей и их хозяйственной деятельности свидетельствовали о многообразии и неоднородности различных частей Северного Кавказа. Кроме своего прямого военного назначения, обзорение Забудского приносило пользу развитию статистической науки на Кавказе и включало полезный материал для дальнейшего изучения этих территорий.

Заслуги Забудского были отмечены уже современниками. Когда в 1858 г. в г. Ставрополе учреждался Ставропольский губернский статистический комитет, военный исследователь был приглашен стать его членом и «содействовать ему своими учеными трудами»¹¹.

¹⁰ Там же. С. 156.

¹¹ *Бентковский И.В.* Ставропольский губернский статистический комитет: Первое 25 летие с 1858 по 1883 годы // Опальные: Русские писатели

Забудский выразил полную готовность и прислал в Комитет свое рукописное обозрение Кавказского края.

Военно-статистические исследования Забудского являлись частью его профессиональной деятельности, и их успешная реализация помогала ему постепенно продвигаться по служебной лестнице. Высочайшим приказом по Кавказской армии от 12 июля 1858 г. подполковник Забудский был назначен обер-квартирмейстером войск правого крыла Кавказской линии¹², а на следующий год его произвели в полковники с оставлением в прежней должности¹³.

На рубеже 1850–1860-х гг. Николай Николаевич принимал деятельное участие в закреплении России на Северо-Западном Кавказе. В 1857 г. Забудский был в числе военных специалистов, которые реализовывали предложения начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майора Д.А. Милютина по развитию казачьей колонизации нагорной полосы между реками Кубанью и Лабою. Он участвовал в рекогносцировках названного пространства и выборе мест для новых станиц¹⁴.

В 1861 г. Забудский был произведен в чин генерал-майора и занял должность начальника штаба войск Кубанской области¹⁵. Под руководством командующего войсками Кубанской области генерал-лейтенанта графа Н.И. Евдокимова он принимал участие в военных экспедициях и разрабатывал проекты по обустройству новых российских территорий. В 1862 г. Забудский организовывал переселение части азовских казаков на Черноморское побережье Кавказа, «около укреплений Константиновского и Анапы и на месте бывшей станицы Благовещенской»¹⁶.

Сохранился отзыв о Забудском военного географа М.И. Венюкова, который лично встречался с ним по делам службы в г. Ставрополе: «Это, без сомнения, был один из способнейших офицеров Генерального штаба, особенно по канцелярской части. С лишком 20 000 бумаг проходило ежегодно через его руки, и он не забывал ни одной, не забывал даже положенных на них отметок и резолюций. Граф Евдокимов, сам человек чрезвычайно деятельный, не мог избрать лучшего для себя помощника. Но что придавало осо-

открывают Кавказ: Антология: В 3 т. / Под ред. В.А. Шаповалова, К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. Т. 2. С. 580.

¹² Кавказ. 1858. № 63. 14 авг. С. 1.

¹³ Кавказ. 1859. № 29. 9 апр. С. 1.

¹⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК): В 12 т. / Под ред. А.П. Берге. Тифлис, 1904. Т. 12. С. 735.

¹⁵ *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба... С. 55.

¹⁶ АКАК. Т. 12. С. 974.

бую привлекательность Ник. Ник. Забудскому, это его почти всегда веселое настроение, хотя он работал до того, что уже тогда харкал кровью...»¹⁷ «Дом Н.Н. Забудского в Ставрополе был центром всего военного общества, – продолжает современник, – а как гражданское почти не существовало, потому что губернские чиновники жили большею частью по одиночку или тесными кружками, то, стало быть, он и вообще в городе был первым, так как ни граф Евдокимов, ни губернатор Пашенко не блистали гостеприимством...»¹⁸

В воспоминаниях современников Забудский предстает веселым и общительным человеком, профессионалом своего дела и прекрасным знатоком Кавказа. «...Забудский провел перед тем лет 12 на Кавказе, почти все время в Ставрополе и постоянно в штабе, стало быть в центре всякого рода сведений, – писал Венюков. – Он в совершенстве знал Северный Кавказ и всех его деятелей в 1850–1860-х годах... Сверх огромной текущей переписки, всегда точной и ясной, ему принадлежали еще многие проекты и записки, между прочим и проект заселения Западного Кавказа, утвержденный в 1861 году и обративший эту страну в чисто русскую область...»¹⁹

После завершения Кавказской войны и расформирования штаба Н.И. Евдокимова Забудский вышел в отставку (1865 г.) и вернулся в Петербург²⁰.

Исследовательские инициативы петербургского периода жизни

Вместе со своей супругой в столице Забудский вел спокойный и размеренный образ жизни. Его многосторонние сведения, прямой, откровенный характер и веселый нрав притягивали к себе людей²¹. Он сумел стать центром небольшого круга знакомых, которые охотно собирались по средам в его доме²². Одним из частых посетителей «сред Забудского» был официальный военный историограф генерал-лейтенант М.И. Богданович.

Закончив активную служебную деятельность, Забудский хотел остаться полезным и надеялся, что его знания о Кавказе будут пред-

¹⁷ Венюков М.И. Кавказские воспоминания (1861–1863) // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 406.

¹⁸ Там же. С. 407.

¹⁹ Там же.

²⁰ Глиноецкий Н.П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба... С. 55.

²¹ М.Б. [М.И. Богданович] Генерал-майор Забудский (Некролог)... С. 6.

²² Венюков М.И. Указ. соч. С. 407.

ставлять большой интерес как для правительства, так и для широких кругов российской общественности. В то время представления о новой окраине империи, об истории присоединения ее к России и связанной с этим процессом Кавказской войне были весьма туманны. Среди опубликованных работ по данному вопросу выделялись труды Д.И. Романовского²³ и Р.А. Фадеева²⁴. Созданные по горячим следам непосредственными участниками событий, они позволяли познакомиться с ходом Кавказской войны, ее причинами, особенностями и итогами. Однако в целом разработка темы была еще далека от завершения и инициативы, связанные с ее изучением, поддерживались на самом высоком уровне.

В 1866 г. по ходатайству Главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича старший адъютант штаба начальника артиллерии Петербургского округа штабс-капитан Н.Ф. Дубровин получил высочайшее поручение по написанию «Истории покорения Кавказа». Для выполнения поставленной задачи ему были открыты все архивы Москвы и Петербурга, где хранились дела по данному вопросу²⁵. Еще одним военным специалистом, который пожелал выступить в роли историка Кавказской войны, стал Николай Николаевич.

В фонде Военно-ученого комитета Российского государственного военно-исторического архива отложилось дело «О составлении Генерального штаба генерал-майором Забудским исторического описания нашей борьбы на Кавказе в последние десять лет, имевшей результат окончание Кавказской войны (4 февраля 1867 – 18 мая 1868 гг.)»²⁶. Его документы позволяют установить планы военного исследователя, его подход к написанию исторического труда и выяснить реакцию высшего командования на его творческую инициативу.

31 января 1867 г. Забудский, ссылаясь на покровительство Генерального штаба генерал-лейтенанта М.И. Богдановича, обратился с докладной запиской на имя военного министра Д.А. Милютина, в которой предлагал подготовить описание военно-политических событий завершающего этапа Кавказской войны. «К этому описанию, – подчеркивал он, – нельзя приступить иначе, как предпослав

²³ *Романовский Д.И.* Кавказ и Кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассаж в 1860 году Генерального штаба полковником Д.И. Романовским. СПб., 1860. 459 с.

²⁴ *Фадеев Р.А.* Шестдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. 159 с.

²⁵ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 401. Оп. 2: 1866 г. Д. 105. Л. 16–16об.

²⁶ Там же. Оп. 2: 1867 г. Д. 27. 34 л.

к нему особую статью (хотя в кратком виде) о постепенном образовании Кавказской линии и Черномории, о различных мерах, принимавшихся в прежние времена для ее устройства и, наконец, о положении ее и горских народов северного склона Кавказского хребта в 1856 г., когда установился на Кавказе другой взгляд на войну и когда явилась сознательная система, приведшая нас к давно желаемому результату»²⁷.

Забудский обосновывал важность написания исторического сочинения документальными источниками. Для этого он планировал использование разнообразных материалов из архивов военных (Военно-топографического депо и Главного штаба) и гражданских учреждений (Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел и Государственных имуществ). В последних Забудский надеялся найти переписку, «имеющую связь с колонизацией Кавказского края, т. е. с таким предметом, который только и мог нас привести к точному покорению Кавказа»²⁸.

Исследователь понимал, что эпоха, которую он брался изучать, еще близка к его современности. Многие дела, характеризующие последние действия на Кавказе, еще не были сданы в архивы, и поэтому он настаивал на разрешении их использования.

В заключении Николай Николаевич обращал внимание на то, что «в делах петербургских архивов, хотя я найду весьма много материалов, но, вероятно, они заключают в себе более лицевую сторону дела; другая же сторона дела находится, как мне лично известно, в делах штабов войск Кубанской и Терской областей, из которых можно извлечь правдивую повесть всех наших денежных затрат, затруднений, неудач, ошибок и прочее, сопровождающих всякое предприятие. Умолчать об этих предметах, по моему мнению, значит сделать труд не полным и не совсем добросовестным, а чтобы их не пропустить, нужно тщательно разобрать архивы штабов войск Терской и Кубанской областей»²⁹.

Исследовательская инициатива Н.Н. Забудского получила полную поддержку со стороны Д.А. Милютина, который сам начинал служебную деятельность на Кавказе и даже пробовал себя в роли историописателя военного прошлого региона. По его распоряжению начальником Главного штаба генерал-адъютантом графом Ф.Л. Гейденом был подготовлен перечень распоряжений «для доставления г. Забудскому возможности исполнить предложенную им работу»³⁰.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 1 об.

³⁰ Там же. Л. 2.

Из сохранившейся в деле служебной записки Гейдена мы видим, что Забудскому разрешили пользоваться материалами архива Главного штаба. Из-за расстроенного здоровья ему позволили брать их на дом, но не более двух дел за раз и не дольше двух недель. Ему открывался доступ в архивы Министерств иностранных дел, внутренних дел, государственных имуществ и Кавказского комитета. Наконец, ему оказывалась финансовая поддержка для поездки на Кавказ и разбора там материалов местных архивов. Командировка планировалась на весну 1868 г. сроком около 6 месяцев. «Имея в виду, что генерал-майор Забудский, будучи вполне знаком с ходом последних событий на Кавказе, может с большим успехом и с меньшим, чем кто-нибудь, трудом составить предполагаемое описание, польза коего несомненна, — отмечал начальник Главного штаба, — казалось бы соответственным не останавливаться перед предстоящими на сию командировку издержками...»³¹

Забудский хлопотал об официальном возложении на него составления истории военных действий на Кавказе, так как «в противном случае, — подчеркивал исследователь, — я не буду ни чем гарантирован в возможности окончить свой труд»³². Д.А. Милютин был не против, но предварительно счел необходимым обратиться с соответствующим запросом к Главнокомандующему Кавказской армией великому князю Михаилу Николаевичу, который непосредственно курировал вопросы сохранения памяти о недавних военных событиях на Кавказе.

14 марта 1867 г. рапорт Военного министра был отправлен в г. Тифлис. В нем Милютин сообщал о предложении Забудского и заявлял, что готов «оказать ему нужное содействие в предпринятом труде, если б и со стороны Вашего Императорского Высочества не встретилось к этому препятствий»³³. Главнокомандующий Кавказской армией Михаил Николаевич «изъявил полную готовность содействовать генерал-майору Забудскому к успешному выполнению предпринятого им труда»³⁴.

Заручившись поддержкой военной администрации Забудский, приступил к реализации своего проекта, начав с выявления архивных документов. Весной 1868 г. он несколько откорректировал план своих работ. Свою поездку на Кавказ Николай Николаевич предлагал отложить, поскольку узнал о том, что по распоряжению великого князя Михаила Николаевича в г. Тифлисе развернут сбор сведений от военных учреждений, войсковых частей и частных лиц

³¹ Там же. Л. 3.

³² Там же. Л. 3 об.

³³ Там же. Л. 6.

³⁴ Там же. Л. 12–12 об.

об их участии в Кавказской войне, о бывших поселениях на Кавказской линии и проч. «Такого рода сведения едва ли сосредоточатся в будущем году в Тифлисе, – писал в своей очередной докладной записке Забудский, – а потому я считал бы преждевременной поездку мою на Кавказ в текущем году»³⁵. Вместо этого он решил сосредоточиться на работе в архивах Москвы, где надеялся найти «сведения о Кавказе и Кавказской линии до 1800 года, как видно из имеющихся описей дел сих архивов»³⁶, и тем самым существенно расширить хронологические рамки своего труда.

Получением Забудским средств на командировку в московские архивы дело заканчивается. Как развивались события в дальнейшем, точно сказать не удастся. По косвенным показаниям следует, что проект Забудского по подготовке «Описания борьбы нашей на Кавказе за последние 10 лет» так и остался незавершенным. Помешало слабое здоровье исследователя, на что неоднократно указывали современники. «К сожалению, здоровье его было до того расстроенным военными трудами и лишениями, – писал М.И. Богданович, – что остальные дни его были как бы цепью невыносимых страданий. Несмотря на самоотвержение и усердные заботы преданной ему супруги, он угасал заметно...»³⁷ В 1872 г., на 50-м году жизни, Забудский умер от чахотки³⁸.

Не исключено, что собранные им материалы были переданы Н.Ф. Дубровину, который в это время активно работал над военной историей Кавказа. Доказательством тому служит отложившаяся в личном фонде Дубровина в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН переписка Забудского с кавказскими деятелями за 1860-е гг.: «Письма генерал-лейтенантов А.О. Дебу, В.Д. Добровольского-Евдокимова, Н.И. Евдокимова, генерал-адъютанта Д.А. Милютина и других начальнику штаба войск Кубанской области генералу Н.Н. Забудскому о военных действиях на Кавказе, снабжении армии, строительстве дорог и т. д. (11 мая 1860 г. – 2 января 1868 г.)»³⁹ и «Письма генералов П.Д. Бабица, В.А. Геймана, М. Цакни, полковников А.Л. Зиссермана, Н. Граббе и др. генералу Н.Н. Забудскому о военных действиях на Кавказе. Подлинники. (1862–1864 гг.)»⁴⁰. В этих источниках содержится информация о военных экспедициях, нападениях горцев и коло-

³⁵ Там же. Л. 21.

³⁶ Там же. Л. 21–21 об.

³⁷ М.Б. [М.И. Богданович] Генерал-майор Забудский (Некролог)... С. 6.

³⁸ Венюков М.И. Указ. соч. С. 407.

³⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПФ АРАН). Ф. 100. Оп. 1. Д. 167. 171 л.

⁴⁰ СПФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 451. 99 л.

низации Закубанского края, т. е. те сведения, которые планировал использовать Забудский в своем труде.

Следует отметить, что вплоть до начала XX в. так и не было написано исторической работы, посвященной заключительному этапу Кавказской войны. Упомянутый выше военный историк Н.Ф. Дубровин остановился в своем обобщающем труде на характеристике эпохи А.П. Ермолова и назначении на Кавказ нового главнокомандующего И.Ф. Паскевича⁴¹. Лишь к 50-летним юбилеям завершения военных действий на Северо-Восточном и Северо-Западном Кавказе в Военно-историческом отделе при штабе Кавказского военного округа были подготовлены исторические труды, посвященные данному вопросу⁴².

Заключение

Изучение Кавказа в период Кавказской войны, сбор сведений о его населении, ландшафте, природно-климатических условиях было одним из приоритетных направлений российской политики в регионе. Ведущую роль в этом процессе играли офицеры Генерального штаба как наиболее образованная часть военных, имеющая для этого специальные знания и подготовку. Жизненный путь Н.Н. Забудского представляет собой пример такого офицера-исследователя, успешно сочетавшего служебную деятельность с исследовательскими практиками. Официальный перечень его заслуг и отличий необширен, как непродолжительной была и сама его жизнь. Тем не менее его творческие проекты позволяют говорить о нем как о полезнейшем деятеле в изучении Кавказа.

На примере Забудского мы видим, что тематика проводимых военными исследователями во многом зависела от внешних обстоятельств. Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии создавалось им в рамках реализации программы Военного министерства по изучению регионов Российской империи, а идея написания истории завершающего этапа Кавказской войны родилась на волне сохранения памяти военного прошлого Кавказа, всячески поощряемой властью. А вот результаты такой творческой деятельности определялись в первую очередь самой личностью

⁴¹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. СПб., 1871–1888.

⁴² Эсадзе С.С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля: исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. Тифлис, 1909. 208 с.; *Он же*. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914. 182 с.

исследователя, его талантом, целеустремленностью и личными обстоятельствами.

Собранные и систематизированные Забудским данные отражали полную и, что немаловажно, достоверную картину жизни северокавказской окраины империи, знакомили с ней русское общество, а в дальнейшем способствовали формированию эффективной системы управления краем в период нового мирного его развития. Его военно-статистическое обозрение не утратило своего значения по сей день, выступая важным источником сведений для современных исследователей о географии, этнографии и хозяйственном развитии Северного Кавказа в середине XIX в.

Начав с изучения региона с точки зрения военной статистики, Забудский планировал перейти к историческим изысканиям. Однако осуществить задуманное он, к сожалению, так и не смог. Тем не менее его творческий путь свидетельствует о включении военных, непосредственных участников событий, в процесс реконструкции военного прошлого Кавказа и формирования эмпирической основы для развития исторического направления отечественного кавказоведения.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Военные кавказоведы Российской империи: исторические портреты, исследовательские практики и научное наследие», № проекта 19-09-00037.

Acknowledgements

The article is written with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, the project “Military investigators of the Caucasus in the Russian Empire: historical biographies, research practices and scientific heritage”, no. 19-09-00037.

Литература

- Дударев 2017 – Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.
- Клычников 2002 – Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. 494 с.
- Колесникова 2011 – Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 496 с.

Колосовская 2015 – *Колосовская Т.А.* Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М.: Изд-во Каллиграф, 2015. 240 с.

References

- Dudarev, D.S., Dudarev, S.L. (2017), *Severnyi Kavkaz glazami predstavitelei rossiiskogo obshchestva pervoi poloviny – serediny XIX veka* [The North Caucasus through the eyes of the representatives of the Russian society in the first half – mid-19th century], Dizain-studiya B, Armavir; Stavropol, Russia.
- Klychnikov, Yu.Yu. (2002), *Rossiiskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.)* [Russian policy in the North Caucasus (1827–1840)], PSLU, Pyatigorsk, Russia.
- Kolesnikova, M.E. (2011), *Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka* [North Caucasian historiographic tradition. The second half of the 18th – early 20th centuries], SSU, Stavropol, Russia.
- Kolosovskaya, T.A. (2015), *Rossiiskie voennye v sotsiokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza XVIII–XIX vv.* [Russian military in the socio-cultural space of the North Caucasus in the 18th – 19th centuries], Kalligraf, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татьяна А. Колосовская, доктор исторических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия; 355017, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1; kolosowskay@yandex.ru

Information about the author

Tatiana A. Kolosovskaya, Dr. of Sci. (History), associate professor, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia; bld. 1, Pushkin Str., Stavropol, Russia, 355017; kolosowskay@yandex.ru

О бедном драгуне замолвите слово:
служба и увольнение советника
Приморского областного правления
Александра Высокосова

Вадим Л. Агапов

*Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия, agapov_vl@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – показать роль дружеской протекции в продвижении по службе неспособных товарищей по совместной учебе в Российской империи начала XX в. В качестве примера взята карьера Александра Высокосова, дворянина, выпускника Николаевского кавалерийского училища, сначала корнета драгунского полка, затем чиновника Особых поручений во Владимирской губернии и Приморской области. Источниками послужили неопубликованные документы трех российских архивов: аттестационная тетрадь и послужной список – из собрания Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва), формулярный список о службе – из Государственного архива Владимирской области (г. Владимир), дела о приеме на службу и увольнении – из Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток). Из них видно, что Высокосов учился плохо и после выпуска не сумел построить ни военной, ни гражданской карьеры, с 1903 по 1912 гг. дважды побывал в отставке. Благодаря помощи однокурсника и друга Владимира Лодыженского он смог в 1913 г. получить должность в Приморском областном правлении. Но во Владивостоке запомнился только своим взяточничеством, пьянством и неадекватным поведением. И даже поддержка друга – вице-губернатора – не спасла его от третьего, окончательного, увольнения по статье 788 Устава о службе.

Ключевые слова: Российская империя, царствование Николая II, Дальний Восток, чиновничество, служебная протекция, Николаевское кавалерийское училище, А. Высокосов, В. Лодыженский, третий пункт (ст. 788 Устава о службе)

Для цитирования: Агапов В.Л. «О бедном драгуне замолвите слово: служба и увольнение советника Приморского областного правления Александра Высокосова // История и архивы. 2021. № 1. С. 52–66. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-52-66

Say a word for the Poor Dragoon.
Recruitment and dismissal
of Alexandr Vysokosov the counselor
to the Primorskii regional government

Vadim L. Agapov
*Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia, agapov_vl@mail.ru*

Abstract. The purpose of the study is to show the role of friendly patronage in the promotion of fellow students in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The career of Alexandr Vysokosov, a graduate of the Nikolaev Cavalry School, first a cornet of a dragoon regiment, then an official of Special Assignments in the Vladimir province and the Primorskii region is taken as an example. Unpublished documents from three archives were used as sources. They are the attestation notebook and record of service – from the collection of the Russian State Military Historical Archive (Moscow), an official list – from the State Archive of the Vladimir Region (Vladimir), cases of recruitment and dismissal – from the Russian State Historical Archive of the Far East (Vladivostok). The documents show that Vysokosov studied poorly and after graduation was unable to build either a military or a civilian career, and from 1903 to 1912 he was retired twice.

Thanks to the help of a classmate and friend Vladimir Lodyzhenskii, in 1913 he was able to get a position in the Primorsk regional administration. But in Vladivostok he was remembered only for his bribery, drunkenness and inappropriate behavior. And even the support of a friend – the vice governor – did not save him from the third dismissal, under Article 788 of the Charter on Service.

Keywords: Russian Empire, Far East, reign of Nicholas II, Far East, bureaucracy, career advancement patronage, Nikolaev Cavalry School, A. Vysokosov, V. Lodyzhenskii, third paragraph (Article 788 of the Charter of Service).

For citation: Agapov, V.L. (2021), “Say a word for the Poor Dragoon. Recruitment and dismissal of Alexandr Vysokosov the counselor to the Primorskii regional government”, *History and Archives*, no. 1, pp. 52–66, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-52-66

Введение

У людей, которым довелось во взрослом возрасте пережить крушение Российской империи, нашлось мало добрых слов в адрес императорской бюрократии. Интеллигенция, стоявшая близко

к придворным и министерским кругам, полагала, что там преобладают «праздные и ни для чего не нужные люди»¹, умеющие нравиться императору и во всем ему угождать, несуразные, сухие и бесцветные бездарности, «только и мечтающие о чинах и орденах» и производившие повсюду «беспорядок, хаос и неразбериху»². В народе также было негативное отношение к бюрократии. И чем ближе чиновники по роду своей службы были к народу, тем хуже было это отношение. Крестьяне считали их коррумпированными и ненужными [Мионов 1999, с. 236]. В самом деле, как хорошо показывают современные исследования, недостаточность жалования подчас заставляла массы низших чиновников находиться в настоящей нищете, а в Сибири делала основным источником существования бюрократии не государственное жалование, а доходы в виде взяток с крестьян, мещан и купцов [Козельчук 2015, с. 24]. На качество чиновничьего корпуса влияло также и то, что представители наиболее образованного в России сословия, дворянства, по традиции шли на гражданскую службу неохотно, а канцелярские должности выбирали только в условиях очень стесненного материального положения, для получения средств к жизни [Шатохин, Шатохина 2014, с. 106, 110]. При таком отношении в чиновники попадали явно не самые способные из дворян. Помимо этого, продвижение по службе часто зависело не от личных способностей, а от протекции, причем не только коррупционной. Так, дружба, возникшая среди подростков в учебном заведении (часто закрытого типа и с проживанием учащихся в интернате) или сложившаяся в годы совместной длительной службы, была еще одним мощным психологическим фактором для взаимной поддержки в служебной деятельности и карьерном росте друг друга. Поэтому более влиятельные друзья по учебному заведению продвигали своих менее удачливых товарищей, совершенно не обращая внимания на их слабый профессионализм [Шатохин 2012, с. 116].

Именно таким образом получил свой последний шанс герой этой истории. Но эта ступенька не стала в его карьере трамплином к более высоким должностям. Вскоре он был с позором изгнан со службы. Его короткое пребывание в должности советника областного правления показывает роль дружеских связей и корпоративной солидарности российского дворянства в комплектовании штатов провинциального чиновничества начала XX в. – и возможные последствия таких назначений в виде неадекватного поведения, коррупции и падения в обществе доверия к власти.

¹ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. 2-е изд. London; Москва, 2000. С. 365, 416 и др.

² *Врангель Н.Н.* Дни скорби: Дневник 1914–1915 гг. СПб., 2001. С. 77, 82, 92, 107 и др.

Цель исследования – показать роль дружеской протекции в продвижении по службе неспособных товарищей по совместной учебе в Российской империи начала XX в. и последствия такой протекции. В качестве примера взята биография и карьера Александра Павловича Высоковского, дворянина, выпускника Николаевского кавалерийского училища, сначала корнета драгунского полка, затем чиновника Особых поручений во Владимирской губернии и Приморской области.

Статья основана на неопубликованных документах трех архивов. В Российском государственном военно-историческом архиве (г. Москва) изучались Аттестационная тетрадь курсанта А.П. Высоковского³ и Послужной список А.П. Высоковского⁴. В Государственном архиве Владимирской области (г. Владимир) – формулярный список о службе старшего чиновника особых поручений при Владимирском губернаторе коллежского секретаря А.П. Высоковского за 1911 г.⁵ В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (г. Владивосток) – Дело о приеме на службу и зачислении в штат Приморского областного правления чиновника Высоковского⁶ и Дело об увольнении со службы секретаря Приморского областного по городским делам присутствия Высоковского (3–5 апреля 1914 г.)⁷. Дополнительным источником послужили газетные публикации того времени.

Путь русского офицера

Александр Павлович Высоковский родился 18 (30) марта 1881 г. в селе Рогочево Зубцовского уезда, Тверской губернии, в семье потомственных дворян. Его родители владели имениями в Тверской и Смоленской губерниях⁸. Военная служба была в семье традицией. Отец был в прошлом майором Образцового полка. Младший брат Михаил поступил в Морской кадетский корпус. Впоследствии служил в военно-морском флоте. Для старшего брата была выбрана армия.

³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 22659. П/с 311-816.

⁴ Там же. Д. 22041. П/с 310-018.

⁵ Государственный архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 7. Д. 84.

⁶ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 1: Приморское областное правление. Оп. 1. Д. 3707.

⁷ Там же. Ф. 87: Канцелярия военного губернатора Приморской области. Оп. 1. Д. 1821.

⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 22659. П/с 311–816. Л. 1.

Александр Павлович воспитывался в 3-м Московском кадетском корпусе. Уже в то время явно не был примером для подражания. В сохранившейся характеристике сказано: «Очень подвижный, шаловливый, упрямый, вспыльчивый, несдержанный и неправдивый, способен к проступкам исподтишка, но не злой. Обладает достаточной силой воли, чтобы сдержать себя, но не желает этого делать, и нежелание это явно показывает, даже бравирует этим перед товарищами, выражая всегда свое неудовольствие пожиманием плеч и ворчанием, в особенности когда замечание делается ему перед классом. С товарищами живет в согласии и на худших имеет влияние, с прислугой груб. К занятиям относится лениво и беззаботно. К требованиям порядка корпуса мало внимателен. Родственное чувство развито слабо. Неряшлив, хотя очень занят своей наружностью. Физически развит хорошо»⁹. Как видим, в 17 лет воспитатели в кадетском корпусе отмечали его равнодушие к учебе, лень, непослушание, упрямство, несдержанность, неправдивость, способность оказывать дурное влияние.

По окончании курса наук 6 октября 1898 г. прикомандирован к Александровскому военному училищу, 11 октября зачислен юнкером рядового звания. Пробыл там недолго, очевидно, к большому облегчению преподавателей. 28 декабря зачислен в Николаевское кавалерийское училище, прибыл туда 6 января 1899 г.¹⁰ Согласно другому документу, переведен приказом Главного управления военно-учебных заведений от 31 декабря 1898 г., прибыл и зачислен в училище 7 января 1899 г.¹¹ Здесь юнкер Высоков тоже не был на хорошем счету. Его аттестационная тетрадь содержит длинный список проступков во время учебы:

«15 сентября 1899 г. – неисполнение приказа. 5 суток ареста.

13 октября – ушел в эскадрон из классов без разрешения. 1 наряд вне очереди.

14 октября – пил скрытно принесенное в училище вино.

19 октября – курил в оружейной комнате. 1 сутки ареста.

26 октября – переведен из II разряда в III по поведению.

18 ноября – неприличное поведение на переключке. 2 наряда вне очереди.

15 декабря – в 7,5 утра лежал и спал на кровати.

1 февраля 1900 г. – переведен из III во II разряд.

11 июня... из II в I»¹².

⁹ Там же. Л. 3 об.

¹⁰ Там же. Л. 1 об.

¹¹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 7. Д. 84. Л. 1об.-2; РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 22041. П/с 310-018. Л. 95–95об.

¹² РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 22659. П/с 311–816. Л. 3 об.

Улучшившиеся оценки за поведение показывают, что юнкер умел иногда держать себя в руках, хотя полностью убедить в этом начальство ему и не удавалось. Согласно аттестации, данной сменным офицером, Высоков «распущен и избалован. Недостаточно искренен. Характера скрытного, недоверчивого. Поведения неважного, хотя данному слову вести себя лучше старался держаться, но снова прорывался в чем-нибудь. Вполне поручиться за него нельзя. К строевой подготовке относится добросовестно. Как физически, так и умственно развит достаточно хорошо, малоуспешности же в науках обязан только своей лени. Со стороны товарищей особым доверием не пользовался, хотя с некоторыми из них был в хороших отношениях»¹³. Как станет ясно из дальнейшего, одним из его лучших друзей стал Владимир Ильич Лодыженский – однокурсник и земляк, тоже из дворян Тверской губернии. При этом видно, что и в 19 лет в кавалерийском училище Александр Павлович Высоков оценивался точно так же, как и всего двумя годами ранее в кадетском корпусе. По заключению командира эскадрона, «не воспитан, не выдержан, плохой сын. Страсть к алкоголю. Только из самолюбия, но не из любви к делу, изучал кавалерийское дело»¹⁴.

Однако учился Высоков все равно плохо. Знания в Николаевском кавалерийском училище оценивались по 12-балльной системе. Набравшие в среднем не ниже 9 баллов могли служить в гвардии, а получившие средний балл ниже 9 баллов могли выйти только в армию. Отметка ниже 6 баллов по любому предмету считалась неудовлетворительной. Получивший 5 баллов – проваливался. Учившийся на кавалериста Высоков был близок к провалу по иппологии (6 баллов), тактике и фортификации (по 7) и имел только 8 баллов по большинству остальных предметов преподавания¹⁵. Средний балл у него равнялся 8,35, что позволило ему закончить Николаевское кавалерийское училище 84-м по успеваемости из 86 выпускников (а вот, например, В.И. Лодыженский в этом выпуске 1900 г. был по успеваемости 7-м).

15 июня 1900 г. юнкер А.П. Высоков был переименован в унтер-офицера. А по окончании полного курса наук в Николаевском кавалерийском училище по 2-му разряду, Высочайшим приказом от 9 августа 1900 г. был произведен в корнеты в 50-й драгунский Иркутский полк¹⁶. Ленивый, невоспитанный, неискренний, болезненно самолюбивый, склонный к алкоголю – таким мы представляем себе корнета Высокова. Такие черты характера, возможно,

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 2 об.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 2 об.

не помешали бы Александру Павловичу стать героем какой-нибудь войны (герои часто бывают в жизни людьми недисциплинированными, неуживчивыми и неудобными для начальства), но мало подходили для упорядоченной службы в мирное время. Однако совместная учеба с 85-ю представителями высшего общества позволила А. Высоковскому обзавестись несколькими знакомствами, что было особенно полезно потому, что у выпускников Николаевского кавалерийского училища было принято поддерживать друг друга во время службы.

Впервые это пригодилось сразу же после окончания училища. Корнет Высоков, имевший низкие баллы за обучение, ни дня не прослужил в недавно сформированном 50-м драгунском Иркутском полку, дислоцированном в Минской губернии, а распоряжением Главного штаба от 8 августа 1900 г. был прикомандирован к более престижному 3-му драгунскому Сумскому полку (бывший Сумский гусарский полк), казармы которого находились в это время в Москве. Трудно сказать, кто поспособствовал этому переводу, которого сам молодой офицер совершенно не заслуживал. Тем не менее он прибыл в полк 1 октября 1900 г.

Впрочем, и здесь он не задержался надолго, и 30 января 1903 г. вышел в отставку с зачислением в запас армейской кавалерии¹⁷. Если это не было его личным желанием (чего нельзя исключать), то следует отметить, что в запас обычно переводили тех младших офицеров, которых начальство считало непригодными к службе и «неисправимыми». Так произошло с офицером 3-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона подпоручиком В.В. Ловенецким, который в 1887 г. был зачислен в запас армии без производства в следующий чин за «болезненное пристрастие к спиртным напиткам»¹⁸. Поскольку такое «пристрастие» было замечено еще в училище также и за Высоковским и наблюдалось за ним и в дальнейшем, есть достаточные основания полагать, что его отставка произошла по той же причине. Вся его военная служба, с момента поступления в Александровское военное училище в 1898 г. и до 1903 г., насчитывает чуть более четырех лет. Останься он в армии, к 1917 г. мог бы дослужиться до полковника, как некоторые из его способных однокурсников.

¹⁷ ГАВО. Ф. 14. Оп. 7. Д. 84. Л. 2.

¹⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 1191. Л. 13, 16, 18.

От отставки до отставки

Следующие почти четыре года, до 15 октября 1906 г., Александр Павлович пробыл в отставке. Ни место проживания Высоковского, ни образ жизни за этот период неизвестны. Возможно, он пытался жить за счет семьи, но, если верны характеристики, данные ему преподавателями («родственное чувство развито слабо», «плохой сын»), едва ли там ему были рады. В общем, похоже, что Высоковский не преуспевал. Потому что 16 октября 1906 г. он был вынужден принять довольно низкооплачиваемую должность в провинции. Он стал сверхштатным младшим чиновником особых поручений при Владимирском губернаторе. 3 ноября назначен младшим штатным чиновником особых поручений. Прослужил в этой должности чуть более трех лет. За 400 руб. оклада и 400 руб. столовых он сопровождал губернатора в поездках, выполнял разные поручения. Кроме того, ему был поручен надзор за типографиями, литографиями и тому подобными заведениями, а также за библиотеками и книжной торговлей во Владимирской губернии¹⁹.

Понемногу пошла и карьера. Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству от 2 июня 1907 г. А.П. Высоковский был переименован в губернские секретари с 9 августа 1900 г. (XII класс табели о рангах, соответствующий званию корнета в кавалерии). Год спустя, 29 сентября 1908 г., произведен за выслугу лет в коллежские секретари (X класс, соответствовал военному званию поручик). Для сравнения, его однокурсник и ближайший друг В.И. Лодыженский, выпустившись из кавалерийского училища в гвардию, в том же сентябре 1908 г. был произведен в штабс-капитаны (IX класс), а в декабре – в капитаны (VIII класс). 6 декабря 1908 г. А. Высоковский был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. 20 февраля 1910 г. назначен старшим чиновником особых поручений²⁰. В 1911 г. получал жалованье 650 руб., столовых 650, всего 1 300²¹. Во Владимире проживал в доме Павлова по улице Княгининской. Видимо, здесь Высоковский обзавелся и семьей: женился на дворянке Вере Евгеньевне Карнович.

Из общественно-политической деятельности бывшего драгуна известен тот факт, что в ноябре 1911 г. он был в качестве помощника секретаря на проходившем в Москве Пятом всероссийском съезде Союза русского народа – съезде сторонников вождя Союза А.И. Дубровина, на котором было положено начало Всероссийского Дубровинского союза русского народа (ВДСРН). Можно предпо-

¹⁹ ГАВО. Ф. 14. Оп. 7. Д. 84. Л. 2 об.

²⁰ Там же. Л. 3 об., 5 об., 6 об.

²¹ Там же. Л. 1 об.

ложить, что А.П. Высоков разделял взгляды основателя и руководителя этой консервативно-монархической партии и был настоящим «черносотенцем», но утверждать это с уверенностью нельзя, как и то, имел ли он вообще политические взгляды.

В 1912 г. в жизни нашего героя произошла очередная перемена, причины которой мы тоже не знаем. Но известно, что в конце года Высоков проживал в Санкт-Петербурге и находился в отставке, будучи лишь титулярным советником (IX класс табели о рангах, соответствует штабс-ротмистру в кавалерии и штабс-капитану в пехоте). Для сравнения, В.И. Лодыженский в 1912 г. был в чине надворного советника (VII класс, соответствует подполковнику). В этот момент разошедшиеся пути двух однокурсников снова сошлись вместе, когда Александру Высокову было предложено вернуться на службу в третий раз, приняв должность в Приморском областном правлении, несмотря на то что Приморская область находилась на Дальнем Востоке, куда вообще столичные чиновники отправлялись только на заработки.

Два сапога пара

Нет никаких сомнений, что в данном случае не обошлось без дружеской протекции. Инициатором этого назначения выступил вице-губернатор Приморской области Владимир Ильич Лодыженский. Именно он 31 декабря 1912 г. и устроил однокурснику назначение столоначальником Приморского областного правления и подавал 2 января 1913 г. рапорт в департамент общих дел о выдаче тому прогонных денег на проезд из Санкт-Петербурга во Владивосток в сумме 1320 рублей 10 копеек, которая равнялась годовому жалованью отставного чиновника²².

Трудно сказать, что нашел в Высокове утонченный аристократ из влиятельной семьи (родословная с XIV века), отличник учебы, гвардейский офицер, имевший большие связи при императорском дворе, Владимир Ильич Лодыженский. Конечно же, он хорошо знал все недостатки своего однокурсника по кавалерийскому училищу. Однако то ли он любой ценой хотел помочь товарищу по учебе, переведя того туда, где его никто не знал, то ли именно в таком помощнике и нуждался, так как сам имел сомнительную репутацию [Агапов 2014]. В этом случае придется признать, что двух бывших кавалеристов с учебы объединяла любовь к мотовству, гулянкам, выпивке, женщинам и т. п. Никакого конкурса на занятие должности в областном правлении не проводилось, хватило простого слова, чтобы человек без специального образования, со странной карьерой

²² РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3707. Л. 3, 4, 7.

с двумя отставками, никогда не бывавший на Дальнем Востоке и не знакомый с местными условиями, оказался столоначальником.

Александр Павлович прибыл во Владивосток 13 февраля 1913 г.²³ Уже 19 февраля он был назначен сверхштатным чиновником особых поручений с окладом 725 руб.²⁴, т. е. на ту же должность при губернаторе, которую он занимал во Владимире. Кроме того, как сообщали «Приамурские ведомости», 11 марта Высоков также получил должность секретаря Приморского областного по городским делам присутствия с оставлением на нем обязанностей сверхштатного чиновника особых поручений²⁵. Впоследствии Лодыженский хлопотал о представлении друга к следующему чину, хотя, кажется, не преуспел в этом²⁶. О близких отношениях чиновника и вице-губернатора (исполнявшего также обязанности губернатора Приморской области) говорит и тот факт, что во Владивостоке Высоков жил в квартире Лодыженского, и их часто можно было увидеть вместе в увеселительных и значных заведениях²⁷.

Казалось бы, Александр Павлович Высоков наконец-то вытянул свой счастливый билет. Но падение оказалось таким же быстрым, как и взлет. Его покровитель и друг В.И. Лодыженский вступил в конфликт с Приамурским генерал-губернатором Н.Л. Гондатти, который принял меры для того, чтобы избавиться от неудобного вице-губернатора и всех, кто был с ним связан.

Первой «жертвой» этой войны пал герой нашей истории, в чем он, впрочем, не мог винить никого, кроме себя самого. Дело в том, что Высоков, наряду со своим патроном и другом В.И. Лодыженским, прославился в основном своим разгульным образом жизни, стал героем анекдотов. Во Владивостоке рассказывали, как этот «форменный алкоголик и дегенератик» «брал только где мог и чем мог», участвовал в различных мошеннических схемах, посещал бордели, совместно с Лодыженским «портил» молоденьких гимназисток, для чего была устроена специальная комната в старом здании областного архива, и как он, «будучи командирован в Николаевск, напился в шантане и, вынужденный член, начал обходить все столики и поливать их»²⁸. По правде говоря, во всех этих историях тяжело отличить правду от вымысла или клеветы, и определенную долю преувеличений нельзя исключать.

²³ Там же. Л. 8.

²⁴ Там же. Л. 10.

²⁵ Приказы военного губернатора Приморской области // Приамурские ведомости. 1913. 11 апр. С. 2.

²⁶ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3707. Л. 20.

²⁷ Там же. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2205. Л. 114.

²⁸ Там же. Л. 114, 116.

Третий пункт

Далее события развивались так... 28 марта 1914 г. Лодыженский во Владивостоке получил из Хабаровска от Приамурского генерал-губернатора телеграмму: «Предложите чиновнику Высокосову немедленно подать прошение об отставке, иначе будет уволен без прошения. Об исполнении донесите. Гондатти»²⁹. Естественно, вице-губернатор отказался увольнять своего друга. Вместо этого А.П. Высокосов, очевидно, по совету и с одобрения В.И. Лодыженского обратился с докладной запиской к военному губернатору Приморской области генерал-лейтенанту А.Д. Сташевскому:

«Во время поездки Вашего Превосходительства в г. Хабаровск временно исполнявшим обязанности военного губернатора вице-губернатором Приморской области мне было объявлено словесное распоряжение Главного Начальника Края и телеграмма с указанием предложения мне подачи прошения об отставке.

Докладывая вышеизложенное Вашему Превосходительству, я позволяю себе почтительно ходатайствовать перед Вашим Превосходительством об объявлении мне тех причин, которыми вызваны словесное распоряжение и телеграмма Приамурского генерал-губернатора, ибо мне таковые причины абсолютно не известны и подачу прошения об отставке я почитаю при полном сознании отсутствия за собой какой-либо вины совершенно невозможной. 3 апреля 1914 г. (подпись)»³⁰.

А.Д. Сташевский, который прибыл во Владивосток буквально на днях и не успел ещё войти в курс дел в Приморье, направил Н.Л. Гондатти письмо. Сообщив об отказе Высокосова подавать в отставку, он спрашивал: «Лишь недавно вступив в управление областью и не зная никаких замечаний на деятельность... Высокосова... я позволяю почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство не отказать почтить меня уведомлением о тех причинах, коими вызвано распоряжение Ваше...»³¹ Впрочем, можно также предположить, что в этом сыграла свою роль и корпоративная солидарность, так как Сташевский, потомственный дворянин и профессиональный военный, выпускник того же военного Александровского училища, в котором начинал учиться и Высокосов, просто мог принять сторону близких ему по происхождению и образованию подчиненных против разночинца и штатского чиновника Гондатти. Очень похоже, что мнительный генерал-губернатор именно так и воспринял это письмо и решил немедленно «прогнать» своего подчиненного.

²⁹ Там же. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1821. Л. 3.

³⁰ Там же. Л. 2.

³¹ Там же. Л. 4–5.

Потому что уже 5 апреля во Владивостоке была получена следующая его телеграмма: «Предложения главного начальника края должны немедленно исполняться. Гондатти»³², – а 6 апреля сразу за ней последовала еще одна: «Немедленно отдайте приказ об увольнении от службы чиновника Высоковского по статье семьсот восемьдесят восьмой. № 506. Гондатти»³³.

Следует уточнить, что третий пункт Положения «О порядке увольнения от службы и определения вновь в оную неблагонадежных чиновников» от 7 ноября 1850 г. (позднее ст. 788 Устава о службе по определению от правительства 1896 г.) – законодательная норма в Российской империи, позволявшая увольнять чиновника по усмотрению начальства без объяснения причин, мундира и пенсии. Согласно ей, «начальник имеет право отставить [подчиненных] от должности по своему усмотрению и без просьбы их. На такое распоряжение уволенные не могут жаловаться, и все их жалобы, а также просьбы о возвращении к прежним должностям не должны быть вовсе принимаемы к рассмотрению, но оставлены без всякого действия и движения». По этой статье Н.Л. Гондатти и требовал уволить А.П. Высоковского так, чтобы никакая дальнейшая служба была бы для того более невозможной.

Однако генерал-лейтенант Сташевский, старый вояка и участник военных походов «белого генерала» М.Д. Скобелева, оказался не робкого десятка. Он отказался выполнить приказ, ответив генерал-губернатору так: «506. Руководствуясь указанной статьей отдать приказ от своего имени, как губернатор, не могу, в виду кратковременного пребывания в должности не имел возможности убедиться в неспособности или неблагонадежности чиновника Высоковского. Донося о сем, прошу Ваше Высокопревосходительство этот вопрос предоставить на распоряжение Министра внутренних дел»³⁴. Тогда потерявший терпение Н.Л. Гондатти сам уволил Высоковского. 15(28) апреля 1914 г. об этом сообщила владивостокская газета «Русский Восток», в заметке «Перемены в областном правлении» написавшая: «Увольняется без прошения в отставку секретарь областного по городским делам присутствия А.П. Высоковский»³⁵. 29 апреля никольск-уссурийский «Уссурийский край» в заметке «К отставке Высоковского» рассказал, что «среди членов владивостокского благотворительного общества поднят вопрос о выборе нового секретаря о-ва, на место занимающего эту

³² Там же. Л. 6.

³³ Там же. Л. 7.

³⁴ Там же. Л. 8.

³⁵ Хроника: Перемены в областном правлении // Русский Восток. 1914. 15(28) апр. С. 2.

почетную должность А.П. Высоковского», так как «многие из членов считают недопустимым, чтобы чиновник, уволенный со службы по 778 статье, занимал этот пост»³⁶.

Был ли действительно Александр Павлович виновен в неблагоприятном поведении, взяточничестве и других проступках, но увольнение его оказалось точно таким же актом произвола начальства, как и назначение. Как он получил должность, не понять за какие заслуги, так и потерял ее без официального объяснения причин, да к тому же без мундира и пенсии.

Самому В.И. Лодыженскому пришлось просить отпуск с сохранением содержания. Согласно относящемуся к этому времени анонимному памфлету, перед отъездом вице-губернатор и его приятели распускали слухи, что они еще вернутся³⁷. Но сделать этого им так и не удалось. И если Лодыженский еще смог получить новое престижное назначение, то служба А.П. Высоковского после увольнения по 778-й статье на этом эпизоде должна была закончиться. Однако через три месяца началась Первая мировая война, и он, как офицер запаса кавалерии, вполне мог быть призван в армию на борьбу с «германизмом». Впрочем, точной информации на этот счет не имеется. О дальнейшей жизни и смерти его младшего брата Михаила Павловича, морского офицера, капитана 2-го ранга, оставшегося в СССР и впоследствии расстрелянного в 1937 г., есть также сведения, что в современной России живут его потомки. Но судьба старшего из братьев, Александра Павловича Высоковского, скрывается в тумане, окутывающем последние годы Российской империи. Его нет в опубликованных списках жертв сталинских репрессий, что позволяет предполагать, что он то ли умер еще раньше, то ли эмигрировал из страны после революции и сгинул уже где-то за пределами России.

Эпilog

Бывший корнет драгунского полка, чиновник особых поручений и пр. Александр Павлович Высоковский, безусловно, не входит в число лучших представителей российского дворянства. Избалованный, невоспитанный, ленивый, плохой сын – он рано пошел по кривой дорожке, не сумел построить ни военной, ни гражданской карьеры, был дважды уволен. Документы трех архивов рисуют нам почти чеховский образ чиновника – алкоголика и неудачника, не

³⁶ Хроника: К отставке Высоковского // Уссурийский край. 1914. № 32. 29 апр. С. 3.

³⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2205. Л. 117.

извлекавшего уроков из своих ошибок, однако кое-как державшегося «на плаву» благодаря протекции друзей по училищу. Одним из них был Владимир Ильич Лодыженский. При его активном содействии Высокосов после двух отставок смог вернуться на службу, получив место в Приморской области, проявил себя не с лучшей стороны, в третий раз был уволен, на этот раз окончательно – по 788-й статье Устава о службе, без прошения, без объяснения причин, без мундира и пенсии. Чиновник Высокосов в каком-то смысле смог войти в историю Дальнего Востока, но лишь как герой анекдотов. Зато биография и карьера этого бывшего офицера и мелкого провинциального бюрократа составляет весьма любопытный штрих к коллективному портрету выпускника престижного Николаевского кавалерийского училища, из стен которого вышло немало выдающихся людей Российской империи, но которое к концу XIX – началу XX в., как и вся империя, переживало не лучшие времена.

Литература

- Агапов 2014 – Агапов В.Л. «Макс Линдер на экране Владивостока»: российская пресса о дальневосточном вояже вице-губернатора В.И. Лодыженского (1912–1914 гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 4(42). С. 127–148.
- Козельчук 2015 – Козельчук Т.В. Материальное положение провинциальных чиновников (на примере Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX века) // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5(39). С. 19–25.
- Миронов 1999 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2-х т. Т. 2. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. 567 с.
- Шатохин, Шатохина 2014 – Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. Российское дворянство и государственная служба в XIX – начале XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2014. № 21(192). С. 106–110.
- Шатохин 2012 – Шатохин И.Т. Протекция в среде чиновничества Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: социально-психологическая классификация // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. № 13(123). С. 113–117.

References

- Agapov, V.L. (2014), “The Max Linder on the screen of Vladivostok”. The Russian press about vice-governor V. Lodyzhenskii’s Far East tour (1912–1914), *Novyi*

- istoricheskii vestnik*, vol. 42, no. 4, pp. 127–148.
- Kozel'chuk, T.V. (2015), “Material situation of provincial civil servants (case study of the province of Tobolsk in the late 19th – early 20th centuries)”, *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, vol. 39, no. 5, pp. 19–25.
- Mironov, B.N. (1999), *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia in the time of Empire in the 19th – early 20th centuries], in 2 vols, Dmitrii Bulanin, Saint-Petersburg, Russia.
- Shatokhin, I.T. and Shatokhina, S.B. (2014), “The Russian nobility and the state service in the 19th – early 20th century”, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya*, vol. 192, no. 21, pp. 106–110.
- Shatokhin, I.T. (2012), “Patronage among the officialdom of the Russian Empire in the second half of 19th – early 20th centuries: social and psychological classification”, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya*, vol. 123, no. 13, pp. 113–117.

Информация об авторе

Вадим Л. Агапов, кандидат исторических наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия: 690922, Россия, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10, корп. F, agapov_vl@mail.ru

Information about the author

Vadim L. Agapov, Cand. of Sci. (History), Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; bldg. F, bld. 10, t. Ajax, Russkii Isl., Vladivostok, Russia, 690922, agapov_vl@mail.ru

Источники об участии советских людей во французском движении Сопротивления *Часть 2**

Роман В. Лебеденко

*ГБОУ МОШ «Школа 2033», г. Москва, Россия,
rlebedenko@mail.ru*

Виктория Б. Прозорова

*Бюро журнала «Вестник архивиста» в Европе,
Париж, Франция, prozorovaviktoriya@gmail.com*

Аннотация. В статье раскрывается история формирования, описания и использования сохранившихся во Франции и России документальных комплексов об участии советских людей в Сопротивлении, а также создания их научно-справочного аппарата. С опорой на российские и французские материалы впервые проведен сравнительный анализ информационной ценности французских и советских документов об участии советских граждан во французском Сопротивлении, оценены их подлинность и достоверность.

Показана методика создания баз данных по участникам движения Сопротивления архива Министерства обороны Франции, сложности использования этого интегрированного источника для выявления информации о гражданах СССР. Представлены основные базы данных, созданные «Фондом Сопротивления».

Авторы продемонстрировали, как данные источники использовались в историографии Сопротивления в различные периоды советской истории и франко-российских отношений. Представлена самая актуальная информация о библиотеках, музеях и архивах, хранящих и собирающих эти документы; впервые даны рекомендации по работе с их научно-справочным аппаратом, а также советы русскоязычным исследователям Второй мировой войны, в том числе и семейной истории.

Ключевые слова: Вторая мировая война, французское движение Сопротивления, архивы, советские комбаттанты, базы персональных данных, зарубежная архивная россика

* Продолжение. Начало см.: История и архивы. 2020. № 4. С. 36–52.

© Лебеденко Р.В., Прозорова В.Б., 2021

Для цитирования: Лебеденко Р.В., Прозорова В.Б. Источники об участии советских людей во французском движении Сопротивления. Часть 2 // История и архивы. 2021. № 1. С. 67–87. DOI: DOI 10.28995/2658-6541-2021-1-67-87

Sources on the participation of Soviet people in the French Resistance movement

Part 2

Roman V. Lebedenko

School no. 2033, Moscow, Russia, rlebedenko@mail.ru

Victoria B. Prozorova

*Magazine "Herald of archivist" in Europe, Paris, France,
prozorovaviktoriya@gmail.com*

Abstract. The article reveals the history of the formation, description, and use of the documentary systems preserved in France and Russia about the participation of Soviet people in the Resistance and the creation of their scientific and reference apparatus. For the first time, historians analyzed Russian and French materials, comparing the informative value of the French and Soviet documents on the participation of Soviet citizens in the French Resistance, evaluating their authenticity and reliability.

The article also describes the integration methodology of the Resistance movement participants Database of the French Defense Ministry Archives and specifies the complexity of extracting information about the Soviet citizens from this integrated source. Furthermore, the main databases created by the Resistance Foundation are analyzed.

The authors demonstrate how these sources were used in the French and Russian historiography of the Resistance during various periods of Soviet history and the Franco-Russian relations. They also show the historian's specific use of the Resistance movement participant's memoirs. The authors provided the most relevant information about the training and learning material, about the libraries, museums, and archives that store and collect these documents; for the first time, recommendations are made – including the Russian-speaking researchers of the Second World War, as well as family history researchers – on how to work with their scientific and reference apparatus.

Keywords: World War II, French Resistance movement, archives, Soviet combatants, personal database, foreign archival rossica

For citation: Lebedenko, R.V. and Prozorova, V.B. (2021), "Sources on the participation of Soviet people in the French Resistance movement. Part 2", *History and archives*, no. 1, pp. 67–87, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-67-87

*Судьба документов о советских участниках
Сопrotивления после Второй мировой,
их сохранность, места хранения, степень описания
в архивах Франции*

Мозаичности сетей и организаций Сопrotивления во время Второй мировой войны соответствует раздробленность их фондов и рассеянность организаций в разные периоды послевоенной истории претендовавших на центральную роль в сохранении документов об их деятельности.

Национальный музей Сопrotивления (MNR) в пригороде Парижа Шампиньи-сюр-Марн. В основном в этом музее хранятся документы по ликвидации сетей OS (Organisation spéciale), FN (Front National), FTP (Francs-tireurs et partisans). Документы о советских участниках Сопrotивления собраны в тематическом фонде «Сопrotивление иностранцев» (Résistance des étrangers), а также в отдельные единицы хранения внутри личных фондов ликвидаторов, сетей и подразделений, в которых были советские участники. Довольно широко представлена в архиве музея подпольная пресса на русском языке (шифр коллекции 85 AJ) – «Русский патриот», «Советский патриот», издававшаяся обществом «Друзей СССР» «Россия сегодня», не говоря о многочисленных листовках и информационных листках. В фототеке также есть специальный раздел «Советские участники Сопrotивления» (шифр 65 P). Музей имеет не только сайт, где выложено много интересных документов, но и рукописный карточный каталог участников Сопrotивления, к которому допускает исследователей.

Естественно, сбором документов о новом мировом конфликте заинтересовалась и созданная сразу после Первой мировой «Современная библиотека» (бывшая BDIC, современное название – La Contemporaine, сайт: <http://www.lacontemporaine.fr/collections/quels-documents/archives>). Здесь хранится открытый и пополняющийся фонд Ассоциации бывших депортированных и интернированных участников Сопrotивления (ADIR), документы которого охватывают 1940–2000 гг. Ассоциация ADIR приняла в 2005 г. решение о самороспуске и в 2006 г. передала свои архивы на хранение в Современную библиотеку, но семьи членов ассоциации регулярно пополняют этот фонд. Подчеркнем, что библиотека всегда интересовалась архивами и публикациями на русском языке, и она хранит как русскоязычную прессу, так и личные фонды публиковавшихся в ней авторов. Например, фонд Константина Николаевича Арнольди (1871–1945 гг.), автора газет «Русский патриот» и «Советский патриот».

Важные массовые источники по участию советских граждан в Сопротивлении хранятся в Историческом центре архивов Исторической службы Министерства обороны Франции (SHD) в замке Венсен. Личные дела участников различных организаций движения Сопротивления во Франции составляют под-серию GR 16 Р. Архивы организаций – «Вооруженные силы Сражающейся Франции» (FFC) объединены в подсерию GR 17 Р. Архивы – «Внутреннего сопротивления» (RIF) собраны в подсерии GR 18 Р. Архивы «Французские внутренние силы» (FFI), собственно и называвшиеся «маки», составляют серию GR 19 Р.

Все эти документы долгие годы хранились и систематизировались в «Бюро Сопротивления» (Bureau Résistance Archives de la Défense) военного архива в Венсене, которое создавалось как преемник «ликвидаторов». Поскольку постепенно Бюро стало получать в основном исторические и генеалогические, не связанные с защитой прав ветеранов запросы, оно в 2010-х гг. было расформировано, а его функции перешли к подразделениям Исторического центра архивов в Венсене. До реформирования Бюро его сотрудники смогли на основе стандартизованного описания личных дел создать базу данных «Звания, официальное подтверждение и факты участия в Сопротивлении» (Titres, homologations et services pour faits de Resistance)¹. Эта база данных является плодом многолетней работы военных и гражданских историков. Всего в нее внесено 600 000 личных дел, причем всего 1500 дел заведены органами вражеской контрразведки и попали в руки победителей и еще 70 000 дел были заведены на основе послевоенных заявлений лиц, пожелавших засвидетельствовать свое участие в движении Сопротивления².

Более 10 лет понадобилось для того, чтобы проанализировать сохранившиеся учетные документы организаций сопротивления, выявить общие элементы в их формуляре, ввести эти данные в единую базу и проверить правильность их внесения. В базу данных вносилась информация по следующим позициям: «Фамилия», «Имена» (Первое и второе имя для французов, но крайне редко имя и отчество для русских), «Дата рождения» (полная дата или хотя бы год), «Псевдонимы», «Другие фамилии», «пол», «статус», «Департамент рождения» для французов и «Страна рождения» для всех.

¹ База данных «Titres, homologations et services pour faits de Resistance». URL: https://www.memoiredeshommes.sga.defense.gouv.fr/fr/arkotheque/client/mdh/base_resistants/ (дата обращения 7 июля 2020).

² Rioux Ph. L'Etat met en ligne une nouvelle base de données sur la Resistance [Электронный ресурс] // La Dépeche. 2018. 21 juin. URL: <https://www.ladepeche.fr/article/2018/06/21/2822482-etat-met-ligne-nouvelle-base-donnees-resistance.html> (дата обращения 30 июня 2020).

Дополнительно можно выбрать из списка одно из течений в Сопротивлении (*Famille Résistance*), совпадающее по названию с одним из отделов комиссии по признанию участия в Сопротивлении, а также название движения (*mouvement*) и группы (*réseau*).

Какие же сложности возникали при внесении данных о наших соотечественниках в эту базу? Прежде всего, как мы уже писали, это слишком быстрый и массовый отъезд бывших советских военнопленных на Родину в 1945 г., до завершения работы французской комиссии.

Кроме того, неполное соответствие данных о них рассчитанному на французов формуляру. Например, французские «Имена» – первое и второе имя, как правило, являются именем самого человека и именем либо его крестного, либо его отца, но никак не могут считаться полным аналогом русских имени и отчества. Как нельзя лучше это несоответствие описывают слова «Романса генерала Чарноты» А. Розенбаума: «Мы все теперь – Мишели... Здесь нет отчества и отчеств тоже нет». Ни проживавшие во Франции русские эмигранты, ни бежавшие из лагерей советские военнопленные при общении с французами отчествами не пользовались, а их имена нередко переделывались соратниками на французский манер, чтобы облегчить общение. К счастью, база данных позволяет искать имя или фамилию, начинающиеся на какую-либо букву или слог. Запросив «М», мы найдем Михаила, даже если французские соратники обращались к нему «Мишель». Мы догадаемся, что к Николаю Оболенскому, родившемуся в 1900 г. в Петербурге, соратники обращались как к «Николя», или что Георгий Бурцев 1915 г. рождения стал для французских друзей «Жоржем». Если мы ищем выходца из дворянской белоэмигрантской семьи, участвовавшего в Сопротивлении, нужно не забыть попытаться написать его фамилию с приставкой «де» (например, не «Шоттен», а «де Шоттен»), так как многие эмигранты таким образом обозначали, приезжая во Францию, свою принадлежность к дворянству. А вот найдем ли мы Бориса, переименованного в Мориса? И как узнать, что Саркис стал Винцентом, ведь это даже не перевод его имени, и придет ли нам в голову транслитерировать при поиске фамилию «Борисов» как «Borizov». Единственный совет исследователям – записывать возможную транслитерацию фамилии и имени на все европейские языки со всеми возможными ошибками, которые мог допустить при их записи носитель языка – уставший от нервной перегрузки человек, на которого победившая Франция возложила неприятную обязанность проверки чистоты рядов победившего Сопротивления и записывающий на слух иностранную фамилию. Составители и верификаторы базы данных сделали верный, с точки зрения уважения к первоисточнику, выбор – сохранили те написания имен

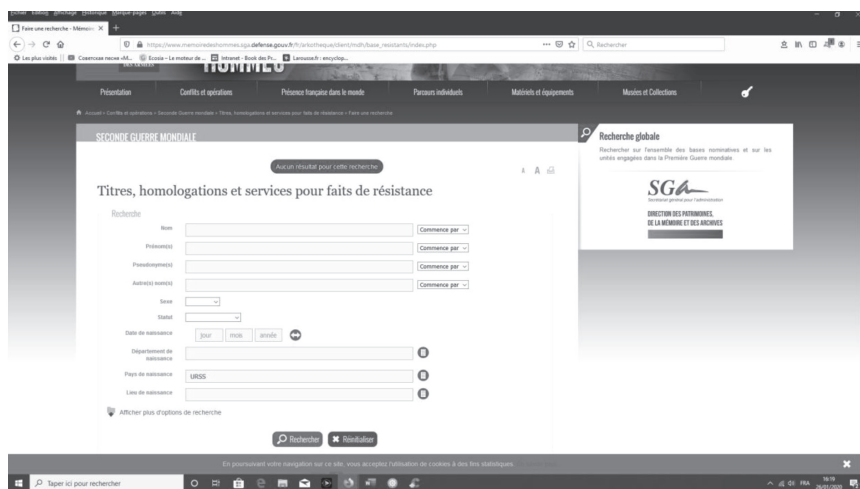

Рис. 1. Окно поискового запроса

и фамилий, которые были в документах. Исправления вносились только в отношении места рождения участников Сопротивления – тщательно было проверено написание названия населенных пунктов Франции, стран и городов, где родились внесенные в базу люди. При этом эмигранты, рожденные до 1918 г., в документах нередко указывали страну рождения как «Российскую империю», но составители базы данных указали и для них, и для родившихся в советской России и СССР место рождения как «Россия». Если человек указывал страну рождения как «Российскую империю», но указанный им город находился на территории современных Польши или Белоруссии, то именно эти страны и вносились в базу данных в графе «страна рождения участника Сопротивления». Этот прагматичный выбор разработчиков технических условий на базу данных объясняется их стремлением облегчить работу военных архивистов по запросам об участниках Сопротивления, родившихся в других странах Европы и волею судеб оказавшихся во Франции. Демографические проблемы, созданные Первой мировой войной, привели к массовой трудовой миграции во Францию из Испании, Португалии, Италии, не говоря о первой волне российской эмиграции, многие представители которой стали знаковыми фигурами в Сопротивлении.

Например, запросив данные обо всех участниках Сопротивления, родившихся в России, мы получим 1073 результата, на Украине – 418, в Белоруссии – 65, в Армении и Грузии – 45, в Казахстане и Узбекистане – 1.

Кроме того, нельзя забывать и о личных фондах некоторых «ликвидаторов», хранящихся в серии К (частные фонды) Архива вооруженных сил в Венсене. Правда, доступ к этим фондам может быть ограничен условиями договора об их депонировании или дарении и предоставлен на основании письма-заявки исследователя.

Представляется необходимым упомянуть и о базе данных Министерства обороны, которая может лучше понять участие в Странной войне, «иностранных добровольцев, вступивших во французскую армию между 1 сентября 1939 г. и 25 июня 1940». Сейчас на запрос об уроженцах России база данных выдает 300 фамилий.

Архив Префектуры полиции Парижа, территориальная компетенция которого охватывала современный Париж и ближние пригороды, хранит дела арестованных участников Сопротивления в фонде GB Специальных бригад службы общей разведки³. На них возлагались репрессивные меры в отношении всех организаций сопротивления. Для других регионов Франции информация о судьбе арестованных и депортированных может храниться в департаментских архивах в серии Z (супрефектуры).

Нельзя не упомянуть об орденских организациях Франции, хранящих награжденные дела. Напомним, что награждения можно условно разделить на три волны:

- первая, совпавшая по времени с началом ликвидации подразделений Сопротивления, коснулась некоторых командиров советских отрядов и подразделений. Ее иллюстрирует приведенная выше переписка и приказ от 18 мая 1945 г.;
- вторая волна связана с поездкой Хрущева во Францию в 1960 г. и потеплением во франко-советских отношениях. Здесь можно привести пример награждения бронзовым Военным крестом советской группы FFI под командованием Виктора Алексеенко после личного обращения к президенту Ш. де Голлю «полковника Ривьера» в 1966 г. [Ouritskaia 2005, p. 65]

Важнейшим центром хранения и изучения документов Сопротивления является «Фонд Сопротивления» (Fondation de la Résistance), в который в качестве подразделения вошла в 2012 г. Ассоциация изучения внутреннего Сопротивления (AERI). С начала 1990-х гг. Ассоциация собрала более 30 000 источников о Сопротивлении, созданных как в период борьбы с фашизмом (письма, фотографии, газеты и плакаты), так и в период ликвидации организаций Сопротивления и активного комплектования свидетельствами их деятельности (аудио- и кинодокументы, фотографии, биографи-

³ Обзор фондов архива Префектуры полиции Парижа на французском языке. URL: <https://www.prefecturedepolice.interieur.gouv.fr/Nous-connaître/Presentation> (дата обращения 25 ноября 2020 г.).

Рис. 2. Формуляр запроса
по архивным источникам базы данных AERI

ческие данные о 50 000 участниках Сопротивления). На их основе были разработаны географические карты с данными о более чем 6000 мест, а также 25 000 тематических карточек с данными о 19 000 фактов истории внутреннего Сопротивления.

На портале онлайн-музея Сопротивления, созданного AERI, собрано более 20 000 ссылок на архивные фонды и коллекции со всей Франции, а также на диссертации, монографии и статьи о Сопротивлении. Совместно с партнерами из разных уголков Франции Ассоциация издала серию тематических CD-ROM о Сопротивлении в различных департаментах страны. Ассоциация создала чрезвычайно эргономичный портал, где можно найти информацию не только об исторических источниках и публикациях, но и обо всех местах памяти и местных музеях Сопротивления и ассоциациях его ветеранов. Подчеркнем, на сайте AERI исследователи могут найти данные о документальных коллекциях и фондах исчезнувших ассоциаций ветеранов Сопротивления, как, например, Национальной ассоциации награжденных участников Сопротивления, работавшей в 1947–2013 гг.

Формуляр запроса источника позволяет выбрать регион и департамент поиска, учреждение, хранящее документы, и ключевые слова. Собранная AERI информация и ее онлайн-музей, коллекция которого охватывает 1940–1945 гг., будут особенно полезны тем, кто захочет больше узнать о боевых действиях определенного отряда в том или ином департаменте Франции.

Наконец, упомянем научные учреждения, библиотеки, архивные фонды и коллекции которых могут заинтересовать всех тех, кто желает не просто найти биографическую информацию о конкретном участнике Сопротивления, но и лучше узнать это историческое явление. Сайты полезны и тем, кто следит за мемориальной политикой и актуальными вопросами увековечения памяти Сопротивления.

Институт истории настоящего времени (ИНТР) возник как хранилище документов Комитета по истории Второй мировой войны (CHDGM), в документах которого уделено значительное место истории Сопротивления.

В каталоге рукописей Национальной библиотеки Франции (BNF) представлены архивные документы из фондов Института истории настоящего времени, а на ее сайте Галлика (<https://gallica.bnf.fr>) выложены наиболее полные подборки изданий «России сегодня» (шифр RES-G-1470).

Местные музеи и библиотеки также хранят некоторое количество документов и фондов, информацию о которых можно найти на сайте Фонда Сопротивления.

Для исследователя сложность заключается в том, что документы, хранящиеся в архивах, музеях и библиотеках Франции, описываются по различным стандартам. Описание некоторых архивных фондов осталось с 1960-х гг. на уровне карточного каталога, другие фонды получили описи типа «номерной реперторий», третьи были практически подокументно описаны в рамках межбиблиотечного проекта “Calames” или в ходе их оцифровки для публикации на сайте. Огромная работа по систематизации источников и унификации их описания на портале, фактически выполняющем функции тематического путеводителя, проделана Фондом Сопротивления и Ассоциацией AERI. Именно этот портал мы рекомендуем использовать как отправную точку для следующего обзора источников по нашей теме.

Что же касается России, в настоящий момент материалы об участии советских граждан во французском движении Сопротивления находятся в следующих архивах:

- Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), фонд 9541 «Советский комитет ветеранов войны. Москва. 1956–1993 гг.» представляет коллекцию документов об участии советских граждан в движении Сопротивления;
- Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), фонд 553 «Отчеты центрального комитета советских пленных во Франции в ЦК Компартии Франции о своей деятельности, распоряжения и инструкции ЦК КПФ о ведении подпольной и партийной борьбы, переписка с ЦК

КПФ о формах участия советских пленных в партизанском движении Соппротивления»;

- Архиве внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), фонд 197 «Деятельность Посольства СССР во Франции»;
- Центральном архиве ФСБ России.

Кроме того, существуют личный архив президента Межрегиональной организации ветеранов французского Соппротивления «Комбатан волонтер» Ю.П. Виногина, местонахождение которого в настоящий момент неизвестна.

Мемуары, статьи и интервью советских участников Соппротивления

Уже в 1945–1955 гг. в прокоммунистических изданиях Франции на французском и на русском языке вышло несколько книг мемуарного характера, например, о действии советских партизан в районе Бреста (Бретань) и в составе смешанного французско-советского партизанского отряда в районе Парижа⁴. В Советском Союзе в послевоенный период таких публикаций практически не было.

Во времена хрущевской «оттепели», на фоне общего роста интереса к мемуарам XX в. и военного времени, был издан сборник «О чем не говорилось в сводках» (1962 г.)⁵, включавший и воспоминания советских «сопротивленцев». Отдельные биографические заметки и отрывки воспоминаний публиковались в местной прессе. А книга получившего французскую награду в 1966 г. В.В. Алексеенко «В горах Дордони» издавалась дважды в 1972 г. и 1981 г.⁶ Тот факт, что публиковались только воспоминания лиц, успешно прошедших фильтрацию, никак не умаляет их исторической достоверности. Также интерес представляет книга воспоминаний участников Соппротивления во Франции под названием «Против общего врага. Советские люди во французском движении Соппротивления»⁷, опубликованная в 1972 г.

В перестройку архивы стали более доступными и общественный интерес к ним вырос. А судьба отдельного человека, русского солдата XX в. стала предметом серьезного внимания историков,

⁴ Lafferre M. Le siège de Brest. Paris, 1945; Gazdanov G. Je m'engage à défendre. Paris; Moscou, 1946.

⁵ О чем не говорилось в сводках. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1962. 455 с.

⁶ Алексеенко В. В горах Дордони. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1981. 174 с.

⁷ Против общего врага: Советские люди во французском движении Соппротивления / Под ред. И.В. Паротькина. М.: Наука, 1972. 395 с.

чему поспособствовало распространение методик устной истории и биографических интервью. В 1990 г. вышел сборник воспоминаний и документов «Движение Сопротивления в Западной Европе: 1939–1945. Общие проблемы»⁸. Нетипичные и сложные судьбы советских участников Сопротивления теперь могли стать самостоятельным объектом изучения, а не только иллюстрацией на обочине официального дискурса о Великой Отечественной войне. В 1993 г. Центр устной истории РГУ активно комплектовался интервью участников Второй мировой войны, в том числе в 1993 г. туда поступили интервью Н. Озерова и Я. Еремина, записанные и расшифрованные студентами в качестве курсовых работ.

Лишь в 2000-е гг. стала возможной публикация мемуаров советских участников Сопротивления, осужденных по результатам фильтрации: Е.Д. Белоусова⁹, А.А. Борова¹⁰. Знакомство с их мемуарами может помочь как историкам, так и тем, чьи родственники прошли этот трагический путь и не оставили о нем воспоминаний.

Несомненно, какие-то источники и биографическая информация хранятся в исторических и краеведческих музеях бывшего СССР, школьных музеях боевой славы и архивных фондах местных газет. Эту информацию удобнее всего выявлять и систематизировать по материалам книг памяти, местной широкой и научной прессы¹¹ [Закиева, Халиуллин 2018].

Работу по выявлению документов, воспоминаний и интервью советских участников Сопротивления, уклонившихся от репатриации, необходимо проводить в библиотеках (с использованием каталога “Calames”) и департаментских архивах Франции и в информационных базах организаций, изучающих Сопротивление.

Краткий обзор французской и советской историографии

За 75 лет, миновавших с окончания Великой Отечественной войны, в нашей стране и за ее пределами сложилась обширная и разнообразная литература об участии советских граждан во фран-

⁸ Движение Сопротивления в Западной Европе: 1939–1945: Общие проблемы. М., 1990. 235 с.

⁹ Белоусов Е.Д. Повесть военных лет [Электронный ресурс] // Журнал «Самиздат». 2004. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/belousov_ed/01.html (дата обращения 8 июля 2020).

¹⁰ Борова А. Как это было...: Из рассказов участника французского Сопротивления... узника ГУЛАГа). М., 2001. 139 с.

¹¹ Северская Н. Русский солдат французского Сопротивления // Обнинск. 2005. 6 авг. С. 2.

цузском движении Сопротивления. Историографию темы можно разделить на ряд этапов.

Освещение некоторых страниц освободительной борьбы народов Европы против фашизма началось еще до того, как отгремели последние залпы на полях сражений. Это были небольшие брошюры, журнальные и газетные публикации 1944–1945 гг., которые еще не давали достаточно глубокого научного анализа и не опирались на широкую документальную и источниковедческую базу. В этих публикациях содержится лишь небольшой материал о ходе антифашистского движения Сопротивления и отрывочные сведения об участии в борьбе советских патриотов. Таким образом, уже в военные годы было положено начало публицистической и научно-популярной литературе о движении Сопротивления и участии в нем советских граждан.

В 1945–1955 гг. изучению истории освободительной борьбы европейских народов и участия в ней граждан СССР стали уделять несколько больше внимания. Были изданы первые сборники документов и исследования по этой теме. Публикации, часто подготовленные непосредственными участниками событий¹², были, как все издания о Сопротивлении того времени, попыткой создать и документировать официальный дискурс об этом историческом феномене.

Но участие в европейском движении Сопротивления граждан СССР, бежавших или освобожденных из фашистского плена, о борьбе советских людей в гитлеровских лагерях еще не заняло должного места в работах историков и в мемуарной литературе.

Почти два десятилетия после окончания войны в СССР не было сказано ни слова о героической борьбе советских военнопленных во французском движении Сопротивления, поскольку их статус участников Второй мировой войны не был признан советским правительством. Во Франции серьезному изучению этой темы мешало стремление ветеранов Сопротивления представить его как глубоко французское явление, а также политическая ангажированность в связи с напоминанием о вкладе советских людей в освобождение Франции.

Серьезные изменения в историографии движения Сопротивления начались в конце 1950 – начале 1960-х гг., когда «холодная война» пошла на убыль, в Советском Союзе началась хрущевская «оттепель», а во Франции провозглашена Пятая республика, и генерал де Голль стал ее президентом. В этот период происходит укрепление франко-советских отношений (в 1960 г. состоялся визит Н.С. Хрущева во Францию, в 1966 г. – визит Ш. де Голля в СССР).

¹² Вестник русских добровольцев, партизан и участников сопротивления во Франции. Париж, 1946–1947.

В начале 1960-х гг. в исследованиях об участии советских патриотов в движении Сопротивления резко расширились как тематика, так и источниковедческая база, что положительно сказалось на общем уровне работ. Появились книги об интернациональных связях советских партизан, несколько сборников документов и воспоминаний бывших узников гитлеровских лагерей, издавалось больше мемуаров. Значительный интерес представляет вышедшая в 1962 г. в Москве книга «О чем не говорилось в сводках». Она содержит воспоминания советских партизан – участников движения Сопротивления во Франции и других европейских странах и исторические очерки. В ней освещена история возникновения и развития интернациональных партизанских формирований и подпольных групп, показаны различные формы и аспекты борьбы с фашизмом граждан СССР, находившихся вдали от Родины¹³.

Вопросы антифашистской борьбы советских граждан в Европе получили отражение в изданных в СССР общих трудах по истории Второй мировой и Великой Отечественной войны. Благодаря подготовленному советскими историками 6-томному труду «История Великой Отечественной войны Советского Союза»¹⁴ и опубликованному вслед за ним одностомнику в научный оборот было введено много новых сведений, касающихся участия советских людей в движении Сопротивления.

Первая попытка представить в научно-популярной форме общую картину движения Сопротивления в европейских государствах была предпринята в 1962 г. авторским коллективом сборника «Антифашистское движение Сопротивление в странах Европы в годы Второй мировой войны». Обобщив имевшуюся литературу и изданные источники, сборник представил боевые операции участников движения Сопротивления, их трудную и опасную работу¹⁵.

Активно изучалось советскими историками участие советских граждан в движении Сопротивления на территории европейских стран и особенно во Франции. Отметим изданный в 1966 г. трехтомник «Вторая мировая война», третья книга которого посвящена движению Сопротивления в Европе. В статье М.И. Кочиашвили¹⁶

¹³ О чем не говорилось в сводках...

¹⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: В 6 т. М.: Воениздат, 1960–1965.

¹⁵ Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы Второй мировой войны. М.: Соцэкгиз, 1962. 733 с.

¹⁶ *Кочиашвили М.* Участие советских граждан-грузин в движении Сопротивления в странах Западной Европы // Вторая мировая война: Движение Сопротивления в Европе. Кн. 3. М., 1966.

рассказывается о вкладе, внесенном в движение Сопротивления во Франции, Италии и Голландии гражданами советской Грузии. В 1967 г. А.В. Кудрицкий защитил диссертацию на тему «Трудящиеся Советской Украины в антифашистском движении Сопротивления народов Западной Европы (Франция, Бельгия, Италия) 1942–1945 гг.» [Кудрицкий 1967]. Отметим характерный для советской историографии этого времени парадокс: интернациональная, по сути, тема изучалась с национальной точки зрения.

Неизвестные страницы героической борьбы советских патриотов на территории Европы раскрыли опубликованные в 1970-х гг. новые исследования. Среди них особого внимания заслуживает монография доктора исторических наук М.И. Семиряги «Советские люди в европейском движении Сопротивления» [Семиряга 1970], в которой автор сообщает новые сведения об участии граждан СССР в партизанских отрядах ряда европейских стран.

В конце 1970 – начале 1980-х гг. появились также диссертационные исследования, посвященные анализу участия советских граждан в европейском движении Сопротивления. Они дают возможность, несмотря на определенную идеологическую заданность, проследить зарождение и развертывание борьбы советских граждан против оккупантов в рядах европейского Сопротивления [Елисаветский 1976, Гладкий 1981].

Следующий этап историографии проблемы – время «перестройки» – обнажил многие малоизученные проблемы истории. Постепенно менялся сам подход, понятийный и терминологический аппарат исследований. На смену неумолимому и обязательному прежде обличению пришло стремление разобраться, понять, действительно исследовать, а не проклинать людей, по своей или по чужой воле оказавшихся в фашистском плену. Расширились возможности публиковать архивные документы и использовать их в исследованиях.

Однако в постсоветское время и первое десятилетие XXI в. книги о движении Сопротивления почти не издавались. Отметим лишь книги «Советские люди в европейском Сопротивлении. Воспоминания и документы» [Зайцева 1983] и С.П. Гладкого «Русские патриоты в движении Сопротивления европейских стран (1939–1945 гг.)», написанную по материалам Франции, Италии и Польши и вышедшую в свет в 1997 г. [Гладкий 1997]. В последней автор, много лет занимавшийся исследованием участия советских граждан в европейском Сопротивлении, обобщил имеющиеся, а также ранее неизвестные документы и материалы, в том числе и зарубежные.

В 2010-х гг. сформировались новые научные подходы, появились интересные исследования, в том числе просопографического и монографического характера: О.Н. Озеров «К победе через плен

и подвиг»¹⁷; Р.В. Лебеденко, В.В. Зюзин «Участие российской эмиграции и советских военнопленных во французском движении Сопротивления в годы Второй мировой войны» [Лебеденко, Зюзин 2014].

Французская историография Сопротивления чрезвычайно обширна, при этом даже наиболее известные ее авторы, такие как Д. Пешанский и Т. Фонтен отмечают, что не все темы в ней изучены с равной степенью подробности. Наиболее детально разработаны знаковые с точки зрения политкорректности вопросы участия в Сопротивлении евреев и женщин, тогда как работ о вкладе в него иностранцев (трудовых мигрантов, политических эмигрантов, военнопленных) практически нет.

В 1965 г. во Франции была издана книга бывшего уполномоченного Национального фронта (NF) по руководству борьбой советских партизан во Франции полковника ФТПФ Гастона Лароша «Их называли иностранцами» (“On les nommait des étrangers”) [Laroche 1965]. В этой книге наиболее подробно освещается участие иностранцев, в том числе советских граждан, в движении Сопротивления во Франции.

Казалось бы, падение железного занавеса должно было дать новый импульс развитию этой темы, но так не произошло. Единственным исключением стали каталог выставки и сборник трудов научной конференции «Иностранцы во французском Сопротивлении», прошедших в 1992 г. в Безансоне [François 1993]. Наибольшее внимание на этой конференции уделили иностранцам-беженцам (армянам и евреям из стран Центральной Европы, или политическим мигрантам из Испании, Австрии и Германии), а также иностранцам – трудовым мигрантам (например, из Италии и Польши), и проблемам их довоенной и послевоенной интеграции во французское общество. Отдельных докладов по русским и советским мигрантам не делалось. Отметим очень интересный вывод о том, что участие иностранцев в Сопротивлении имело более радикальный характер сравнительно с французами и поэтому оно сыграло роль катализатора в развитии движения. И на этой общей и не очень лестной для основной массы населения Франции констатации тема была практически закрыта.

Это тем более несправедливо, что В. Прозорова, ознакомившись в 2010 г. в ходе проверки качества ввода данных с составом базы данных Военного архива «Звания... и факты участия в Сопротивлении», констатировала наличие в ней достаточно большого процента карточек на лиц, родившихся за пределами Франции, при практически полном молчании историографии на тему массового участия

¹⁷ Озеров О. К победе через плен и подвиг. М.: Патриот, 2011. 568 с.

иностранцев (а не только знаковых фигур, при всем к ним уважении) в повседневной борьбе Сопротивления с фашизмом.

Во Франции в это время был опубликован ряд статей и книг, написанных историками, журналистами и ветеранами французского Сопротивления, в которых упоминается деятельность советских партизан во Франции. Однако французская историография последних лет остается фрагментарной по охвату сюжетов и идеологизированной по их выбору, поэтому попытки российских исследователей вписаться в нее можно только приветствовать. К сожалению, они не всегда бывают удачными, что иллюстрирует статья Р. Урицкой «Советские комбатанты, вступившие во французское Сопротивление» [Ouritskaia 2005], в которой советские военнопленные названы «жертвами двух ужасных режимов» и в которой используются всего три широко известных мемуарных источника – воспоминания Озерова, Плотникова и Нагайцева, а из современной российской историографии – лишь статьи, а не монографии М. Семиряги и К. Александрова, причем из одного и того же сборника. Появление такой работы у достаточно добросовестного автора подтверждает сохранение железного занавеса в исторической науке и наличие не только языкового, но и идеологического барьера у французских читателей и издателей.

Поэтому особенно ценна публикация на французском языке, пусть и небольшим тиражом, книги российских историков и «сопротивленцев» «Когда надежда приходила с востока: русские макизары вспоминают» под редакцией председателя МАВФС Ю.П. Виногина [Vinoguine, Ignatov 2015].

Итак, за несколько десятилетий в советской, постсоветской и зарубежной исторической литературе были достигнуты определенные результаты в освещении проблем антифашистского европейского движения Сопротивления и участия в нем советских людей. Однако до полного и глубокого раскрытия истории этой борьбы потребуется еще немало творческих усилий, что обуславливается не только наличием разнообразной источниковедческой базы, в том числе архивных материалов, как государственных, так и частных, ранее недоступных для исследования, но и богатством событий, фактов, явлений, тесно связанных с мужественной борьбой советских патриотов в странах Европы и во Франции в частности.

Мы очень надеемся, что наш небольшой обзор источников и историографии поможет всем желающим найти свои пути дальнейшего изучения и понимания роли советских людей в Сопротивлении.

Заключение

Подводя итоги обзора источников об участии советских людей во французском Сопротивлении, отметим, что в настоящее время во Франции эти источники более всего востребованы в исследованиях по местной или семейной истории, так как официальная историография, нацеленная на сохранение национального единства, по нескольким причинам избегает, как мы видели, масштабного освещения вопроса об участии иностранных подданных в Сопротивлении. Первой из этих причин является нежелание привлекать внимание широкой публики к вопросу о том, сколько же во французском Сопротивлении было собственно французов (по паспорту или по происхождению): известно, что иностранцы в этих движениях были представлены шире, чем в массе населения. Вторая причина – внешне- и внутривнутриполитическая не востребоважность темы о советских макизарах, чему способствуют слабость и разобщенность русскоязычной диаспоры во Франции, а также возникающая время от времени напряженность в отношениях России и Франции. Последние десятилетия наиболее востребованными для внутривнутриполитического дискурса сюжетами остаются участие в Сопротивлении евреев и женщин – двух групп, по отношению к которым во Франции принято судить о степени цивилизованности общества. В этом непростом контексте тем более отрадн систематическая и беспристрастная работа таких Ассоциаций, как *Fondation de la Résistance (AERI)* и *Souvenir Français* по выявлению и сохранению источниках обо всех участников Сопротивления. Наиболее примечательным во французском опыте является отслеживание судьбы собранных исчезающими ветеранскими организациями материалов и появление национальных по сути баз данных по источникам и научным публикациям о Сопротивлении. Особенно отрадн, что централизация произошла несмотря на множественность ветеранских организаций и выраженную ориентацию исследований на местную историю. Для полного осмысления вклада советского народа в победу во Второй мировой войне было бы желательно и в России централизовать информацию о наших соотечественниках – участниках Сопротивления за пределами СССР. Люди такой судьбы в России и странах бывшего СССР достаточно многочисленны, чтобы создание просопографической базы данных о них представляло научный интерес. Для этого необходим центр, который смог бы выявлять информацию в местных и центральных музеях, архивах и библиотеках и поддерживать ее актуальность. Центр, которому могли бы доверить выявленную информацию такие разные структуры, сохраняющие память о политических репрессиях, общество «Мемориал», местные

краеведческие организации и ветеранские организации. Полагаем, что Российский государственный военный архив мог бы стать таким центром, и мы готовы участвовать в обсуждении этого проекта.

Рекомендации исследователям семейной истории

В начале вашего исследования необходимо тщательно проанализировать документы домашнего архива, письма и открытки военного и послевоенного времени, старые фотоальбомы и опросить родственников. Возможно, найти газетные вырезки с некрологом в местной библиотеке. Систематизация информации, например, в табличной форме, поможет восстановить жизненный путь участника войны. Эта таблица пригодится вам и при составлении запросов в архивы. Очень важно получить в архиве учреждения, где работал ветеран, копию его послевоенной анкеты и автобиографии. Пригодятся и подобные анкеты его супруга, сестер, братьев и детей, поскольку в них всегда требовалось указывать информацию о пребывании за границей или судимостях ближайших родственников. Указанная в анкетах информация может стать решающей для определения правильного направления вашего поиска.

Восстановить боевой путь ветерана в рядах Советской армии и его послевоенную судьбу помогут различные поисковые форумы и справочник «Биографическая и генеалогическая информация в государственных архивах Российской Федерации»¹⁸. Рекомендуем также использовать пошаговую «Методику проведения семейного поиска данных по участникам Великой Отечественной войны»¹⁹ В.Б. и В.В. Прозоровых, которая содержит образцы запросов в архивы. Наличие у ветерана советских и французских наград повышает шансы найти биографическую информацию в наградных документах, но их отсутствие не должно лишать вас надежды и энтузиазма.

Рекомендуется сначала ознакомиться с биографией участника войны до попадания в плен или угона, затем с его фильтрационным делом (для чего может потребоваться доказать родство с ним) в архиве ФСБ по месту жительства, затем попытаться найти информацию о нем в базе данных «Память людей» военного архива Фран-

¹⁸ Волкова И.В., Дегтярева И.А., Иноземцева З.П. Биографическая и генеалогическая информация в государственных архивах Российской Федерации (1917–1991 гг.): справочное пособие / ВНИИДАД. М., 2010. 792 с.

¹⁹ Прозоров В.Б., Прозоров В.В. Методика проведения семейного поиска данных по участникам Великой Отечественной войны // Сайт «Форума поисковых движений». URL: <http://forum.patriotcenter.ru/index.php?topic=67991.0> (дата обращения 25 ноября 2020 г.).

ции и, в последнюю очередь, составлять запросы на английском или французском языке во французские центры документации, адреса которых приведены в конце данной статьи. Если вам известны места, где воевал ветеран, или вас интересует история Сопротивления в конкретном районе Франции, история определенного подразделения, лучше начать поиск с сайта ассоциации AERI и онлайн-музея Сопротивления, поскольку это наиболее полная на 2020 г. библиографическая и источниковая база.

*Адреса и сайты организаций, куда можно направить запрос
о советских участниках французского Сопротивления*

1. Исторический центр архивов исторической службы Министерства обороны (Centre historique des archives SHD) Франции в пригороде Парижа Венсен. Почтовый адрес: S.H.D. Centre historique des archives. Château de Vincennes. Avenue de Paris 94306 Vincennes Cedex France, телефон: +331 41 93 21 56, электронная почта: shd-vincennes.secdir.fct@intradef.gouv.fr
Архив не отвечает на запросы по электронной почте.
2. Музей национального Сопротивления (MNR) в пригороде Парижа Шампigny-сюр-Марн. Почтовый адрес: 40 quai Victor Hugo. 94500 Champigny-sur-Marne. France, телефон: +331 48 81 00 80, электронная почта научного управления музея: direction@musee-resistance.com
3. Фонд Сопротивления (Fondation de la Résistance) и онлайн-музей Сопротивления в Париже. Почтовый адрес: 30 boulevard des Invalides, 75007 Paris, France, телефон: +331 47 05 73 69, электронная почта: contact@fondationresistance.org
Сайт Музея Сопротивления: museedelaresistanceenligne.org
Почтовый адрес отдела AERI, создавшего сайт Музея Сопротивления: 16–18 place Duplex, 75015 Paris, телефон: +331-45-66-62-72, электронная почта: departement.aeri@fondationresistance.org
4. Музей ордена «За освобождение» (Musée de l'ordre de Libération). Почтовый адрес: 51bis boulevard de la La Tour-Maubourg, 75700 Paris cedex 07
Контактные данные и электронная почта на странице: <https://www.ordredelaliberation.fr/fr/contact>

Литература

- Гладкий 1981 – *Гладкий С.* Деятельность советских коммунистов в европейском движении Сопротивления (на материалах Франции, Италии, Польши). Л., 1981. 210 с.
- Гладкий 1997 – *Гладкий С.* Русские патриоты в движении Сопротивления европейских стран (1939–1945 гг.). СПб.: Дума, 1997. 178 с.

- Елисаветский 1976 – *Елисаветский С.* Интернациональная солидарность трудящихся во Французском Сопротивлении в период и в ходе антифашистского вооруженного восстания (1943–1944 гг.). Киев: АН УССР. Ин-т истории, 1976. 212 с.
- Зайцева 1983 – *Зайцева Н.* Советские граждане в западноевропейском движении Сопротивления (1942–1945 гг.). М., 1983. 234 с.
- Закиева, Халиуллин 2018 – *Закиева Р., Халиуллин И.* Татарстанцы – участники Французского Сопротивления // Народы Татарстана в годы Великой Отечественной войны: Сборник статей / Под ред. Р.В. Шайдуллина. Казань, 2018. С. 124–128.
- Кудрицкий 1967 – *Кудрицкий А.* Трудящиеся Советской Украины в антифашистском движении Сопротивления народов Западной Европы (Франция, Бельгия, Италия) 1942–1945 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев: АН УССР. Ин-т истории, 1967. 19 с.
- Лебеденко, Зюзин 2014 – *Лебеденко Р., Зюзин В.* Участие российской эмиграции и советских военнопленных во французском движении Сопротивления в годы Второй мировой войны. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 246 с.
- Семиряга 1970 – *Семиряга М.* Советские люди в европейском Сопротивлении. М.: Наука, 1970. 351 с.
- François 1993 – *François M.* Les étrangers dans la résistance en France // *Vingtième Siècle, revue d'histoire*. 1993. n°38. Avril-juin. P. 113–114.
- Laroche 1965 – *Laroche G.* On les nommait des étrangers: les immigrés dans la Résistance. Paris: Editeurs français réunis, 1965. 477 p.
- Ouritskaia 2005 – *Ouritskaia R.L.* Les combattant soviétiques engagés dans la Résistance française [Электронный ресурс] // *Revue russe*. 2005. № 27 P. 61–70. URL: <https://doi.org/10.3406/russe.2005.2262> (дата обращения 8 июля 2020).
- Vinoguine, Ignatov 2015 – *Vinoguine Y., Ignatov A.* Quand l'espoir venait de l'Est: les maquisards Russes se souviennent. Paris: Patriot, 2015. 236 p.

References

- Elisavetskii, S. (1976), *Internatsional'naya solidarnost' trudyashchikhsya vo Frantsuzskom Soprotivlenii v period i v khode antifashistskogo vooruzhennogo vosstaniya (1943–1944 gg.)* [International solidarity of workers in the French Resistance movement during the anti-fascist armed uprising (1943–1944)], Academy of Sciences UkrSSR, Kiev, USSR.
- Gladkii, S. (1981), *Deyatel'nost' sovetskikh kommunistov v evropeiskom dvizhenii Soprotivleniya (na materialakh Frantsii, Italii, Pol'shi)* [Activities of Soviet Communists in the European Resistance movement (France, Italy, Poland)], Leningrad, Russia.
- Gladkii, S. (1997), *Russkie patrioty v dvizhenii Soprotivleniya evropeiskikh stran (1939–1945 gg.)* [Russian patriots in the Resistance movement in European countries (1939–1945)], Duma, Saint-Petersburg, Russia.
- François, M. (1993), “Les étrangers dans la résistance en France”, *Vingtième Siècle, revue d'histoire*, n°38, avril-juin, pp. 113–114.

- Kudritskii, A. (1967), *Trudyashchiesya Sovetskoi Ukrainy v antifashistskom dvizhenii Soprotivleniya narodov Zapadnoi Evropy (Frantsiya, Bel'giya, Italiya) 1942–1945 gg.* [Workers of Soviet Ukraine in the anti-fascist Resistance movement of the peoples of Western Europe (France, Belgium, Italy) 1942–1945], Abstract of Ph.D. dissertation, Academy of Sciences UkrSSR, Kiev, USSR.
- Laroche, G. (1965), *On les nommait des étrangers: les immigrés dans la Résistance*, Editeurs français réunis, Paris, France.
- Lebedenko, R. and Zuzin, V. (2014), *Uchastie rossiiskoi emigratsii i sovetsskikh voennoplennyykh vo frantsuzskom dvizhenii Soprotivleniya v gody Vtoroi mirovoi voyny* [Participation of Russian emigrants and Soviet prisoners of war in the French Resistance movement during World War II], Piatigorsk, Russia.
- Ouritskaia, R.L. (2005), “Les combattant soviétiques engagés dans la Resistance française”, *Revue russe*, no. 27, pp. 61–70, available at: <https://doi.org/10.3406/russe.2005.2262> (Accessed 8 July 2020).
- Semiryaga, M. (1970), *Sovetskie lyudi v evropeiskom Soprotivlenii* [Soviet people in the European Resistance], Nauka, Moscow, Russia.
- Vinoguine, Y. and Ignatov, A. (2015,) *Quand l'espoir venait de l'Est: les maquisards Russes se souviennent*, Patriot, Paris, France.
- Zaitseva, N. (1983), *Sovetskie grazhdane v zapadnoevropeiskom dvizhenii Soprotivleniya (1942–1945 gg.)* [Soviet citizens in the Western European Resistance movement (1942–1945)], Moscow, Russia.
- Zakieva, R. and Haliullin, I. (2018), “Tatarstan citizens- participants of the French Resistance movement”, in Shajdullin, R.V. (ed.), *Narody Tatarstana v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. Sbornik statei* [Peoples of Tatarstan during the Great Patriotic War. Collected papers], Kazan, Russia, pp. 124–128.

Информация об авторах

Роман В. Лебеденко, кандидат исторических наук; ГБОУ МОШ «Школа № 2033», Москва, Россия; Россия, 105425, г. Москва, Щелковское шоссе, д. 26А; rlebedenko@mail.ru

Виктория Б. Прозорова, кандидат исторических наук, Бюро журнала «Вестник архивиста» в Европе (Париж, Франция); Франция, 92292, г. Шатене-Малабри, пр. Франсис де Прессансе, д. 10; prozorovaviktoriya@gmail.com

Information about the authors

Roman V. Lebedenko, Cand. of Sci. (History), school № 2033, Moscow, Russia; bld. 26, Shchelkovskoe road, Moscow, 105425, Russia; rlebedenko@mail.ru

Victoria B. Prozorova, Cand. of Sci. (History), Mission of the magazine “Herald of archivist” in Europe (Paris, France), Paris 75000 France; 10, av. Francis de Pressense, 92290, Chatenay-malabry, France; prozorovaviktoriya@gmail.com

История культуры в документальном наследии

УДК 929

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-88-104

Редактор «России»: Биография И.Г. Лежнева – архивные документы и публикации* *Часть 2**

Мария В. Мишуровская

*Российская государственная библиотека искусств,
Москва, Россия, onb@liart.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются архивные материалы и печатные источники, связанные с основными вехами творческой биографии литератора, редактора журнала «Россия» И.Г. Лежнева (1891–1955). Об идеологической работе И.Г. Лежнева в первой половине 1920-х гг., связанной с выпуском журнала «Россия», бывшего частью «сменовеховского» идеологического проекта, дают представление его статьи, помещенные в этом журнале, его письма к Н.В. Устрялову, опубликованные М.С. Агурским, а также источники, хранящиеся в отечественных архивах. История закрытия «сменовеховского» журнала «Россия» и дело о высылке его редактора И.Г. Лежнева «за пределы СССР» отражены в документах, отложившихся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации. На основании информации, почерпнутой в документальных источниках, отложившихся в фонде И.Г. Лежнева в Российском государственном архиве литературы и искусства, автором статьи представлен обзор профессиональных обязанностей И.Г. Лежнева – сотрудника Торгового представительства СССР в Берлине.

В статье приведен обзор источников, рассказывающих о возвращении И.Г. Лежнева из Германии в СССР, о важной роли его «расширенного заявления» о приеме в партию, автобиографических и покаянных «Записок современника», во многом определивших дальнейшую судьбу их автора, о работе в газете «Правда» и других «вехах» его жизни. К анализу впервые привлечены документы из частных собраний, касающиеся публикации в СССР книги И.Г. Лежнева «Записки современника».

* Продолжение. Начало см.: История и архивы. 2020, № 3. С. 52–68.

Ключевые слова: И.Г. Лежнев, творческая биография, журнал «Россия», история литературы 1920–1940-х гг., архивные источники, идеологический проект

Для цитирования: Мишуровская М.В. Редактор «России»: Биография И.Г. Лежнева – архивные документы и публикации. Часть 2 // История и архивы. 2021. № 1. С. 88–104. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-88-104

Editor of the “Russia” magazine. Biography of I.G. Lezhnev – archival documents and publications

Part 2

Maria V. Mishurovskaya

Russian State Art Library, Moscow, Russia;

e-mail: onb@liart.ru

Abstract. The article considers the archival materials and printed sources related to the major milestones of the professional biography of I. G. Lezhnev (1891–1955), the writer and editor of the “Russia” magazine. I. G. Lezhnev’s ideological work in the first part of the 1920s connected with the issuing of «Russia» – the magazine which belonged to the «Smena Vekh» ideological project can be understood through his publications in that magazine, his letters to N.V. Ustryalov published by M. S. Agurskiy, as well as through the resources in the Russian archives. The sequence of events that ended up in the closure of the “Russia” magazine and in deporting its editor, I.G. Lezhnev, “beyond the boundaries of the USSR” are revealed in the documents kept in the funds of the Russian State Archives of the Social and Political History and the Central Archives of the Federal Security Service of the Russian Federation. Following the information provided by the documents of the I.G. Lezhnev’s fund in the Russian State Archives of Literature and Art, the author reviews the professional duties of I.G. Lezhnev – the staff member of the Trade Mission of the USSR in Berlin.

The article reviews the sources describing I.G. Lezhnev’s return from Germany to the USSR, the essential role of his ‘extended membership application’ for joining the Party, his autobiographical and repenting “Notes of a Contemporary” which in many ways defined the future of their author; much attention is also drawn to his work in the ‘Pravda’ newspaper and other milestones of his life. The present paper for the first time, analyzed the documents from the private collections, connected with the publication of Lezhnev’s “Notes of a Contemporary” in the USSR.

Keywords: I.G. Lezhnev, professional biography, “Russia” magazine, history of literature in the 1920–1940s, archival sources, ideological project

For citation: Mishurovskaya, M.V. (2021), "Editor of the 'Russia' magazine. Biography of I.G. Lezhnev – archival documents and publications. Part 2", *History and Archives*, no. 1, pp. 88–104, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-88-104

Берлинская ссылка. Новые идеи

24 мая 1926 г. Исая Григорьевич обратился в Эстонскую дипломатическую миссию с просьбой о разрешении въезда в эстонский курортный город Хаапсалу. Виза была выдана на летние месяцы. Как подчеркивает И.З. Белобровцева, анкету в посольство Эстонии «подает не рядовой гражданин» – Лежневым была заполнена «Анкета для сотрудников технического персонала, командирруемых властями РСФСР в Российское Полномочное Представительство в Ревеле» [Белобровцева 2011, с. 84]. В конце июля Лежнев покидает Эстонию.

В удостоверении, выданном Исаю Григорьевичу в 1930 г. в отделе кадров Торгового представительства СССР в Берлине, отмечено, что он «состоял сотрудником Торгового Представительства СССР в Германии в качестве экономиста Общеэкономического отдела с 1 октября 1926 года по 15 февраля 1930[-го]; и уволился по собственному желанию в связи с отъездом в СССР»¹.

В начале 1929 г. Лежнев возбуждает ходатайство о применении к нему амнистии, как поясняется в справке пятого отделения Секретного отдела ОГПУ, «то есть о досрочной его легализации»². Кроме того, Исая Григорьевич просит разрешить ему въезд в СССР (на один месяц) для переговоров с «Государственным издательством» (ГИЗом) и издательством «Земля и фабрика» (ЗИФом). В справке ОГПУ цель переговоров несколько искажена: в ней утверждается, что Лежнев хотел обсудить с издательствами возможность его работы в их заграничных представительствах. На самом деле (об этом ниже) бывший редактор «России» хотел такие представительства организовать.

Ходатайство Лежнева о применении к нему амнистии было отклонено. Въезд в СССР запрещен – вплоть до окончания 10 мая 1929 г. срока высылки.

О содержании «штатной» и внештатной работы Исаия Григорьевича в Торгпредстве свидетельствуют материалы, хранящиеся в фонде Лежнева в Российском государственном архиве литера-

¹ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 231. Л. 8.

² ЦА ФСБ. Д. Р-46939. Л. 39. Цит. по: Остракизм по-большевистски: преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М.: Русский путь, 2010. С. 352.

туры и искусства (РГАЛИ)³. Так, перед отъездом в СССР в 1930 г. он обращается в административно-организационное управление Торгпредства с просьбой об оплате работ, выполненных им «во вне-служебное время – вечерами и в воскресные дни – в здании Торгпредства и на дому, а также во время происшедшего летом 1929 г. перерыва в моей службе»⁴. Перечисляя выполненные задания, Исай Григорьевич около каждого указывает причитающуюся ему сумму (общая составила 400 долларов).

Работа Лежнева во внеслужебное время заключалась в составлении обзоров, отчетов и статистических выборок. Им были подготовлены обзоры «Жилстроительство Германии», «Экономическое положение Германии» (по заданию Концесскома), «Проблемы германской экономической информации», «Торговые взаимоотношения СССР с Восточной Пруссией» и др.

Штатная работа Лежнева в экономическом отделе Торгпредства также сводилась к составлению обзоров: «германского хозяйства» (месячных, квартальных и годовых, последние – по поручению Концесскома), аналитических обзоров германской внешней торговли и т. д. Исай Григорьевич участвовал в подборе и систематизации материалов в связи с торговыми переговорами СССР с Германией. Он же выступал в качестве переводчика и редактора («стилистическая правка почти всех рукописей отдела, и отчасти и финуправления, писавшихся на русском языке»)⁵.

Начальник общего экономического отдела Торгпредства Р.Я. Андерс характеризовал Лежнева как добросовестного работника, всегда проявлявшего живой интерес к делу, «не считаясь с затраченным усилием или временем и не возбуждая вопроса о дополнительной оплате труда, хотя в течение всех трех лет числился *“временным”* [курсив мой. – М. М.] сотрудником и получал значительно сниженный оклад жалования»⁶.

Зачем Исаю Григорьевичу понадобилось так настойчиво просить об амнистии незадолго до официального окончания срока высылки? Причины были.

По-видимому, не складывались дела личного характера. Если верить материалам ОГПУ, Лежнев, выехав за границу с женой – Э.С. Альтшуллер, впоследствии хлопотал об устройстве личной жизни в Берлине с некоей М.М. Пашаевой, бывшей машинисткой «Новой России», которая «одновременно с Лежневым возбуждала ходатайство о выдаче ей загранпаспорта для поездки к нему

³ РГАЛИ. Ф. 2252.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп.1. Д. 231. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 5–6.

⁶ Там же.

в качестве жены. Ходатайство было удовлетворено...»⁷. По сведениям сотрудников пятого отделения Секретного отдела ОГПУ, Пашаева пробыла в Берлине около двух лет и затем вернулась в Москву. Зимой 1929 г. Исая Григорьевич и М.М. Пашаева снова просят о возвращении последней в Берлин (ремарка уполномоченного СО ОГПУ С.М. Гендина: «...они, будто бы, снова решили сойтись»⁸). В заграничном паспорте знакомой Исаия Григорьевича на этот раз было отказано.

Косвенно семейные «неурядицы» Лежнева подтверждает письмо вернувшейся из США в Москву Э.С. Альтшуллер: адресованное Михаилу Булгакову, оно было написано 27 августа 1933 г. (Исая Григорьевич к этому времени почти три года жил в России – был прописан в Ленинграде). Она, в частности, сообщает писателю: «Последние семь лет я жила за границей, в Германии и САСШ⁹. В Соединенных Штатах я была близка с левыми театральными кругами Нью-Йорка»¹⁰. Заверив писателя, что его драматургические произведения найдут «живой интерес в Нью-Йорке», она называет свой адрес в Москве: «Дом правительства, 17-й подъезд, кв. 342»¹¹.

По сведениям, полученным нами от Ольги Романовны Трифоновой – директора музея «Дом на набережной», в 1933 г. в кв. 342 (в 17 подъезде) Дома Правительства проживала вместе с соседями по квартире (Богущкими) первая жена Якова Моисеевича Шатуновского (1880–1932) – Шатуновская Генриетта Соломоновна (1888–1935) с дочерью Надеждой (1922–1982). Можно предположить, что Эстер Соломоновна в августе 1933 г. гостила именно у нее. Г.С. Шатуновская (до замужества – Рубинштейн) была родной сестрой Э.С. Альтшуллер и свояченицей И.Г. Лежнева. О ней и ее муже, Якове Моисеевиче Шатуновском, члене Коллегии Наркомата транспорта, профессоре математики и заведующем кафедрой математики Института Красной профессуры, не раз упоминает в своем дневнике знакомый Шатуновских (и частый гость в их доме) Корней Иванович Чуковский.

Эстер Соломоновна просила Булгакова звонить ей, не откладывая. Он, по-видимому, этого не сделал. Так или иначе, но 8 октября 1933 г. она нанесла визит Булгаковым. Елена Сергеевна Булгакова

⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-46939. Л. 39. Цит. по: Остракизм по-большевистски... С. 352.

⁸ Там же.

⁹ Северо-Американские Штаты Америки (САСШ) – распространенное в русском языке, в основном в первой половине XX в., название Соединенных Штатов Америки.

¹⁰ РО ИРЛИ (Пушкинский Дом). Ф. 369. Оп. 1. Д. 345. Л. 1.

¹¹ Там же.

коротко записывает в дневнике: «Днем приходила бывшая жена И. Лежнева – Альтшулер, просила [у] М.А. пьесы для театра “Гилд” в Нью-Йорке. М. А. отказал»¹².

Вторая причина ходатайства Лежнева о досрочной амнистии: намеченные переговоры с ГИЗом и ЗИФом об организации их зарубежных представительств. Об этом была предварительная договоренность с председателем правления Госиздата А.Б. Халатовым, заинтересованным «возможностью роста нашей пролетарской литературы»¹³. Проект был подготовлен Исаем Григорьевичем в 1928 г.

Предложения об организации представительств он изложил в обширном «Докладе о переводной литературе», черновик которого хранится в фонде Лежнева в РГАЛИ. В вводной части этого текста, упомянув об отсутствии «литературной конвенции» между СССР и западными странами, он замечает:

Для держания политически нужных нам отношений с ограничительным кругом иностранных авторов, нет, мне кажется, нужды заключать общие конвенции и после этого оплачивать всех переводимых нами иностранных авторов – живых и мертвых (их наследников). Что касается защиты интересов наших авторов в ту весьма скромную меру, в кою они переводятся, то для этого имеются несравненно более простые и, грубо говоря, дешевые способы. Ведь надо помнить, что буржуазный правопорядок западных стран достаточно ревностно защищает принципы собственности. В этих условиях для защиты интересов советских авторов вполне достаточно, если наши писательские объединения поручат живущим в Берлине, Париже, Риме трем товарищам, которые будут пристраивать переводы русских книг, имеющих шансы на успех за границей до выхода этих книг в СССР и также закреплять права наших авторов за границей, а в дальнейшем следить за выходящими в свет переводами с русского языка и взыскивать с издательства гонорар¹⁴.

Далее Лежнев переходит к задачам «ближайшего года», которые, по его мнению, могли бы решать за рубежом представители советских издательств, осуществляя не только отбор книг для перевода и снабжение ими «наших издательств», но и «снабжение иностранным материалом периодических изданий»¹⁵.

¹² Цит. по: *Булгакова Е.С.* Дневник: 1933 г. // Михаил и Елена Булгаковы: Дневник Мастера и Маргариты. М.: Вагриус, 2004. С. 137.

¹³ *Халатов А.Б.* Десятилетний юбилей советской книги: наша художественная литература // *Известия*. 1929. 18 мая. № 111. С. 2.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 234. Л. 19–20.

¹⁵ Там же. Л. 20, 23.

Исай Григорьевич подчеркивает: печатное слово всегда было наиболее эффективной формой сближения с Западом. Именно поэтому он настаивает на создании редакционного представительства Госиздата за границей. Он предлагает, наладив «такую ячейку в одном заграничном центре и именно в Берлине, целиком занять этим делом <...> одного работника – с тем, чтобы он имел возможность привлекать себе на подмогу нужные силы, оплачивая их сдельно»¹⁶.

В роли представителя Госиздата за границей он, конечно же, видит себя, а среди основных функций будущего редакционного представительства называет информирование Госиздата обо всех ценных книгах, появившихся за рубежом или готовящихся к выходу в свет: «все рукописи читаются здесь, в представительстве, пишется рецензия»¹⁷. По замыслу Лежнева, перевод рукописи, отобранной для советской печати, делается «здесь же на месте, в непосредственной близости от автора»¹⁸. Исай Григорьевич брался наладить связь с немецкими авторами и издательствами. Для этого он предлагает создать в Берлине единый корреспондентский центр, который будет вступать в договорные отношения с заграничными издательствами, выполняя при этом «разные литературные и литературно-организационные поручения»¹⁹.

Лежнев разрабатывает «Положение о представительстве Гиза в Германии»²⁰, прилагая к нему «Проект месячной сметы Представительства Госиздата в Берлине»²¹, и аналогичные положение и проект для создания представительства издательства «Земля и фабрика». Кроме того, он составляет тексты проектов удостоверений уполномоченного Государственного издательства РСФСР в Германии и ЗИФа²².

Начинания Исаия Григорьевича, получившие поддержку Халатова, не нашли одобрения в ОГПУ. Отбыв берлинскую ссылку «от звонка и до звонка», бывший редактор сменовеховского журнала в 1930 г. возвращается в СССР.

¹⁶ Там же. Л. 34.

¹⁷ Там же. Л. 36.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 43–44.

²⁰ Там же. Л. 37–38.

²¹ Там же. Л. 39.

²² Там же. Л. 39об., 56–57.

«Записки современника» – современная книга

Перед возвращением в СССР, в апреле 1929 г., Исай Григорьевич пишет письмо-заявление в ЦК ВКП(б). Черновик этого письма сохранился в фонде Лежнева в РГАЛИ. Подлинник отложился в фонде ЦК КПСС в РГАСПИ²³. В конце августа 1929 г. оно было размножено (в 42 экземплярах) и разослано членам ЦК ВКП(б).

В начале письма, вспомнив о том, как эмигрантская печать решила сделать из его высылки в Берлин «сенсацию», бывший редактор «России» утверждает:

...меньшевики рассчитывали, что, оказавшись за границей, я брошусь им в объятья, а если этого не случилось, то не иначе всё – враки, а меня вообще нет за границей. «Дни»²⁴ в Париже сообщали о моей высылке под афишными заголовками, посвящали ей передовые статьи и проч.²⁵

Исай Григорьевич отмечает, что ни косвенные, как он выражается, предложения «участвовать в эмигрантской прессе», ни травля, организованная эмигрантскими кругами после его отказа поддерживать контакты с этими кругами, не заставили его отступить от принятой им позиции – он решил, не делая из своей ссылки сенсацию, а из себя жертву советского режима, выполнять работу в берлинском Торгпредстве и сотрудничать исключительно с советской прессой (среди советских периодических изданий, в которые Лежнев «корреспондировал» свои статьи, в заявлении упомянуты «Учительская газета», журналы «Народный учитель» и «Советская торговля»).

Обозначив свое отношение к тем «искушениям», которые окружали его в Берлине, Исай Григорьевич переходит к характеристике экономической и духовной жизни Европы, проникнутой, по его словам, «бешенством эротизма в быту и в искусстве», «откровенным и циничным делячеством во всем»²⁶.

Приближаясь к цели своего заявления – к просьбе о разрешении вернуться в СССР, Лежнев совпадает в эпистолярно-официальной стилистике с другим автором письма «наверх» – Михаилом Булгаковым, с составленным им в том же 1929 г. к властям заявлением. Оба, автор романа «Белая гвардия» и бывший редактор журнала «Россия», используют в разговоре с властью один и тот же прием

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 30. Л. 92–98.

²⁴ Высылка Лежнева // Дни. Париж, 1926. 22 авг. № 1087. С. 1.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

²⁶ Там же. Л. 2.

«прямой спины», разумно предполагая, что высокопоставленный адресат почувствует стойкость пишущего, оказавшегося в безнадёжном положении.

Булгаков, написавший в 1929 г. – после снятия с репертуара московских театров пьес «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Багровый остров» – первое письмо правительству СССР, подал его «наверх»: доведенный до отчаяния писатель просит разрешить ему «выехать за границу на тот срок, который Правительство Союза найдет нужным назначить...»²⁷.

В конце марта 1930 г., незадолго до самоубийства Владимира Маяковского, Булгаков адресует советскому правительству второе письмо. Оно содержит уже не одно, а два предложения к властям, которые, как подчеркивает писатель, вольны: или приказать ему «в срочном порядке покинуть пределы СССР», или «командировать <...> в театр на работу в качестве штатного режиссера»²⁸. Как известно, в мае 1930 г., после телефонного разговора Булгакова со Сталиным, состоявшегося в апреле, писатель был принят на должность режиссера-ассистента в Московский Художественный театр.

Задача Лежнева – вернуться в СССР – не имеет развилки в решении: Исай Григорьевич демонстрирует советской власти энтузиазм профессионала, уверенного в той пользе, которую он может принести государству:

К моменту истечения трехлетнего срока моей высылки я возбудил ходатайство о выдаче мне визы на обратный въезд в СССР, но по непонятной мне причине ходатайство было отклонено. Еще до того было отклонено мое ходатайство о разрешении съездить в СССР хотя бы на один месяц для оформления договорных отношений с советскими издательствами. А месяца за полтора до истечения срока моей 3-летней высылки я был лишен возможности выполнять даже ту скромную и внештатную работу в Торгпредстве, которую вел до этого в течение двух с половиной лет. Мое предложение об организации в Берлине представительства наших издательств и раньше всего Госиздата (в связи с предстоящим заключением литературной конвенции с Германией), после принципиальной моей сговоренности с т. Халатовым было отвергнуто на том основании, что «литературно-издательская работа Лежнева в настоящих условиях признана нежелательной». Таким образом, я лишен возможности вести советскую работу и в пределах СССР и за границей. Я обращаюсь в ЦК с просьбой снять с меня все запреты, наложенные на меня в мае 1926 года и сохранив-

²⁷ Цит. по: *Булгаков М.А. Письма: Жизнеописание в документах*. М.: Современник, 1989. С. 153.

²⁸ Там же. С. 177.

шие карательную силу до настоящего времени, но в 1929 году вряд ли целесообразные в отношении меня после проделанного мною опыта заграничной жизни, и дать мне возможность участвовать в советском строительстве в меру моих сил, знаний и способностей²⁹.

Аргументы Лежнева, приводимые им в связи с его желанием вернуться в советскую Россию, основаны и на демонстрации некоторых своих слабых черт.

Предъявляя их партийному руководству, Исай Григорьевич, дабы подчеркнуть всю серьезность положения, пускается на очевидный шантаж:

«При острой моей впечатлительности и легкой подверженности ассимиляции – длительный отрыв от СССР сказывается худо. Уже сейчас, после 3-х с лишним лет отсутствия из СССР, я во многом потерял чувство реальности и начинаю видеть советскую действительность глазами как бы иностранца, т. е., лишь в общих смутных очертаниях. Между тем для литератора революционной эпохи, каким я хочу себя считать, отрыв от революционной действительности является худшим из возможных зол для его творческой работы»³⁰.

Не все члены ЦК партии были за возвращение Лежнева. Нарком юстиции Н.М. Янсон (в секретной резолюции, адресованной И.В. Сталину) предложил «разрешить Лежневу в качестве корреспондента из-за границы сотрудничать в “Известиях”» («Перо у него бойкое, почему его не использовать в таких ограниченных пределах?» – замечает Янсон³¹). Заведующий отделом агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б) А.И. Криницкий более прямолинеен: «Лежнева – не пускать в СССР»³².

На заседании Политбюро, состоявшемся 5 декабря 1929 г., Сталин принимает решение: «Разрешить Лежневу вернуться в СССР»³³.

Получив разрешение ЦК ВКП(б), бывший редактор «России» весной 1930 г. возвращается в Москву. Начинается новая жизнь: первые годы после ссылки он посвящает переосмыслению своего прошлого.

В «Личном листке по учету кадров» редакции газеты «Правда» Лежнев впоследствии отметит, что в 1930 и 1932 гг. являлся литературным сотрудником журнала «Военный вестник», а в 1932-м

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 112. Л. 6.

³⁰ Там же. Л. 7.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 30. Л. 100.

³² Там же. Л. 99, 99 об.

³³ Там же. Л. 90.

и 1935-м был «автором по договору», сотрудничал в этом качестве с «Партиздатом», а также с издательствами «Художественная литература» и «Советский писатель»³⁴, в которых в середине 1930-х гг. выйдет автобиографическая книга Исае Григорьевича «Записки современника».

Первый том «Записок...», озаглавленный «Истоки» (он же – последний, разрешение на продолжение книги-автобиографии, испрошенное лично у И.В. Сталина, Лежнев так и не получил), выдержал три издания: в 1934-м, 1935-м и 1936-м гг. (общий тираж книги составил 28 400 экземпляров)³⁵. В «Библиотеке «Огонек»» вышел фрагмент «Записок...» – глава «Юные годы»³⁶. Фрагменты «Истоков» также были опубликованы в «Новом мире»³⁷.

Текст «Записок...» – автобиография человека, пишущего о себе максимально отстраненно – подчеркнуто равнодушно. Практицизм, с которым Лежнев подходит к своей прошлой жизни, позволяет ему выступить в роли наблюдателя над собой – как над участником исторических событий. Все идеологические заблуждения и ошибки революционной практики он разделяет со своим классом – с интеллигенцией и ее известными представителями (Леонидом Андреевым, Николаем Устряловым, Анатолием Луначарским).

Личного отношения к противоречивой судьбе Исае Альтшюллера-Лежнева у автора «Записок...» как бы нет: даже воспоминания о семье, о рано ушедшей из жизни матери, о непростом характере отца выдержаны в демонстративно сухой стилистике. Так о своих «истоках» может писать человек, не имеющий «в собственности» сентиментальной привязанности к годам детства и юности.

Его личность – только зеркало для отражения коллективных задач. Нет, он не снимает с себя вины за то, что «в годы нэпа, с 1922 по 1926, редактировал “сменовеховский” журнал “Новая Россия” и обрел на том сомнительную славу “идеолога российской интеллигенции”»³⁸, но и не кается излишне.

Годы, проведенные в берлинской ссылке, помогли, как утверждает Исае Григорьевич, осознать «сменовеховские» ошибки.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 248. Л. 5.

³⁵ *Лежнев И.Г.* Записки современника. Т. 1. [М.]: ГИХЛ, 1934. 275, [2] с.; *Он же.* Записки современника. 2-е изд. Т. 1. М.: Сов. писатель, 1935. 330, [4] с.; *Он же.* Записки современника. 3-е изд., испр. Т. 1. М.: Сов. писатель, 1936. 295, [3] с.

³⁶ *Лежнев И.Г.* Юные годы: (Из «Записок современника»). М.: Журн.-газ. объединение, 1936. 64 с. (Библиотека «Огонек»)

³⁷ *Лежнев И.Г.* Записки современника. Т. 1: Истоки // Новый мир. 1934. № 1. С. 204–227; № 2. С. 186–223; № 3. С. 82–124; № 4. С. 88–141.

³⁸ *Лежнев И.Г.* Записки современника. Изд. 3-е, испр. Т. 1. С. 281.

Именно годы «ссылки» (любой опыт полезен) привели его к переосмыслению прошлого. Итог этого переосмысления таков:

Кто из старых интеллигентов искренне хочет быть продолжателем лучших традиций прошлого, тот должен раз навсегда усвоить себе, что наследование по прямой интеллигентской линии уже давно оборвалось, что все права наследования перешли к пролетариату и его партии...»³⁹

Только в начале книги воспоминания об отце – в оторочке однозначных характеристик его личности (непреклонная воля, фанатизм и доктринерский ум в сочетании с сердечной мягкостью и еврейским лиризмом, проявляемым в песнях) – выскальзывают из нелестных характеристик «диких нравов» города Николаева и описания Лежневым себя самого («буржуазный ребенок» – «цепкая обезьянка и цепкий собственник»):

Когда наступали сумерки и в столовой зажигался уже свет, отец еще долго оставался со мной в своем кабинете. Комната была большая, в шесть окон: держа меня за руку, отец медленно шагал по комнате из угла в угол, тоскуя и вспоминая мать. Затем брал меня на руки, садился на диван, мягким грудным голосом пел свои любимые песни, ласкал меня и плакал. Было мучительно видеть, как катились слезы по щекам отца, такого большого и строгого. Очень нравились мне его песни, и я тонким дискантом подпевал⁴⁰.

Спустя три года после возвращения в Москву Лежнев обращается к И.В. Сталину с письмом, прилагая к нему сигнальный экземпляр первого тома «Записок современника». Книгу он просит считать «расширенным заявлением о приеме в партию». Лежнев подчеркивает:

Я ехал в Москву убежденным коммунистом, с твердым намерением вступить в партию, многое во мне безотчетно оставалось старым. Окончательно вытряхнуть из себя и изжить остатки прошлого, переключиться и идейно, и психически на новый ритм, стать действительно новым человеком – помогла мне работа над книгой: работа над книгой – работа над самим собой⁴¹.

³⁹ *Лежнев И.Г.* Записки современника. Т. 1: Истоки... С. 213.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.

В декабре 1933 г. Лежнев принят в партию⁴²: 20 декабря решение – «принять т. Лежнева в члены ВКП(б)»⁴³ зафиксировано в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б).

Историк общественной мысли

Выход в свет «Записок современника», написанных бывшим «берлинским ссылкой», был воспринят в советской литературной среде, конечно же, неоднозначно. «Лотерейный билет», вытянутый бывшим редактором журнала «Россия» вскоре после возвращения из ссылки, казался, с точки зрения советского литератора, выигранным.

Карьерный рост Исаея Григорьевича после 1933 г. был не то чтобы стремительным, но довольно быстрым. В 1934 г. он принимает активное участие в работе первого Всесоюзного съезда советских писателей, выступая с резкой критикой в адрес Б.А. Пильняка и Б.Л. Пастернака⁴⁴. В 1935 г. Лежнев назначен заведующим отделом литературы и искусства газеты «Правда» (эту должность он будет занимать до августа 1939 г.). Такое скорое карьерное устройство, конечно же, предполагало активизацию недоброжелателей Лежнева, в первую очередь – коллег по литературно-идеологическому цеху, помнивших о «сменовеховском успехе» и последовавшей за ним опале редактора журнала «Россия».

В нашем распоряжении оказались материалы, относящиеся к биографии Лежнева середины 1930-х – периода второго издания «Записок...». Среди них – отзыв на книгу Исаея Григорьевича, написанный сотрудником Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) Федором Христофоровичем Бутенко⁴⁵, впоследствии

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 169. Д. 30. Л. 108.

⁴³ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о приеме в партию литературного деятеля И.Г. Лежнева, 20 декабря 1933 г. // Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 208.

⁴⁴ Лежнев И.Г. Речь на седьмом заседании 1-го Всесоюзного съезда советских писателей // Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: [стеногр. отчет]. М.: Художеств. лит., 1934. С. 173–178.

⁴⁵ Материалы, относящиеся к биографии И.Г. Лежнева, в 2016 г. были переданы автору этой статьи С.Д. Бобровым. Среди них три машинописных отзывы на книгу Лежнева «Записки современника» – литературоведа А.М. Лейтеса, журналиста и литературного критика, члена РАПП А.П. Селивановского и литератора, сотрудника НКВД Ф.Х. Бутенко.

ненадолго занявшим пост Временного поверенного в делах Посольства СССР в Румынии. В период чистки Сталиным (во второй половине 1930-х гг.) дипломатического и внешнеторгового советского корпуса, Бутенко, попросив в феврале 1938-го политического убежища в фашистской Италии, становится невозвращенцем.

В советской биографии Бутенко (члена ВКП(б) с 1930 г.) – защита кандидатской диссертации «Реализм Салтыкова-Щедрина» и последующее назначение ответственным редактором полного собрания сочинений автора «Истории одного города». В. Кейдан, исследователь биографии дипломата-невозвращенца, отмечает:

С 1932 года Бутенко – старший научный сотрудник, заведующий сектором классической русской литературы и ответственный редактор Гослитиздата. В 1935 году по рекомендации райкома ВКП(б) он поступает на курсы дипломатических переводчиков Народного комиссариата иностранных дел. По окончании курсов в 1937 г. его посылают на работу в качестве гида-переводчика в советский павильон на Всемирной выставке в Париже. В 1931 – 1937 годах публикует в советских журналах разгромные статьи против литераторов и критиков, отступающих от «руководящей линии партии», обличая их в левом и правом уклонизме, троцкизме. Именно ему, редактору Гослитиздата, поручают выстрелить первыми залпами в печати в писателей и литературоведов: М. Майзеля, А. Ревякина, Георгия Горбачева, Мунблита в разгромной статье «Против троцкистской контрабанды в литературоведении» [Кейдан 2010, с. 54].

Перестаравшийся в своем рвении Бутенко сам едва не стал «вычеркнутым» из жизни человеком: как утверждает В. Кейдан, от опалы его спасло заступничество «партийно-чекистского начальства» [Кейдан 2010, с. 55].

Текст отзыва Бутенко на «Записки современника» выдержан в идеологическом ключе «залпов» в печати по литературоведам-«троцкистам». Критикуя Лежнева за политические ошибки, допущенные в тексте книги, Бутенко, ссылаясь на восходящего в то время по карьерной лестнице Л.П. Берия⁴⁶, пишет:

Вину за исторический «грех» русской буржуазной интеллигенции перед революцией, за ее ренегатство автору зачем-то понадобилось взвалить на «слабость» работы большевистской партии. Выступление тов. Берия показало, как могуче было теоретическое вооружение большевизма на всем его историческом пути <...> И. Лежнев объясняет ренегатство интеллигенции в эпоху реакции, после разгрома

⁴⁶ В марте 1935 г. Л.П. Берия, первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, избран членом ЦИК и его Президиума.

революции 1905 года, тем что «разобраться» в усложнявшейся обстановке, в огромном потоке проблем без нужных знаний и опыта без достаточного руководства партии нашим теоретическим развитием было бы непосильно (с. 73). Нам думается, что это утверждение – плод грубейшего политического недомыслия, как И. Лежнева, так и издательства, выпустившего книгу⁴⁷.

В отзыве Бутенко на книгу Лежнева присутствуют не только обвинения в политических ошибках. Федор Христофорович довольно точно подмечает один из основных стилистических (смыслообразующих) приемов Исаия Григорьевича, который тот не раз применял в своих текстах.

Стремясь в изложении фактов к беспристрастности, обобщая их, Лежнев демонстрирует свою способность к «объективному» (отстраненному от личности) взгляду на события: в нем нет места привязанности к людям и к себе самому. С помощью такой «объективности» Исай Григорьевич, избавляясь от ошибок прошлого, выстраивает свою публичную биографию: его «ошибки», уравновешенные собственным, всегда декларируемым, трудолюбием и объясняемые с точки зрения коллективных «исторических заблуждений», становятся всего лишь *честными* шагами на пути служения партии и народу. Бутенко замечает: «И. Лежнев сам пытается выступить в роли историка и судьи. Вместо автобиографической повести, которая могла бы завоевать читателя своей непосредственностью, искренностью и своеобразием материала – перед нами разворачивается суховатое публицистическое исследование. Выступив на первых страницах книги как рассказчик-мемуарист, И. Лежнев переходит вдруг на позицию историка общественной мысли»⁴⁸.

Были ли еще пересечения двух биографий – Лежнева и будущего невозвращенца Бутенко? Вряд ли. В 1938 г. Бутенко начинает в Италии новую жизнь – «русского патриота» и борца с «жидовским раздольем»: теперь он выступает в роли обличителя преступлений Сталина. В 1938 г. в Германии выходит его брошюра «Разоблачение Москвы»⁴⁹, в которой, как отмечает В. Кайдан, «впервые описан голодомор» [Кейдан 2010, с. 55].

⁴⁷ *Бутенко Ф.Х.* Записки современника: (к обсуждению книги И. Лежнева в Ин-туте НКВД): [машинопись, предположительно – 1935 г., 4 с., на с. 1 – автограф, предположительно – рукой И.Г. Лежнева]. С. 3–4. *Из архива М.В. Мишуровской.*

⁴⁸ Там же. С. 3.

⁴⁹ *Butenko Th.* Enthüllungen über Moskau / Hrsg. V. d. “Antikomintern”. Aus d. Russ. übertr. V.Th. Adamheit. Berlin; Leipzig: Nibelungen-Verl., 1938. 47 S.

Лежнев, став литературным функционером во время набирающей силу антитроцкистской кампании, напротив, становится активным защитником «русского народа». На страницах газеты «Правда»⁵⁰ он борется с «фашистскими бандитами» и «ползучими гадами» – героями «антисоветского троцкистского центра», подсудимыми Второго московского процесса: Я.Н. Дробнисом, Г.Л. Пятаковым, К.Б. Радеком, Г.Я. Сокольниковым и др. Исай Григорьевич отождествляет «троцкистов» с героем романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» Смердяковым, заметившим своей веснушчатой невесте: «Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна...»

Украинский вопрос также встает в его обличительных корреспонденциях – в связи с высказываниями Л.Д. Троцкого об Украине. Лежнев бьет по врагу примерами из классики:

Войдя во вкус, лакей Смердяков прибавляет: «Русский народ надо пороть-с...». Разве далеко от этого ушел Троцкий, который в своем грязном листке⁵¹, издающемся в Париже, пишет: «Границы СССР... не имеют даже национального оправдания. Украинский народ, – чтоб взять один из многих примеров, – разрезан государственной границей пополам...»⁵²

По-видимому, единственно в целях «национального оправдания» Троцкий и решил «уступить» Германии Советскую Украину, о чем договорился с Гессом. Ежели украинский народ «разрезан государственной границей пополам», то стоит ли, мол, нам держаться какой-то там презренной половинки; уступим им, – тогда у «умной нации» будет целая Украина⁵³.

Об основном посыле «Записок...» Лежнева, адресованных вождю и партии, довольно точно высказался литературовед Александр Михайлович Лейтес: «...книга Лежнева – это не столько автобиография и не столько памфлет, сколько роман об идеологии. <...> И. Лежнев мог бы сказать о себе словами Гейне, что он долго

⁵⁰ *Лежнев И.Г.* Смердяковы // Правда. 1937. 25 янв. № 24. С. 6–7.

⁵¹ «Грязный листок, издающийся в Париже» – «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)», издававшийся с 1929 по 1941 гг. В октябре 1936 г. редакцией «Бюллетеня...» был подготовлен «Специальный номер о Московском процессе» (№ 52/53).

⁵² См.: *Троцкий Л.Д.* Заявления и откровения Сталина : внешняя политика // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). Париж, 1936. № 49. С. 2.

⁵³ *Лежнев И.Г.* Смердяковы... С. 6.

шатался по разным “танцклассам философии”, предавался многим оргиям ума, прежде чем открыл для себя величайших мыслителей человечества – Маркса–Ленина–Сталина»⁵⁴.

(Окончание следует)

Литература

- Белобровцева 2011 – *Белобровцева И.З.* Дачник поневоле: эстонский эпизод в жизни И.Г. Лежнева // *Топография культуры: деятели русской культуры – дачники в Эстонии* / Меймре А., Белобровцева И.З. и др. М.: Флинта; Наука. 2011. С. 77–88.
- Кейдан 2010 – *Кейдан В.* Выбор Федора Бутенко: судьба интеллектуала-невозвращенца в эпоху тоталитаризма // *Запад – Восток: науч.-практический ежегодник*. Йошкар-Ола, 2010. № 3. С. 50–62.

References

- Belobrovceva, I.Z. (2011), “Summer resident perforce. An Estonian episode in the life of I. G. Lezhnev”, in Mejmre A., Belobrovceva I.Z. i drugie, *Topografiya kul'tury: deyateli russkoj kul'tury – dachniki v Estonii* [Topography of culture. Figures of the Russian culture-cottagers in Estonia], Flinta; Nauka, Moscow, Russia, pp. 77–88.
- Kejdan, V. (2010), “The choice of Fyodor Butenko. The fate of an intellectual non-returnee in the era of totalitarianism”, in *Zapad – Vostok: nauchno-prakticheskii ezhegodnik* [West-East. Scientific and practical yearbook], vol. 3, Joshkar-Ola, Respublika Marij El, Russia, pp. 50–62.

Информация об авторе

Мария В. Мишуровская, Российская государственная библиотека искусств, Москва, Россия; 107031, Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 8/1, onb@liart.ru

Information about the author

Maria V. Mishurovskaya, Russian State Art Library, Moscow, Russia; bld. 8/1, Bolshaya Dmitrovka Str., Moscow, Russia, 107031; onb@liart.ru

⁵⁴ *Лейтес А.М.* «Записки современника» Исаея Лежнева: [машинопись, предположительно – 1935 г.]. С. 5–7. Из архива М.В. Мишуровской.

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-105-120

Австрийские и венгерские исследователи XIX–XX вв.: вклад в изучение истории и архивов Османской империи

Ахмед К. Чапанов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ahmed.targimov@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется роль австрийских и венгерских исследователей XIX–XX вв. в изучении истории Османской империи. Отмечается, что самые ранние публикации османских документов были осуществлены еще в первой половине XIX в. Значительный вклад в выявление и использование архивных документов в этот период внесли ориенталисты Й. фон Хаммер-Пургшталь, А. Гевай, А. Вамбери.

К раскрытию содержания некоторых османских архивов и систематизации документов турецкие ученые приступили в первой половине XX в. при активном содействии ряда европейских востоковедов И. Карачон, П. Виттек и Л. Фекете. В результате деятельности перечисленных исследователей наступает новый этап в изучении османской истории, дипломатики и палеографии, а также в развитии архивного дела Турции.

В статье автор приходит к выводу, что публикация османских документов, которые содержат ценные сведения о социально-экономической и политической жизни всех населявших империю народов, способствовала дальнейшему научному интересу и анализу османских документов. Проведенные австро-венгерскими учеными исследования показали, что в архивах Турции хранятся большое количество ценных материалов, которые имеют важное значение для изучения истории турецкого народа, народов арабских стран, Балканского полуострова, Ирана, Кавказа и Закавказья и всех стран, которые находились под властью Османской Империи.

Ключевые слова: Хаммер-Пургшталь, Карачон, Фекете, османские архивы, Турция, Османское историческое общество, Венгрия

Для цитирования: Чапанов А.К. Австрийские и венгерские исследователи XIX–XX вв.: вклад в изучение истории и архивов Османской империи // История и архивы. 2021. № 1. С. 105–120. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-105-120

Austrian and Hungarian researchers of the 19th – 20th centuries. Their contribution to the study of the history and archives of the Ottoman Empire

Akhmed K. Chapanov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ahmed.targimov@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the role of Austrian and Hungarian researchers of the 19th – 20th centuries in studying the history of the Ottoman Empire. It is noted that the earliest publications of the Ottoman documents were made in the first half of the 19th century. The orientalist J. von Hammer-Purgstall, A. Geway and A. Vambery made a significant contribution to the search for and use of archival documents during this period.

In the first half of the 20th century, the Turkish scientists, with the active assistance of several European Orientalists, such as I. Karachon, P. Wittek and L. Fekete, began to reveal the contents of some Ottoman archives and systematize the documents. As a result of the activities of these researchers, a new stage was set in the study of the Ottoman history, diplomacy, and paleography, as well as in the development of archives administration in Turkey.

The author concludes that the publication of the Ottoman documents, which contain valuable information about the socio-economic and political life of all the peoples of the Empire, contributed to the further scientific interest and analysis of the Ottoman documents. The studies conducted by the Austro-Hungarian scientists revealed that the archives of Turkey contain a large number of valuable materials that are important for studies in the history of the Turkish people and the peoples of the Arab countries, the Balkans, Iran, the Caucasus and all the countries that were under the Ottoman rule.

Keywords: Hammer-Purgstall, Karacson, Fekete, Ottoman archives, Turkey, Ottoman historical society, Hungary

For citation: Chapanov, A.K. (2021), "Austrian and Hungarian researchers of the 19th – 20th centuries. Their contribution to the study of the history and archives of the Ottoman Empire", *History and Archives*, no. 1, pp. 105–120, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-105-120

Введение

Самые ранние публикации османских документов появились за рубежом в XIX в. в Германии, Австрии и Венгрии, хотя история изучения Востока началась намного раньше. Они затрагивали вопросы социально-экономического и политического строя, внешней политики и торговых отношений Османской империи.

Следует отметить, что сегодня богатейшие коллекции архивных документов хранятся в Османском архиве при Президенте Турецкой Республики и Архиве дворца Топкапы в Стамбуле. Однако некоторые европейские страны обладают значительными коллекциями документов по ориенталистике. Они включают в себя архивные материалы, полученные в качестве трофеев с завоеванных османских территорий (например, архивы Осман-паши, попавшие в Карлсруэ после 1683 г. [Reychman, Zajackowski 1968, p. 74] и коллекция Марсилы [Molnar 2014, pp. 35–54; Pistoso 2020], которую привезли в Болонью после завоевания Буды в 1686 г.).

Также европейские архивы содержат коллекции ориентальных документов, накопленных в результате связей со странами Востока. В частности большое количество источников такого характера находится в архивах Австрии и Венгрии. Государственный архив в Вене обладает турецкими документами XVI–XVII вв., в основном дипломатического характера. В Государственном архиве Венгрии хранится около 4 тыс. турецких документов, относящихся к XVI–XVII вв. Эти источники представляют собой документы внутренней политики Османской империи, а также материалы администрации на венгерских территориях. Имеется много материалов по истории Османской империи в Национальной библиотеке Венгрии. Кроме того, в Будапеште хранятся и другие коллекции, содержащие важные документы, характеризующие турецко-венгерские отношения (например, коллекции семей Эстерхази и Зичи) [Reychman, Zajackowski 1968, p. 74]. К сожалению, многие документы османского периода уничтожены во время мировых войн.

Турецкие архивные коллекции пострадали не только от войн, пожаров и стихийных бедствий, но и от влажности в помещениях и отсутствия должного ухода. Хотя еще в середине XIX в. было построено по европейскому образцу специальное здание для архивов «Хазине-и Еврак» (Сокровищница документов), значительная часть рукописных коллекций долгое время оставалась разбросанной по ведомствам, мечетям и частным собраниям. Распыленность рукописных материалов, отсутствие их централизованного учета и охраны способствовали тому, что часть турецких документов была уничтожена, продана и вывезена за пределы страны, где они рас-

пределились по различным архивам и библиотекам европейских государств. Так, существенная часть из них оказалась в архивах Болгарии, Греции после освобождения этих стран от турецкого господства¹. Есть также коллекции, состоящие из остатков архивов, созданных во времена господства турок-османов, впоследствии они были переданы их государствам-правопреемникам (например, Болгарии и Боснии и Герцеговине).

Как в архивах Турции, так и в архивах европейских стран представлено множество источников, содержащих разнообразнейшие данные по истории Османской империи. Однако сегодня историкам, занимающимся изучением истории турецкого народа, сложно продвигаться вперед без научного анализа уже опубликованных материалов и освоения нового документального наследия.

Наиболее существенную роль в изучении архивов и истории Османской империи сыграли историки Австрии и Венгрии. Большое влияние на работы исследователей в данной области оказали публикации турецких документов и труды по османской истории, палеографии и дипломатике, в частности Й. фон Хаммер-Пургшталь, А. Гевая, А. Вамбери, Ф. Крейлица-Грайфенхорста, П. Виттека, И. Карачон и Л. Фекете.

История Османской империи в фокусе австро-венгерских ориенталистов XIX в.

Первые исследователи-востоковеды Австрии и Венгрии, Й. Хаммер-Пургшталь (1774–1856) и А. Гевай (1797–1845) были государственными служащими. Они привлекали в своих научных трудах документы, отложившиеся в европейских архивах. В исследованиях австрийских и венгерских ориенталистов XIX в. акцентируется внимание на государственных деятелях XVI и XVII вв., тесно связанных с событиями, происходившими в Османской Венгрии.

Й. фон Хаммер-Пургшталь работал секретарем и переводчиком австрийского посольства в Стамбуле и совершал поездки в Османскую империю. В его функции как служащего Министерства иностранных дел входили обработка и перевод османских письменных документов. Во время пребывания в Турции и Египте с 1799 по 1807 гг., на основе собранных данных и проведенных наблюдений, он опубликовал материалы о ранних отношениях Высокой Порты с другими странами.

¹ Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв.: документы и материалы // Сост., пер. и коммент. А.С. Тверитиновой. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 6.

Значительной заслугой Хаммера-Пургштала является совместное издание с польским востоковедом В. Жевуским в Вене первого международного журнала по ориенталистике «Копи Востока» (1809–1818) [Васильева 2014, с. 114]. Хаммер-Пургшталь стал одним из первых западных историков, подробно изучившим архивные источники по османистике. Им широко привлекались документы из европейских архивов, однако он не был знаком с османскими архивными документами и не использовал их. Опубликованная на немецком языке его 10-томная «История Османской империи» (1827–1835 гг., Пешт) позже переведена на французский и турецкий. Примечательно, что первое издание посвящено российскому императору Николаю I. Работа охватывает период с основания Османской империи до Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. и считается первым современным анализом о государственном устройстве империи османов. Благодаря обилию новых сведений, введенных в научный оборот, труд, основанный на многочисленных европейских, арабских, персидских и турецких источниках, по сей день не утратил своей ценности, хотя имеет некоторые серьезные неточности [Курова 2018, с. 142]. Он стал первым исследователем и публикатором географических заметок известного турецкого путешественника XVII в. Эвлии Челеби «Книги путешествия». С именем Й. Хаммер-Пургштала связано и сочинение по географии Катиба Челеби «Джихан-нума» (Зерцало мира), часть которого он перевел и издал. [Монфокон 2017, с. 499]. Его научная и публикационная деятельность внесла большой вклад в познание истории и культуры Востока.

Наряду с Австрией, Венгрия стала одной из первых стран, признавших необходимость публикации источников по Востоку. Это продиктовано большим количеством документов в архивах Турции, имеющих отношение к истории Османской Венгрии. Уже в первой половине XIX в. член Венгерской академии наук и главный архивист Династического, дворцового и государственного архива в Вене Антадь Гевай работал с турецкими источниками. Его целью было исследование менее известной на тот период истории Венгрии под властью Турции, с помощью дипломатических документов и мемуаров посольств. В результате проведенных исследований, он сделал ряд публикаций и издал сборник договоров 1625–1627 гг., который включал турецкие тексты. Среди них: «Статьи Сеньского мирного договора² от 13 сентября 1627 г.» на латинском, венгерском и турецком языках. Несколько турецких документов по истории Венгрии и Трансильвании были опубликованы на венгерском

² Договор между Австрией и Османской империей, подписанный Фердинандом II и Мурадом IV.

языке. В начале 1830-х гг. Гевай провел сравнительный анализ персидского, турецкого и венгерского языков [Reychman, Zajackowski 1968, p. 77]. В 1941 г. в Вене выходит его сборник «Паши Буды», в котором представлены краткие биографии всех османских пашей во время Будинского пашалыка с 1541 г. по 1686 г. Они основаны на депешах габсбургских послов в Стамбуле и достоверных османских хрониках XVII в. [David, Fodor 2002, p. 325]. Личные документы А. Гевая и собранные им материалы сегодня хранятся в Национальной библиотеке им. Сеченьи.

Соотечественник Гевая, историк и востоковед Арминий Вамбери (1832–1913) в 1857 г. при поддержке политического деятеля и писателя Йожефа Этвёша отправился в Стамбул. Во время своего четырехлетнего пребывания он опубликовал ряд исследований в научных журналах по историческим аспектам венгров на основе турецких источников, а также освоил различные восточные диалекты. Вамбери посетил местные библиотеки, где сосредоточился на турецких исторических произведениях, и особенно на их частях, относящихся к Венгрии. Стамбульский период является наиболее важной вехой в его научной карьере. В 1858 г. опубликована первая значимая работа Вамбери – Немецко-турецкий словарь.

В Константинополе во время своего первого восточного путешествия А. Вамбери активно сотрудничал с коллекционером Даниэлом Силады (1830–1885). Тот эмигрировал в Османскую империю с Лайошем Кошутом, лидером Венгерской революции 1848–1849 гг., и оставался там до своей смерти. В 1850-х гг. в Стамбуле он приобрел книжный магазин редких восточных гравюр и рукописей, который сыграл значительную роль в научных изысканиях не только для турецких интеллектуалов-реформаторов, но и для венгерских востоковедов. Также во время пребывания в Константинополе Силади обнаружил остатки библиотеки Корвина, так называемую Корвиниану – собрание книг венгерского короля Матьяша I, захваченное турецкими войсками в 1526 г. и хранившееся в библиотеке султана. Он сыграл важную роль в возвращении турецким правительством этой библиотеки в Венгрию. Кроме того, на протяжении многих лет Силади активно трудился, чтобы составить устную историю Венгрии, собрав бесценные сведения. Его богатейшая коллекция, которая содержала более 500 рукописей, была куплена при содействии Вамбери Венгерской академией наук после его смерти в 1886 г.³

³ Armin Vambery (1832 1913) – orientalist in dervish clothes [Электронный ресурс]. URL: <http://vambery.mtak.hu/en/14.htm> (дата обращения 20 июня 2020).

Важным событием пребывания А. Вамбери в Стамбуле явилось обнаружение в 1860 г. единственной известной копии венгерской хроники первой половины XVI в. на османо-турецком языке *Tarih-i Ungürüs* (История Венгрии), которая была передана им в дар Академии. Корни «Истории Венгрии» уходит еще глубже. После захвата османами королевской библиотеки Секешфехервара в 1543 г., обнаруженная в ней рукопись конца XV в. на латыни по истории венгров Яноша Турочи, перевел придворный историк султана Сулеймана Великолепного, ренегат Махмуд Терджюман.

Вамбери также перевел некоторые части из коллекции исторических документов XV–XVI вв. государственного деятеля Ахмед-бея Феридуна, труд которого издан в двух томах в 1858 г. в Стамбуле под названием «Письма султанов» [Мустакимов 2015, с. 98]. Часть его документального наследия хранится сегодня в Восточном собрании Библиотеки Венгерской академии наук и Нью-Йоркской Публичной библиотеке.

Австрийские и венгерские исследователи XX в. и их работа в архивах Турции

В начале XX в. в самой Турции шла серьезная работа по систематизации турецких документов и выработке научной методики их издания. В этот период мероприятия по организации архивов стали носить научный характер. Глава Османского исторического общества хронист Абдурахман Шереф-бей (1853–1925) начал проводить исследования в архивных хранилищах султанского дворца Топкапы. Для описания древних актов была организована специальная комиссия в составе десяти человек. Кроме того, ему поручили составить каталоги и описи документов из этих хранилищ [Васильев 2010, с. 35–37].

Другие турецкие историки первой половины XX в. М. Ариф, А. Рефик, положившие начало разработке и публикации турецких архивных документов в первой четверти XX в., не владели в достаточной степени методами научной текстологии и археографии. Они не сопровождали свои издания источниковедческой характеристикой публикуемых ими коллекций и критическим анализом текста⁴. В этой области, турецкие историки вынуждены были прибегнуть к помощи иностранных специалистов.

Работавшие с османскими источниками европейские ученые попытались представить информацию, которая содержится в документах, в контексте исторической культуры эпохи. Сосредоточение

⁴ Аграрный строй... М., 1963. С. 10.

внимания на самом документе, критика исторического источника, проведение внутреннего и внешнего анализа документа – это важнейшие черты в развитии молодых дисциплин – ориентальной палеографии и дипломатики.

Весьма интересно, что европейские тюркологи и востоковеды значение турецких исторических источников, оценили раньше, чем турецкие историки. Такое развитие событий вызвано тем, что в начале XX в. достижения ученых, как Ф. Крейлиц-Грайфенхорст, П. Виттек, и особенно И. Карачон, Л. Фекете, имели большое значение для становления и развития архивного дела Турции. Их труды явились началом нового этапа научных исследований по ориенталистике. Во время государственных командировок они имели возможность собрать значительные османские манускрипты.

Так, австрийский историк Фридрих Крейлиц-Грайфенхорст (1876–1932) весной 1911 г. отправился в Стамбул, чтобы найти и опубликовать некоторые важные турецкие письменные источники. Здесь он обработал документы, датируемые второй половиной XV в.

Уже в 1921 г. Крейлиц-Грайфенхорст вместе с П. Виттеком основал первое европейское периодическое издание по тюркологии «Сообщения об Османской империи» для публикации исследований по турецкой истории. Большого внимания заслуживает его труд об османском султane Мехмеде II Завоевателе, опубликованный в первом выпуске журнала. Однако из-за неблагоприятных условий удалось издать только два номера.

Работы Крейлица по дипломатике содержат большое количество документов по истории раннего османского государства. Они являются новаторскими в то время и остаются актуальными до сих пор. Крейлиц-Грайфенхорст известен своим тщательным анализом османских документов. В своей работе он делал перевод, анализ текста, комментарии к тексту, с учетом форм и особенностей документов. Им были введены новые методы публикации восточных рукописей, изучения и анализа османских архивных документов [Köhbach 1979, pp. 14–16]. В 1922 г. в Вене вышла его работа «Османские документы на турецком языке во второй половине XV в. Вклад в османскую дипломатику». В основе его труда лежит сборник османских документов, прежде составлявший часть архива Дубровницкой республики (Рагуза) и в 30-х гг. XIX столетия переданный в Династический, дворцовый и государственный архив. В сборнике также представлен факсимильный текст и комментированный перевод 24 султанских ферманов (указов) второй половины XV в. [Дмитриев 1927, с. 221–225].

Ученик Крейлица Пауль Виттек с 1924 по 1934 гг. работал в Германском археологическом институте в Стамбуле, где изучал

раннюю османскую эпиграфику. В те годы он имел возможность исследовать древнейшие источники османской истории.

Виттек отличается не столько плодovitостью, сколько новаторскими и революционными исследованиями. За свою жизнь, он опубликовал только две небольшие книги, одна из которых посвящена истории ранней Османской империи⁵. В своей работе Виттек наряду с турецким историком Ф. Копрулу предложил быстро завоевавшую признание тезис «гази-государства» – историографическую концепцию, используемую для объяснения роста Османской империи благодаря воинам «гази», ведущих непрерывную войну с неверующими. Теория «гази» в последние десятилетия подверглась решительной критике⁶. Но в данной работе, а также в многочисленных статьях, Виттек заложил основу для дальнейшего изучения периода зарождения Османской империи. Именно его ранний интерес к архивам побудил не только его учеников, но и других исследователей в Турции и за ее пределами использовать их, как только они стали доступны для научных исследований после Второй мировой войны. Вместе с турецкими историками он привлек внимание широкой общественности к продаже архивов Болгарии и другим европейским странам в качестве макулатуры, указав на серьезную угрозу утраты историко-культурного наследия страны. Кампанию по продаже архивных документов, а также состав архива дворца Топкапы, П. Виттек описывает в статье «Архивы Турции», опубликованной в 1938 г. на страницах французско-бельгийского журнала «Византион»⁷.

Из венгерских исследователей, важные шаги в изучении турецких архивных документов сделал востоковед Имре Карачон (1863–1911) и специалист в области османской истории, палеографии и дипломатики Лайош Фекете (1891–1969). И. Карачон являлся одним из первых зарубежных исследователей, который не использовал материалы, хранящиеся в европейских архивах, но работал в турецких архивах и библиотеках мечетей в первом десятилетии XX в.

И. Карачон родился 19 февраля 1863 г. в деревне Апакаторна недалеко от г. Веспрем. Получив среднее образование, он начал

⁵ Wittek P. The Rise of the Ottoman Empire: Studies in the History of Turkey, 13th – 15th Centuries. London: Royal Asiatic Society, 1938.

⁶ См.: Lindner R. Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia. Bloomington, 1983. P. 1–43; Kafadar C. Between Two Worlds: The Construction of the Ottoman State. Berkeley, CA: University of California Press, 1995; Lowry H. The Nature of the Early Ottoman State. Albany: SUNY Press, 2003; Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. М., 2005.

⁷ Wittek P. Les archives de Turquie // Byzantion. 1938. Т. 13. P. 691–699.

изучать католическую религию и получил сан священника в 1885 г. Уже во время учебы в университете его интересовали вопросы лингвистики, в частности родства венгерского и турецкого языков. В 1888 г. он стал доктором богословия в Будапештском университете. Для изучения и совершенствования знаний по восточным языкам Карачон дважды путешествовал по Балканам и Малой Азии. Здесь его навыки турецкого языка значительно улучшились.

В 1902 г. он начал по просьбе Исторического общества Венгерской академии наук перевод на венгерский язык частей, касающиеся Венгрии «Книги путешествия» Э. Челеби. Они были переведены с 1904 по 1908 гг. [Титце 1986, с. 249].

Проявляя большой интерес к османскому периоду венгерской истории, Карачон в 1902 г. отправился в Стамбул, первоначально для изучения документов, относящихся к эмиграции политического деятеля и руководителя антигабсбургской освободительной войны венгерского народа в 1703–1711 гг. Ференца Ракоци II (1676–1735). Османские материалы по истории данного периода были опубликованы в Будапеште в 1911 г. на венгерском языке под названием «Турецкие документы по эмиграции Ракоци (1717–1803)». Позже он совершил еще несколько поездок в Турцию для изучения турецкого языка и литературы. К этому времени он уже хорошо знал язык, который необходим для работы в турецких архивах. Карачон завязал дружеские отношения с местными учеными, среди которых историки Али Эмири, Наджиб Асим, Ахмед Джевдет.

В начале XX в. Венгерская Академия наук начала активное изучение венгерской истории османской эпохи. В 1904 г. султан Хамид II официально дал венгерским ученым разрешение на исследования. Карачон один из первых иностранных ученых, получивший возможность работать в османских архивах. Благодаря инициативе и поддержке посольства Австро-Венгрии, его деятельность в архивах стала более эффективной. В 1907 г. Карачон отправился в турецкую столицу по поручению венгерского епископа г. Дьер Миклоша Сечени и под руководством официальной комиссии проводил исследования в нескольких архивах Стамбула. В тот же год он первым среди западных исследователей получил специальное разрешение султана, на доступ к архиву дворца Топкапы. В его руки попала рукопись с автографом трансильванского венгра, мусульманского первопечатника Ибрагима Мутеферрика, известная как Рисале-и Исламийе (Трактат об исламе). Рукопись послужила отправной точкой для его научных работ о Мутефферике, первый из которых опубликован в выпусках издания «Османского исторического общества» в 1911 г., членом которого также был Карачон. Ему также принадлежит одна из первых научных публикаций по описанию турецких архивов. В 1907 г. в венгерском журнале «Сазадок»

(Века) вышла небольшая статья под названием «Турецкие архивы», где кратко описана история и состав османских архивов⁸. Результаты его исследовательской деятельности публиковались в сборниках «Турецко-венгерский архив (1533–1789)», 1914, «Турецкие историографы», 1916 и др.

Значительную часть Карачон работал в архивах дворца Топкапы и в Канцелярии Высокой Порты. И. Карачону приходилось работать в абсолютно неблагоприятных условиях: зимой он переписывал трудночитаемые документы в неотапливаемых комнатах. Однако эти обстоятельства не помешали ему найти тысячи документов в материалах турецкого правительства, среди которых финансовые документы, принадлежащие венгерской истории османской эпохи. Владение многими языками, хорошее знание тюркской истории, культуры и литературы помогали Карачону в изучении и анализе сложных документов⁹.

В его исследованиях и публикациях заинтересовались турецкие историки. Во время перехода к новым правилам в архивах опыт Карачона оказался полезен турецким коллегам. Члены Османского исторического общества начали использовать его.

Другой венгерский историк, Лайош Фекете, родился в г. Тардошбанья 12 июня 1891 г. В 1914 г. после окончания Католического университета им. Петера Пазмания получил диплом учителя истории и латыни. Во время Первой мировой войны Фекете попал в плен на Восточном фронте, откуда отправлен в военный лагерь возле Красноярска. Здесь пленник познакомился с османскими офицерами и начал учить турецкий язык. После освобождения в 1920 г., он начал профессионально изучать османско-турецкую филологию в Будапеште, Вене и Берлине, а также арабский и персидский языки. С этого периода Л. Фекете работает сотрудником, позже главным архивистом в Венгерском национальном архиве и вскоре становится экспертом в истории Османской империи, всемирно признанным авторитетом в османско-персидской палеографии и дипломатике. Фекете также занимался вопросами лингвистики, в основном изучая турецкие топонимы, личные имена и турецкие заимствования в венгерском языке.

Л. Фекете систематически собирал и обрабатывал документы, относящиеся к эпохе 150-летнего турецкого владычества Венгрии. Во время пребывания в Стамбуле он изучал документы из Османского архива. На основе найденных материалов Фекете издал значительные работы: «Введение в османскую дипломатику в период турецкой

⁸ Karacson I. Török levéltárak // Századok, 1907. P. 763.

⁹ Karacson Imre [Электронный ресурс]. URL: <http://mutferrika.mtak.hu/en/karacson.htm> (дата обращения 15 июня 2020).

оккупации» (1926), «Будапешт в период Османской империи» (1944), «Султан Сулейман Великолепный» (1967). С 1924 по 1936 гг. Фекете также публиковал статьи и отчеты на страницах венгерского журнала «Архивные сообщения». В 1927–1928 гг. в ходе изучения материалов различных зарубежных архивов (в основном из Берлина, Дрездена, Венеции), он составил базовый справочник для изучения самых трудных для чтения типов турецкого почерка. Итогом стало издание нескольких крупных публикаций документов, посвященных различным формам и стилям староосманской письменности, среди которых трудный для расшифровки шрифт *Sîāqat* (сиякат-шрифт).

Дважды, в 1937 и 1939 гг., по приглашению правительства Турции он участвовал в консультативных работах по организации архивов в Стамбуле и Анкаре и читал лекции о принципах и методах архивной деятельности. Во время пребывания в 1937 г. в Стамбуле Фекете предложил современные методы каталогизации и систематизацию архивных материалов по принципу происхождения, т. е. по исторически сложившимся комплексам. Здесь им были обнаружены документы, принадлежащие к архивам семьи Эстерхази. Среди них финансовые материалы, относящиеся к Венгрии, Балканам, Сирии и Египту. Они состоят из провинциальных кадастровых записей, налоговых отчетов, казначейских записей и сведений о феодальных владениях, так называемых тимаров¹⁰. Отмеченные материалы помогают составить и проанализировать историю венгерского народа в период турецкого владычества. Из своих поездок, которые включали период деятельности в стамбульских архивах, он привез ценные микрофильмы. В течение последующих десятилетий Фекете пытался собрать все сохранившиеся архивные записи, относящиеся к османскому финансовому реестру Буды, чтобы впоследствии реконструировать его функционирование. В своих научных трудах ученый подчеркивал одну из важных характеристик османского владычества в Венгрии – низкий уровень интеграции и ассимиляции османами местного населения [David, Fodor 2002, p. 309].

С 1954 г. Фекете стал почетным членом Турецкого исторического общества. Его сочинения являются серьезными трудами в области турецкой палеографии и архивистики, значительно углубляют изучение экономической и социальной истории турецкого народа и других народов, проживавших на территории Османской империи. Чрезвычайно ценным является его вклад в архивистику Турции. Он считал, что навыки и знания, полученные с помощью опыта и усилий и необходимые для расшифровки

¹⁰ *Bodrogligeti A. Fekete Lajos* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/fekete-lajos> (дата обращения 22 июня 2020).

трудночитаемых рукописей, могут быть переданы студентам только при условии постоянного совместного участия с ними в практических исследованиях¹¹.

Продолжая научные и исследовательские традиции Фекете, его ученик Дьюла Калди-Надь (1927–2011) составил самую полную биографию султана Сулеймана I. В своих публикациях, созданных на основе полученных в 1960-х и 1970-х гг. из Стамбула микрофильмированных архивных копий большого количества османских документов, он поднимал проблемы ранней военной организации османской эпохи [David, Fodor 2002, p. 326–327].

Уже в середине XX в. возросло внимание турецких ученых к архивным документам. В изданиях Турецкого исторического общества появился ряд публикаций, в которых отмечалась важность работы по учету, упорядочению и систематизации архивных материалов. Эта деятельность была выделена тогда в качестве одной из важнейших задач турецких архивистов. Однако научная система издания документов по-прежнему оставалась неэффективной. Так, тексты документов переводились на современную турецкую транскрипцию и далеко не всегда сопровождались публикацией факсимиле¹². В итоге исследователь воспринимал документы глазами издателя и лишался возможности видеть оригинал текстов.

Среди ученых, которые работали во второй половине XX в. с турецкими источниками, можно выделить Дьёрдя Хазаи (1932–2016), исследовательские интересы которого охватывали историю тюркоязычных народов. В ходе многочисленных публикаций источников по истории староосманского языка Д. Хазаи выдвинул лингвистический метод анализа османо-турецких исторических памятников. Другим значительным достижением стало создание библиографии тюркологии. С 1960-х гг. он работал над критическим переводом обнаруженной еще в XIX в. А. Вамбери «Истории Венгрии». Итогом явилось издание в 1996 г. книги «Венгерская хроника придворного Сулеймана Великого» [Karman 2015, pp. 5–7]. Кроме того, Хазаи был основателем «Ежегодного тюркологического журнала» и редактором издания “Archivum Ottomanum” (Архивы Османской империи), инициатором создания которого считается *Тибор Халаши Кун* (1914–1991), в свою очередь открывший множество средневековых османских источников в архивах Стамбула.

Необходимо отметить, что в XIX–XX вв. в науку введен обширный историко-документальный материал по истории Османского государства, который позволяет специалистам более глубоко

¹¹ Там же.

¹² Аграрный строй... М., 1963. С. 11.

и основательно исследовать многие вопросы по данной теме. Предстоит еще значительная работа по изучению и анализу колоссального объема архивных документов в Турции.

Заключение

Еще в XIX в. история Османской империи стала объектом для изучения со стороны многих европейских исследователей. Наиболее плодотворную деятельность вели Й. Хаммер-Пургшталь, А. Гевай и А. Вамбери. Они, не имея возможности проводить исследовательскую деятельность в османских архивах, привлекали в своих публикациях документы, отложившиеся в европейских архивах.

В начале XX в. Турция была единственным мусульманским государством, которое попыталось реорганизовать архивное дело по европейским образцам. При всем разнообразии методов и подходов к классификации и каталогизации архивных материалов, в 1920-х гг. предприняты попытки применить единую методику работы с архивными материалами. Турецким архивистам помогли европейские коллеги, в частности австрийские и венгерские исследователи И. Карачон, Л. Фекете, Ф. Крейлиц-Грайфенхорст, П. Виттек. Публикации турецких архивных документов постепенно стали привлекать внимание все более широкого круга специалистов. Тогда же, когда содержание турецких архивов начали систематизировать, а архивы открылись для общественности, наступил поворотный момент в истории изучения османо-турецкой дипломатики.

В начале XX в. историк И. Карачон приложил значительные усилия к тому, чтобы изучить архивные фонды дворца Топкапы. С 1902 г. вплоть до своей смерти он изучал турецкие архивы Стамбула. Также Фекете дважды, в 1937 и 1939 гг., по приглашению правительства Турции участвовал в консультативных работах в архивах Стамбула и Анкары. Результатом их деятельности стала публикация значительных данных о содержании этих архивов и издание первых каталогов и справочников. В целом австрийские и венгерские исследователи, несомненно, внесли существенный вклад как в изучение османской истории, так и в становление и развитие архивного дела Турции.

Литература

Васильев 2010 – *Васильев А.Д.* Хранение документов и архивное дело в Османской империи // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 5. С. 35–48.

- Васильева 2014 – *Васильева О.В.* «Ex Bibliotheca Orientali Wenceslai Severini Comititis Rzewuski»: Что? Где? Сколько? // *Bibliotheca Nostra*. Slaski Kwartalnik Naukowy. 2014. № 4 (38). С. 113–129.
- Дмитриев 1927 – *Дмитриев Н.К.* Dr. Fr. Kraelitz Osmanische Urkunden in türkischer Sprache aus der 2-ten Hälfte des 15 Jahrhunderts. Ein Beitrag zur osmanischen Diplomatie. Wien, 1922 // *Записки коллегии востоковедов*. М., 1927. Т. 2. С. 221–225.
- Курова 2018 – *Курова О.Н.* Йозеф фон Хаммер-Пургшталь как историк-османист (по материалам фондов Библиотеки Российской академии наук) // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 1 (172). С. 142–149.
- Монфокон 2017 – Монфокон: Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. Вып. 4 / Отв. ред. Б.Л. Фонкич. М.: Языки славянской культуры, 2017. 792 с.
- Мустакимов 2015 – *Мустакимов И.А.* Османские документальные источники по истории Крымско-османских отношений периода правления хана Девлет-Гирея I (1551–1577) // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2015. № 7. С. 98–105.
- Титце 1986 – *Титце А.* Османские нарративные источники по истории балканских стран // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. Т. 1. М., 1986. С. 241–250.
- David, Fodor 2002 – David G., Fodor P. Hungarian studies in Ottoman history // *The Ottomans and the Balkans: A Discussion of Historiography*. Leiden: Brill, 2002. P. 305–350.
- Köhbach 1979 – *Köhbach M.* Friedrich Kraelitz Edler von Greifenhorst (1876–1932) // *Turkish Studies Association Bulletin*. 1979. Vol. 3. № 2. P. 14–16.
- Karman 2015 – *Karman G.* A Seventeenth-Century Odyssey in East Central Europe: The Life of Jakab Harsányi Nagy. Leiden: Brill, 2015. 316 p.
- Molnar 2014 – *Molnar M.* Ottoman buildings of Buda in a Turkish drawing of 1684 from the Marsili-Collection of Bologna // *Güneydoğu Avrupa Araştırmaları Dergisi*. 2014. № 25. P. 35–54.
- Pistoso 2020 – *Pistoso M.* The Marsigli collection of Turkish manuscripts and the Ottoman documents in Bologna University Library [Электронный ресурс]. URL: http://kharabat.altervista.org/RSIM2_pistottoman.pdf (дата обращения 15 июня 2020).
- Reychman, Zajaczkowski 2014 – *Reychman J., Zajaczkowski A.* Handbook of Ottoman-Turkish Diplomats. The Hague: Mouton, 1968. 232 p.

References

- David, G. and Fodor, P. (2002), “Hungarian studies in Ottoman history”, *The Ottomans and the Balkans: A Discussion of Historiography*. Brill, Leiden, Netherlands.
- Dmitriev, N.K. (1927), “Dr. Fr. Kraelitz Osmanische Urkunden in türkischer Sprache aus der 2-ten Hälfte des 15 Jahrhunderts. Ein Beitrag zur osmanischen Diplomatie. Wien, 1922”, *Zapiski Kollegii vostokovedov* [Notes of the College of Orientalists], vol. 3, pp. 221–225.

- Fonkich, B.L. (ed.), (2017), "Monfokon: issledovanija po paleografii, kodikologii i diplomatike. Вып. 4" [Montfaucon. Researches on Palaeography, Codicology, Diplomatic, iss. 4.], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- Karman, G.A. (2015), *Seventeenth-Century Odyssey in East Central Europe: The Life of Jakab Harsányi Nagy*. Brill, Leiden, Netherlands.
- Köhbach, M. (1979), "Friedrich Kraelitz Edler von Greifenhorst (1876–1932)", *Turkish Studies Association Bulletin*, vol. 3, no. 2, pp. 14–16.
- Kurova, O.N. (2018), "Iozef fon Khammer-Purgsthal' kak istorik-osmanist (po materialam fondov Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk)" [Joseph von Hammer-Purgstall as the Historian and Osmanist (with Reference to the Collection of the Library of the Russian Academy of Sciences)], *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, vol. 20, no. 1, pp. 142–149.
- Molnar, M. (2014), "Ottoman buildings of Buda in a Turkish drawing of 1684 from the Marsili-Collection of Bologna", *Güneydoğu Avrupa Araştırmaları Dergisi*, no. 25, pp. 35–54.
- Mustakimov, I.A. (2015), "Ottoman documentary sources on the history of Crimean-Ottoman relations during the reign of Khan Devlet Giray I (1551–1577)", *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States], no. 7, pp. 98–105.
- Pistoso, M. (2020), The Marsigli collection of Turkish manuscripts and the Ottoman documents in Bologna University Library [Online], available at: URL: http://kharabat.altervista.org/RSIM2_pistottoman.pdf (Accessed 15 Jun 2020).
- Reychman, J. and Zajackowski, A. (1968), *Handbook of Ottoman-Turkish Diplomats*, Mouton, The Hague, Netherlands.
- Tittse, A. (1986), "Ottoman narrative sources on the history of the Balkan countries", in *Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka* [Written monuments and issues of the culture history of culture of the peoples in the East], vol. 1, pp. 241–250.
- Vasil'ev, A.D. (2010), "Document Keeping and Archiving in Ottoman Empire", *Vostok: Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 5, pp. 35–48.
- Vasil'eva, O.V. (2014), "Ex Bibliotheca Orientali Wenceslai Severini Comititis Rzewuski. What? Where? How Many?", *Bibliotheca Nostra. Slaski Kwartalnik Naukowy*, vol. 38, no. 4, pp. 113–129.

Информация об авторе

Ахмед К. Чапанов, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ahmed.targimov@mail.ru

Information about the author

Akhmed K. Chaparov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; ahmed.targimov@mail.ru

УДК 930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-121-138

«...Паровозы замерзнут, надвигается голод,
появился сыпняк...»:
Железные дороги Великого Сибирского похода:
1919–1920 гг.

Василий Ж. Цветков

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, tsvetcov@rambler.ru*

Аннотация. Публикация документальных материалов отражает историю организации и проведения отступления частей Восточного фронта адмирала А.В. Колчака и эвакуации гражданских беженцев из Омска и других городов Сибири в ноябре 1919 – январе 1920 гг. Рассматриваются вопросы технического состояния и работы Транссибирской железнодорожной магистрали, в частности, функционирования подвижного состава. Данные аспекты истории Гражданской войны на Востоке России до настоящего времени остаются малоисследованными. Приводятся свидетельства о состоянии воинских и беженских, гражданских поездов, о положении пассажиров. Последовательно, с привлечением документального материала, описываются этапы подготовки и проведения эвакуационных мероприятий, а также анализируются причины срыва запланированных решений. Приведены свидетельства о последствиях железнодорожной катастрофы, ставшей частью истории Гражданской войны в Сибири. Используются не вводившиеся ранее в широкий научный оборот и не публиковавшиеся материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также несколько опубликованных ранее документальных свидетельств. Изучение данного аспекта истории Гражданской войны в Сибири позволяет составить представление не только о военной, но и о политической важности, которую, в условиях отсутствия развитых транспортных коммуникаций на Востоке России, играла Транссибирская магистраль.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, Государственный архив Российской Федерации, Великий Сибирский поход, эвакуация, А.В. Колчак, С.А. Щепихин, Н.М. Храбров, А.Я. Левинсон, Транссибирская железнодорожная магистраль, подвижной состав

Для цитирования: Цветков В.Ж. «...Паровозы замерзнут, надвигается голод, появился сыпняк...»: Железные дороги Великого Сибирского похода: 1919–1920 гг. // История и архивы. 2021. № 1. С. 121–138. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-121-138

“...Locomotives will freeze, famine is coming,
and there are cases of typhus...”.

Railways of the Great Siberian campaign
1919–1920

Vasily Zh. Tsvetkov

*Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia, tsvetcov@rambler.ru*

Abstract. The publication of documentary materials reflects the history of the organization and conducting of the retreat of the units of Admiral A.V. Kolchak's Eastern Front and the evacuation of civilian refugees from Omsk and other cities in Siberia in November 1919 – January 1920. The article considers the issues of the technical condition and operation of the TRANS-Siberian railway and, in particular, the functioning of the rolling stock. Those aspects for the history of the Civil War in the East of Russia to this day remain poorly studied. Evidence is provided on the state of the military, refugee and civil trains, and about the situation of passengers. Consistently and with the involvement of documentary material, the stages of the preparation and implementation of evacuation measures are described, and the reasons for the failure of planned decisions are analyzed. The article presents evidence on the consequences of full-scale disaster with the railway accident that became part of the Civil War history in Siberia. The materials from the State Archives of the Russian Federation that have not been widely used in scientific research and have not been published yet, as well as some previously published documentary evidence, were used. The study of that aspect of the Civil War history in Siberia allows to get an idea of not only the military, but also of the political importance that the TRANS-Siberian railway played in the absence of developed transport communications in the East of Russia.

Keywords: Civil War in Russia, White movement, State Archives of the Russian Federation, Great Siberian campaign, evacuation, A.V. Kolchak, S.A. Shchepikhin, N. M. Khrabrov, A. Ya. Levinson, TRANS-Siberian railway, rolling stock

For citation: Tsvetkov, V.Zh. (2021), “ ‘...Locomotives will freeze, famine is coming, and there are cases of typhus...’ . Railways of the Great Siberian campaign 1919–1920”, *History and Archives*, no. 1, pp. 121–138, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-121-138

*Посвящается памяти моего прадеда
Филиппа Семеновича Гончарова –
железнодорожного служащего,
работавшего на Транссибирской и Китайско-
Восточной магистралях в 1918–1920 гг.,
и всех железнодорожников Белой Сибири...*

Введение

Немаловажной особенностью истории Великого Сибирского похода (или как его еще называют Великого Сибирского Ледяного похода) стало участие в нем значительной части подвижного состава (паровозов и вагонов) Транссибирской железнодорожной магистрали. Данный экономический, военно-технический аспекты практически не рассматривались при изучении отступления от Омска до Читы подразделений Восточного фронта адмирала А.В. Колчака в ноябре 1919 – марте 1920 г. Источников по истории Великого Сибирского похода довольно много, однако есть среди них и неопубликованные документальные свидетельства. Обращение к ним позволит представить масштаб той (без преувеличения) катастрофы, в которой оказались белый фронт и тыл в конце 1919 г. Катастрофы, предопределившей как падение власти Российского правительства, так и гибель Верховного Правителя России. Можно обратиться, в частности, к воспоминаниям начальника штаба Западной армии генерал-майора С.А. Щепихина, а также к «лекции для японских офицеров», прочитанной во Владивостоке в октябре 1921 г. генерал-майором «Русским» (автор использовал псевдоним) и посвященной «Ледяному походу», в котором докладчик лично участвовал. Данные рукописные свидетельства хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). В дополнение к ним привлечены несколько документальных фрагментов из неопубликованной части воспоминаний генерал-майора Н.М. Храброва (помощника начальника Главного артиллерийского управления в правительстве Колчака) и фрагмент изданных в «Архиве русской революции» в 1921 г. путевых записок писателя и публициста А.Я. Левинсона¹.

¹ *Щепихин С.А.* Воспоминания // ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 10; «Русский»: Великий Сибирский поход: Лекция для японских офицеров. Владивосток. 20 октября 1921 г. // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 215; *Храбров Н.М.* «Судьба или случайность»: Воспоминания // Там же. Оп. 1. Д. 529; *Левинсон А.Я.* «Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г.» // Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. Т. 3. Берлин, 1921. С. 199–209.

Условия начала эвакуации

Следует иметь в виду, что эвакуация Омска и отступление частей Восточного фронта оказались взаимосвязанными событиями, хотя первоначально эвакуационные мероприятия не носили всеобщего характера и имели целью лишь «разгрузку» Омска от государственных и муниципальных структур. Многочисленные ведомства и управления признавались излишними в условиях, когда город оказался прифронтовым, однако представлялась еще возможной его успешная защита от наступавшей Красной армии. Фронт и тыл не должны были «мешать» один другому. И если бы запланированная эвакуация завершилась успешно, то ее участники и организаторы, безусловно, удостоились различных наград и поощрений.

Неправомерным будет, поэтому, утверждение о полной неподготовленности, стихийности эвакуации. Большая часть структур Российского правительства должна была выехать из Омска, но при этом предполагался их переезд не только в Иркутск, но и в другие сибирские города (Томск, Красноярск, Ново-Николаевск). Опыт эвакуационных мероприятий в Сибири, хотя и небольшой, был. Первые эвакуационные мероприятия начались еще летом 1919 г. в условиях отступления войск Восточного фронта с Урала (Екатеринбургская, Пермская, Уфимская губернии). Они координировались специальным межведомственным Эвакуационным Совещанием. Примечательно, что общее руководство осуществлялось Министерством внутренних дел, а не Министерством путей сообщения². В сентябре 1919 г. в зону эвакуации попала уже Тобольская губерния. Выезжали не только служащие губернской и уездной администрации, но и местного самоуправления, а также коммерческих и кооперативных структур. Вывозилось оборудование уральских заводов, в расчете на то, что удастся возобновить производство в тылу³.

Могла ли справиться с подобными нагрузками Транссибирская магистраль? К 1916 г. она была полностью введена в эксплуатацию. Практически на всем своем протяжении магистраль была двухпутной, а на крупных станциях построены ремонтные мастерские, существовала система запасных путей, приемлемая для разгрузки перегонов и маневра эшелонов. Были сформированы специальные санитарные поезда, транспортные составы (цистерны с водой, вагоны с углем и маслом), предназначенные для оказания помощи пассажирам и поездам непосредственно на линии. Уникальная по тем временам конструкция Кругобайкальских тоннелей, многопролетные железные мосты через сибирские реки, развитое телеграф-

² ГА РФ. Ф. 4669. Оп. 1. Д. 4. Л. 34–36 об., 66–67 об., 75; Д. 23. Л. 1–4.

³ Там же. Ф. 4628. Оп. 1. Д. 6. Л. 31–37.

ное и телефонное сообщение делали Транссиб не только рекордно длинной (до настоящего времени это фиксирует книга рекордов Гиннеса), но и одной из образцовых в мире с технической точки зрения [Балашов, Бухарина 1989, с. 41–45] железнодорожной магистралью. Из недостатков, которые требовали доработки, отмечались недостаточно толстый балластный слой, плохо державший шпалы на некоторых перегонах, легкие рельсы, деревянные мосты на ряде участков [Калиничев 1991, с. 139, 170].

Большинство паровозов, работавших на магистрали, принадлежали к серии «Ов» (легендарные «овечки»). Это были весьма надежные и достаточно несложные в эксплуатации машины, вышедшие на линии еще в 1880-е гг. Правда, они не отличались высокой скоростью и большой мощностью (следующие серии превосходили «овечек» по этим показателям), но вполне соответствовали условиям длинных сибирских перегонов и сурового климата. Наиболее важной технической особенностью «овечек», полностью оправдавшей себя в 1919–1920 гг., была их способность работать на самых разных видах твердого и жидкого топлива – угле, мазуте, торфе и дровах. В начале столетия и даже в период Гражданской войны Министерство путей сообщения закупало еще и американские паровозы и вагоны, предназначавшиеся преимущественно для экспресс-маршрутов. Интенсивно работали и владивостокские железнодорожные мастерские, собиравшие составы из прибывающих американских деталей [Курихин, Лухин 1974, с. 44–45].

Но в чрезвычайных условиях революции и Гражданской войны, при постоянных боевых действиях, охватывавших в том числе железнодорожные линии и прилегающие к ним территории (в 1919 г. особенно частыми стали регулярные «налеты» сибирских партизан на дорогу, взрывы мостов, крушения поездов, убийства железнодорожников и охранников), Транссиб уже не мог полноценно функционировать. А эвакуационные мероприятия еще более ухудшали положение.

В условиях начавшейся в октябре–ноябре 1919 г. «разгрузки» Омска литерные поезда (к ним относились поезда Верховного Правителя – его личный поезд и эшелон с золотым запасом, – поезда, перевозившие членов Совета министров и командующих армиями) пропускались вне очереди по так называемому нечетному пути, в обход общей «ленты», в которой продвигались все остальные составы (она шла по «четному» – второму пути). Адмирал Колчак выехал из Омска 12 ноября (за два дня до падения «белой столицы»). Ранее несколькими эшелонами Омск покинуло правительство.

Структура выезжающих поездов была достаточно неоднородной. В одном составе могли оказаться совершенно разные вагоны – от первоклассных до «теплушек». Принцип размещения был

не «эшелонный», а «вагонный», при котором один паровоз мог «тянуть» за собой вагоны чиновников разных ведомств, выезжавших с семьями, с разнообразной делопроизводственной документацией, коммерсантов, воспитанников детских приютов, многочисленных беженцев. Норматив, предусмотренный Эвакуационным совещанием (размещение в вагоне, «по возможности», 25 человек) соблюдался редко. Когда бои подошли уже вплотную к городу, произошла очередная смена руководства. От межведомственного Совещания власть на железной дороге перешла к военным.

«Последние дни» белого Омска

Вот как описываются последние дни эвакуации Омска у «Русского»:

...Во главе эвакуации Омска был поставлен бывший неудачливый командующий Южной армией – генерал Белов, человек, совершенно незнакомый с техникой железнодорожного транспорта. План разгрузки, видимо, совершенно отсутствовал: вывозилось в первую очередь то, что могло быть оставлено и, наоборот, оставалось в последнюю очередь то, что немедленно должно было быть отправлено.

Так грузились и отправлялись никому не нужные архивы, оставались интендантские склады, полные обмундирования, снаряжения и продовольствия. Отправлялись гражданские канцелярии и оставались артиллерийские склады с сотнями тысяч винтовок, с миллионными запасами снарядов и патронов. Эвакуировались частные лица с их семьями. Оставались в госпиталях, в жертву большевикам, больные, раненые офицеры и солдаты и т. д., и т. п.

Вообще разгрузка велась бессистемно, беспорядочно и весьма вяло. Станция Омск имела весьма мало сквозных путей, все остальные пути были тупикового устройства, так что маневренная работа была затруднительна даже в нормальное время.

10-го ноября из Омского железнодорожного узла образовался Головной отдел и железнодорожные агенты были заменены солдатами Самарского железнодорожного батальона, станционная комендатура – фронтовой комендатурой. Несомненно, что при таких условиях не время было ставить на столь сложное дело новых людей, которым нужно было еще время для ориентирования в незнакомых им местных условиях, когда нельзя было терять ни одной драгоценной минуты работы. В результате всего сказанного – удавалось отправлять со станции не более 15 поездов...⁴

⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 215. Л. 6.

«Русский» правомерно отмечает фактор «вклинивания» в общую «ленту» поездов, выходявших на магистраль с боковых «веток». Со стороны ближайшей к Омску – «ветки» от Славгорода и затем от Барнаула. Это закономерно приводило к образованию «пробок» и существенному затруднению движения.

...В это время польские войска из района Славгород и Ново-Николаевск спешно грузились и уходили на восток. Голова поездов, уже отправленных со станции Омск, была задержана у станции Татарская, затем у станции Ново-Николаевск и вытянулись по линии железной дороги один за другим в сплошную ленту длиной в несколько сот верст. Скорость движения поездов не превосходила 10–15 верст в сутки.

Между тем красные, на плечах отступающих по Барабинской степи, были уже в 30 верстах от Омска. Броневые поезда сдерживали красных, было несколько боев у станций: Маслявской, Драгунской и Называевской.

Часть красных под видом беженцев еще 13 ноября пробрались в город и спрятались в подвалах домов глухих улиц на окраинах города. Вечером 14-го вспыхнуло организованное красными восстание рабочих. Были захвачены рабочими электрическая станция и депо. Город и станция погрузились в жуткий мрак. Раздался колоссальнейший взрыв – это был взорван железнодорожный мост через Иртыш. Были обстреляны на самой станции с разных сторон только что пришедшие из Куломзино броневики (бронепоезда. – В. Ц.). Одновременно вспыхнула сильная ружейная перестрелка и на северной окраине города, со стороны Загородного сада. Это подходили наступавшие цепи красных, переправившиеся через Иртыш по льду севернее города.

К двенадцати часам ночи броневикам удалось по нечетному пути выбраться со станции. Так станция Омск пала. В руки большевиков досталась богатейшая добыча в виде 4 тысяч груженных, большей частью военным имуществом, вагонов. Утром 15 ноября пал и сам город...⁵

Принципиально верным решением для замедления преследования со стороны наступающих частей Красной армии (27-я стрелковая дивизия РККА) следует признать взрыв пролета железнодорожного моста через Иртыш (он был восстановлен уже в 1920 г.), а также прикрытие «хвоста» эшелонов бронепоездами. По имеющимся документам в арьергарде шли бронепоезда «Кондор» и «Забияка», ушедшие из Омска, как отмечалось выше, уже под обстрелом красных войск. К ним присоединился позднее польский бронепоезд (от Славгорода). Правда, прикрывать отступление гражданских эшелонов им пришлось недолго.

⁵ Там же.

Следует привести свидетельство из советского документа, опубликованного в журнале «Красный архив» (отрывок из «Описания действий 27-й стрелковой дивизии, составленного 16 апреля 1920 г.»).

...С рассветом 16 ноября 241-й и 243-й полки перешли в наступление. Выдерживая почти на каждой мало-мальски удобной позиции упорное сопротивление противника, полки к вечеру 16 ноября заняли: 241-й полк – Немировку, 243-й полк – разъезд 776-й версты, где захватили эшелон с тремя бронированными автомобилями и четырьмя легковыми, массу вагонов с обмундированием и инженерным имуществом. Ночью бронепоезд противника («Кондор») совершил налет на разъезд, занятый 243-м полком, но потерпел крушение (по приказанию командира полка, часть железнодорожного пути была незаметно разобрана) и был подорван противником. Однако две бронированные площадки с одним орудием и двумя пулеметами удалось захватить в целом виде. 242-й полк оставался в бригадном резерве на хуторе Атаманский...⁶

Позднее (на станции «Тайга») «Забияка» был окружен наступавшими подразделениями РККА, действовавшими совместно с партизанскими отрядами. Командир бронепоезда погиб, а состав – подорван⁷. Потеря бронепоездов роковым образом повлияла на судьбу эшелонов. Теперь обеспечить им защиту непосредственно на магистрали было невозможно. Польский бронепоезд обошел «ленту» эшелонов и двинулся на Красноярск.

В пути

Обратимся теперь к воспоминаниям генерала Щепихина, почти ежедневно описывавшего ситуацию с поездами на Транссибе.

...14 ноября. Проснулся я на станции Кормиловка (первая крупная станция после Омска. – В. Ц.), где наш эшелон простоял весь день. Здесь нас обогнал поезд Каппеля.

Лента поездов по левому пути начиналась здесь. Воображаю состояние этих эшелонов, когда мимо них уходят по свободному пути штабные эшелоны!? Все поезда, что мы обогнали, имеют, слава Богу, паровозы.

⁶ К истории разгрома вооруженных сил Колчака // Красный архив (Исторический журнал). Т. 6 (49), 1931 г., М.; Л., ГИЗ. 1931. С. 60–61.

⁷ *Рождественский С.* Красноярская трагедия (Из воспоминаний о Гражданской войне в Сибири) // Русская жизнь [Сан-Франциско]. 1985. 9 янв. С. 6.

Но где-то впереди образуются уже частичные пробочки! Скверный признак. Главная пробка, конечно, далеко впереди – это хвост чешских эшелонов – но эта закупорка отдается по всей ленте почти до Омска. Кроме того, и промежуточные станции Сибирской магистрали не развиты настолько, чтобы принять всех, а потому эшелоны всей линией стоят в поле и ждут очереди впуска на ближайшую станцию...

15 ноября... Перегон до станции Татарской проделан был без особых приключений. Скопление составов менее грозное, нежели это имело место под Омском. Все эшелоны имели паровозы. Правда, простаивая по несколько часов между станциями, паровозы иссякали водой, но тогда на помощь приходили пассажиры и вручную, по ленте передавая ведра, быстро наполняли жидкостью тендер. Труднее было, когда поблизости не было источника: набивать снегом паровоз было много тяжелее и медленнее. Запас дров на всех паровозах еще был, но некоторые запасливые эшелоны отправляли пассажиров на рубку дров.

В общем, до Татарской никаких особо грозных признаков еще не было: силы были еще свежие, нервы не измотаны, надежд много, разочарований никаких. Смущали, правда, сильно обитателя этих эшелонов обгоняющие их блестящие эшелоны штабов, но это ведь не каждый день: промелькнет, блеснув огнями, и нет его.

Запасы продовольствия, взятые из Омска, еще были полны: их отчасти восполняли пополнения из местных средств. Хотя это становилось все труднее и труднее с каждым днем, с каждым перегоном: жители все прятали, за деньги ничего уже не делали, если у просящего не было силы... У многих из эшелонов зачастую положение тяжелое, но не грозное.

По станциям и окрестным деревням шел бойкий товарообмен: денежные знаки никто не желает принимать; требовали по какому-то неуловимому курсу мануфактуру. Пока запасы у всех еще были, а впереди надежда зажгла факел ближайшей цели, – охотно расставались даже с необходимым. Биржа носила весьма оригинальный характер и подчас поражала своими трюками. Обычно все производили, не выходя из вагонов: вдоль ленты поездов двигались крестьяне на санях, нагруженных всяким продовольственным деревенским добром; двери теплушек открывались настежь и оттуда раздавались призывные крики: «яйца! молоко! курицу!» Крестьяне с соответственным добром в мешках вылезали из саней, подходили к вагону и в свою очередь также называли свой товар... Обычно это были: «сапоги! ситец, байка!» Реже – «сукно!» И еще реже мех...

Но вот проходят два, три дня, неделя и другая, а эшелоны все текут и текут. У крестьян создается местная почта, дающая знать по широкому радиусу и широко по линии железной дороги, как обстоят дела... Они начинают примечать, что эшелоны постепенно замедляют свой бег на восток: все чаще и продолжительнее остановки, регулярней

поступают требования от пассажиров; требовать начинают лишь самое насущное и что подешевле, не так стали разборчивы, как в начале...

Поползли липкие слухи, что там-то замерз паровоз, здесь пришлось свернуть под откос вагон с загоревшимися буксами, там молнией блеснул тиф и заглох; тут пожар в вагоне и т. д., и т. п. А движение все медленнее и медленнее... Крестьяне начинают вздувать цены – они стали хозяева положения; без них хоть помирай с голоду... приходится идти на все их условия, чтобы получить молоко для ребенка или курицу для больного... Факел надежд значительно потускнел: уже мало кто говорит об Иркутске, а на Дальний Восток и даже Забайкалье давно махнули безнадежно рукой, – дай Бог до Оби добраться.

Крестьяне начинают вести себя загадочно: пыл к торговле у них в значительной степени остыл; они чего-то выжидают, гуторят между собой, поглядывая беспокойными глазами-буравчиками на проходящие эшелоны... Подводы не уменьшаются, наоборот, их кажется больше, особенно по дворам ближайших сел и деревень. Там как на ярмарке: гудят сходки, разговоры, брань и крики... На подводах уже мало запасов, да и те очень скудны по качеству: как будто для формы их прихватил с собой хозяин!

У пассажиров от этой картины замирает сердце, и они начинают понимать. У них открываются постепенно глаза... Мужчины уже осматривают свои браунинги; начинается упаковка самого необходимого в портативные кулечки, узелочки... Жуткая картина, наружно мирная, а на деле преисполненная трагедии: это мужики ожидают срока, когда эшелоны окончательно станут и можно будет крикнуть «сарынь на кичку!»

Вот почему на санях только мужики и пустые при том. Вот почему снохи и золовки и прочие деревенские кумушки чаще и чаще начали прихватывать с собой мужиков: скоро понадобятся не только мешки, но и кулаки... Не решат только, с какого конца приняться за дело и когда наступит момент. Не упустить бы, не опоздать бы, помилуй Бог... Если эшелон задержится свыше двух-трех дней крестьяне начинают нервничать – «не пора ли приступить к дележу “народного добра”». Наиболее нетерпеливые уже охаживают свою жертву и довольно нагло входят в вагоны и присматриваются...

23 ноября (запись сделана после города Каинска. – В. Ц.). И вот лента по Сибирскому тракту все растет и растет... Чем ближе к Оби, тем движение самих беженцев беспорядочнее. Особенно их подводят к тракту обывательские подводы – боятся остаться сзади. Эшелоны, которые мы обгоняем, приобретают все более и более безнадежный вид. На узловых станциях на имя командарма всегда получается кипа слезных телеграмм: такой-то эшелон уже три дня стоит без движения; явилась опасность, что паровозы замерзнут; надвигается голод; появился сыпняк...

Сыпняк уже косит свои жертвы без разбора. Умерших убирали из вагонов и клали на платформы или прямо на буфера. Сложенные штабелями трупы, предварительно раздетые почти донага, производили жуткое впечатление. На морозе, от ударов и сотрясения откалывались части тела и много было трупов без рук или без ног. Хоронить некому, да и некогда, и так эти покойники путешествовали дальше за могилой и крестом.

Распоряжения отдавались, но контроля выполнения их не было, а потому, дай Бог, если эти приказы выполнялись наполовину.

Навстречу, против шерсти, с узловых станций посылалась вода в цистернах, но их было до смешного мало и зачастую вода замерзала. Высылалось продовольствие, но оно расхватывалось по пути. Единственно, что охотно выполняли, – это сдавали больных в санитарные летучки, которые рейсировали по всей линии беженских эшелонов.

Наконец, к концу ноября появилось новое бедствие – замерзшие паровозы. Стоя по нескольку дней вдали от станций, а следовательно, и от воды, находясь все время под парами, паровозы иссыкали водой. Эшелоны людские принимали свои меры: пассажиры таскали воду или набивали тендер снегом; они же рубили дрова для топки паровоза. Но горе тем эшелонам, где не было людей, кроме поездной прислуги. Эти были обречены на замерзание, а за ними стоящие к западу также обрекались на медленное умирание. Местами пробовали сбрасывать вагоны под откос, расчищая путь, но ведь целый эшелон не сбросишь!

В Чулыме, куда прибыли 25 ноября, я получил отчаянное письмо от Военного прокурора Ставки Кузнецова помочь: поезд очевидно дальше не пойдет; думали пересест на сани, но невозможно добыть лошадей. Крестьяне не продают ни за какие деньги. Грозит голод. Ни взад, ни вперед. Рады были бы вернуться в Омск. Написал им потерпеть – прибуду в Ново-Николаевск, вышлю им автомобиль за всей семьей... Горе, сколько горя и слез!

27 ноября (запись о положении в г. Ново-Николаевск. – В. Ц.). Больше всего нас беспокоили эшелоны к западу от р. Обь. С каждым днем их положение становилось все ужаснее. Несмотря на героические, самоотверженные усилия железнодорожников всех рангов очистить путь от замерзавших паровозов плохо удавалось. Сваливали под откос мертвецов, выводили из общей линии на запасные пути товарные эшелоны, а работа с каждым днем все увеличивалась и росла, пока, наконец, не стали в тупик – нечем было заменять замерзающие паровозы. Ст. Тайга, где единственно можно было получать исправные паровозы, отвечала именем чешского командования отказом. Кроме того, голова беженских эшелонов у этой станции безнадежно упиралась в хвост чешской ленты, и здесь мы, русские, были бессильны. На русской магистрали, в России, на своей русской земле мы не были хозяевами...

Наконец медленно, но верно, двигаясь на восток, наш фронт начал обгонять хвост эшелонов, и они бросались на произвол судьбы: все бросая в вагонах, наиболее удачливые нанимали сани, чтобы хоть до Ново-Николаевска добраться. Ясно было даже и слепому, что двести с лишним эшелонов по ту сторону Оби станут в самом ближайшем времени добычей красных. А мы не в силах им помочь. Даже если бы удалось остановить фронт и двинуться вперед, то и это не помогло бы, так как пробка у ст. Тайга не рассасывалась....

Ясно, что эшелонов нам не спасти. Объявлять об этом нет смысла, тем паче что все, кто мог, уже покинули злосчастные вагоны. А кто не мог, те ждут понуро своей участи, ожидая, когда их возьмут в плен и они станут трофеями победителей.

А пока надо протянуть это время и не подохнуть от голода, да еще найти в себе силы и энергии, чтобы отмахнуться от назойливых мух, слепней, облепивших эшелоны, от крестьян с мешками, начавших уже организованный грабеж. Были уже случаи форменных сражений между беженцами и крестьянами: не успеет кто-либо выехать из вагона, как на брошенное ими имущество являются претенденты крестьяне...

День за днем мужичье так обнаглело, что не отходит от поездов, издевается над несчастными и торопит их к выезду.

«Чего сидите? Ведь все равно все бросите, так лучше отдайте нам, и без того наше будет!» – горланила толпа, и гогот стоял на линии.

Чтобы вернее выкурить из вагонов беженцев, крестьяне отказывали им в купле-продаже продуктов, – не мытьем, так катаньем!

Паровоз замерз, на воздухе 30 градусов мороза, буржуйка коптит, а не греет, запасы на исходе, вокруг косит тиф, а тут еще эта жадная, бессердечная толпа, не спускающая с вас своих алчных глаз и глазами сдирающая с вас и шубу, и валенки, и часы, и цепочку. Было от чего прийти в отчаяние! Начались случаи самоубийства. Несколько человек посходили с ума и убежали в степь, в пургу, распугивая трусливых баб и ребятишек.

Были целые вагоны в сыпняке, и некому было подать стакан воды. Были купе – мертвецкие... И посреди этого страшного кладбища, этих лазаретов шныряли мрачные тени мужиков и баб с мешками. Они воровато стаскивали с мертвецов все, что приглянется; обдирали больных с 40-градусной бредовой температурой... с тем, чтобы, заразившись к вечеру, самим валяться в тифозном бреду в курной избе на полотах, а затем подохнуть, сжимая в руках скрюченными от боли и жадности пальцами украденные кольца, серьги и часы...

Нельзя спасти всех, надо спасти кого можешь, и я отправил несколько грузовиков в ближайшие к Ново-Николаевску районы... Так в первые же дни были доставлены ко мне в поезд и Кузнецовы. От них мы в подробности и узнали все те ужасы, что творятся на линии.

Кузнецов проклинал тот день и час, когда он решил ехать в эшелоне. Лучше было подохнуть сразу в Омске, нежели медленно подыхать здесь или неизвестно еще где... Добраться благополучно до «белого царства» хотя бы атамана Семенова мало кто надеялся...»⁸

Технические проблемы подвижного состава, пассажиров и обслуживающего персонала

Одной из немаловажных причин столь бедственного положения составов стали отмеченные в воспоминаниях генерала Щепихина проблемы с постоянным поддержанием пара в котле паровоза. Это следовало делать, в том числе, и при «стоянии в пробке», поскольку в противном случае паровоз гарантированно замерзал, и эшелон оставался без движения, обреченным. Кроме того, он тормозил движение следующих за ним составов, и «пробка» усиливалась. По сложившейся практике того времени около 10 километров дороги требовали для паровоза, в среднем, приблизительно 1 кубометр воды и 0,5 кубометра дров. В холодное время года (ноябрь в Сибири уже мог считаться «зимним» месяцем) расход воды и дров возрастал на 20–25%. Фактически же в условиях вынужденного простоя «под парами» (а именно в этом положении оказались паровозы от Омска до Ново-Николаевска) расход воды и дров в сутки составлял 10 и 7 кубометров соответственно. В стандартный тендер паровоза помещалось до 14 кубометров воды и до 15 кубометров дров. Поэтому каждый день паровоз требовал пополнения запасов воды и, в среднем, через день – дровами. Помимо этого, предполагались работы по промывке паровозного котла, смазке и другие технические операции (все эксплуатационные нормативы взяты из технической литературы) [Поцелуев 1982, с. 25–30]. Совершенно ясно, что в условиях войны и хозяйственного кризиса соблюсти стандартные нормативы эксплуатации и ремонта становилось невозможно.

Конечно, в ноябре 1919 г. весьма важной оказалась способность сибирских «овечек» работать на любой форме топлива. Пассажиры рубили дрова и набивали тендер снегом. В лучшем положении оказывались пассажирские составы, а вот в товарных отправить на заготовку дров было некого. Но долго так продолжаться не могло. Без защиты со стороны бронепоездов, будучи обойденные войсками по окрестным дорогам (сухопутные и кавалерийские части отступали самостоятельно, не прикрывая эшелоны), многочисленные составы обрекались на гибель. Часть пассажиров смогла пересесть

⁸ ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 10. Л. 18 об. – 19; 24, 26 об. – 27.

в крестьянские сани, покинув поезда. Но немало было и тех, кто оказались невольно «заложниками» собственного купе или вагона.

Итак, практически все без исключения эшелоны, стоявшие в «ленте» на перегоне Омск – Ново-Николаевск, остались без движения и защиты и если их не захватывали наступавшие части РККА или местные партизаны, то пассажиры оказывались обречены на смерть от холода, голода или тифа. Санитарные летучки и поезда цистерны в первые недели после отступления от Омска еще курсировали по нечетному пути, обслуживая больных и снабжая эшелоны водой и продовольствием. Но очень скоро и врачебный персонал заразился тифом. Помощь прекратилась. А в поведении местного населения, как его ярко описал генерал Щепихин, проявились все беспощадные признаки братоубийственной трагедии Гражданской войны.

После Красноярской катастрофы

Для тех же поездов, которые смогли проследовать далее на восток, последним рубежом стал Красноярск. Здесь в начале января 1920 г. произошла катастрофа, фактическая ликвидация белого фронта и тыла. Оказавшись между наступавшими частями РККА и восставшим красноярским гарнизоном, остатки белой армии во главе с генерал-лейтенантом В.О. Каппелем пошли через тайгу в обход города. К ним присоединились вышедшие из вагонов немногочисленные беженцы и штабные чины. Основная же часть эвакуировавшихся из Омска гражданских лиц и часть военных сдались в плен. Эшелоны миновать город не смогли.

От Красноярска до Иркутска и далее в Забайкалье, в Читу по железной дороге проехали только те из русских военных и гражданских лиц, кто выехал из Омска еще в октябре – первой декаде ноября. Либо те, кто смогли, в силу самых разнообразных обстоятельств, присоединиться к эшелонам «союзных войск», не подчиненных Колчаку, а находившихся под командованием генерала Жанена. Но и их судьба, в буквальном смысле, «висела на волоске», поскольку «иностранцы» эшелоны в условиях российской Гражданской войны отнюдь не обладали полной «экстерриториальностью». Об особенностях поездки в этих поездах говорится в воспоминаниях генерала Храброва, сумевшего попасть вместе с женой в румынский эшелон благодаря своему «бессарабскому происхождению».

Вот отрывок из главы «Бегство из Сибири», повествующий о ситуации, сложившейся на Транссибе в январе 1920 г. после Красноярска. На поезда «союзников», ввиду большого количества вагонов, уже не хватало паровозов. И они, в итоге, оказались в такой же «ленте», как и поезда с российскими военными и беженцами.

...Дни проходили за днями, а румынские поезда стояли без паровозов и не двигались. Большевики продолжали продвигаться вперед и, захватив уже все русские поезда, начали захватывать и союзнические. Были уже захвачены сербский поезд и польский. Пришло распоряжение от военного командования, что, вследствие недостатка в паровозах и угле, необходимо сократить наличное количество поездов. Румыны сократили число своих поездов с 8 на 6, но паровозов все-таки не получали. Наконец, 14 января, в день русского Нового года, снова разразилась «очередная паника». Утром румынами был получен приказ генерала Жанена, предписывающий Легиону занять позиции около Тайшета и удерживать их до тех пор, пока все чешские поезда не пройдут через мимо... На следующий день пришло новое распоряжение об еще большем сокращении числа поездов. Сократили их на три. Наконец, 18 января, после 18-дневного пребывания в Тайшете, мы спешно тронулись... На все три румынские поезда был только один локомотив, который поочередно и продвигал их вперед, ожидая каждый раз получения угля для себя. Кроме того, в пути мы пропускали вперед все бывшие еще за нами чешские поезда, пока, наконец, в арьергарде сзади нас не остался один только чешский поезд с броневиком и артиллерией. В течение 16 дней этого нашего путешествия мы проехали всего 350 верст, то есть делая в среднем 22 версты в сутки... Большевики нас нагоняли. Расстояние между нами, бывшее сначала 300 верст, с каждым днем быстро сокращалось. С целью задержать наступление большевиков, последний отступающий эшелон производил возможно большее разрушение пути: взрывал за собой мосты, приводил в негодность водокачки и пр. Для сохранения целостности дороги большевики предложили союзникам перемирие с гарантией их выезда из Сибири. Союзники, неизвестно на что надеявшиеся, их предложение отвергли.

27 января мы прибыли на небольшую станцию Куйтун. Здесь мимо нас прошли вперед последние чешские поезда, находившиеся позади нас, оставив в арьергарде бронированный поезд с отрядом артиллерии. На станции Нижне-Удинск, в 160 верстах позади нас, большевики этот поезд нагнали. Чехи заняли позицию и приготовились к сражению, а большевики взорвали мост впереди, сделав отступление броневика невозможным. Тогда чехи, не вступая в бой, начали отступать в походном порядке и скоро также прошли мимо нас. Теперь между нами и большевиками не было больше никого...

Таким образом, последние отряды армии, дававшей нам все-таки некоторое прикрытие от неожиданных нападений, прошли вперед, и мы оказались совершенно открытыми со всех сторон...⁹

⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 529. Л. 39–40, 42, 50–51.

Подвижной состав Транссиба пришел в полную негодность. Генерал Храбров отмечал это.

...Все сибирские паровозы, не ремонтировавшиеся в течение уже многих месяцев, пришли в такое ужасное состояние... что только при движении по ровному месту или под уклон они еще, хотя и с трудом, справлялись со своей работой, всякий же подъем представлял для них трудно преодолимое препятствие. Иногда машинист давал сигнал о помощи, и тогда все пассажиры, даже среди ночи, должны были выходить из вагонов и общими силами вручную двигать весь поезд вверх. Впрочем, выносливость и добросовестность службы служебного персонала железной дороги вызывала не меньше удивления, чем изношенность подвижного состава: не раз во время пути мне приходилось выслушивать жалобы низших служащих, что они сами удивляются, как они еще могут жить, так как в течение уже многих месяцев они ни от кого не получают ни копейки содержания. Только американские локомотивы, доставленные в Сибирь заготовительным комитетом, работали безукоризненно, и поезда с ними не имели никаких затруднений...¹⁰

Последствия неудавшейся эвакуации

В завершение публикации можно привести документальное свидетельство очевидца, проехавшего по участку Транссиба в январе 1920 г. уже после того, как он перешел под контроль РККА. Это отрывок из воспоминаний Левинсона.

...На всем протяжении от Чулыма до Ново-Николаевска, на 60 верст впереди нас, на 30 позади, тянется почти непрерывная «лента» поездов. Они еще за неделю до бурана забивали оба пути, но вторую ленту уже успели «растаскать». Вокруг этого сплошного вала и уплотнился занос, не сдерживаемый деревянными щитами, давно сломанными на дрова. Вагоны замело до крыш.

Поезда следуют друг за другом, подчас на расстоянии всего пяти саженей. Состав их разнообразен: пульмановские вагоны дальневосточного экспресса, просто классные, санитарные, теплушки, цистерны, платформы, груженные автомобилями, ящиками с шрапнелью, необозримым, неисчислимым добром. Наши попутчики, конвоир и винокур, раздобыли себе по полевому телефону из открытого вагона, груженного драгоценными аппаратами, но охрана конфисковала. Дальше еще цистерны, холодильники, салон-вагоны, большие паровозы, взятые на буксир, вагоны без конца, тысячи вагонов – и в них ни души. Лишь изредка, через десять, через пятнадцать эшелонов над каким-либо

¹⁰ Там же. Л. 74–75.

вагоном вьется дымок, как над юртой самоеда, это скудная и запоздалая охрана. Разительна неподвижность этих паровозов, моторов, вагонов всей структурой своей выражавших движение...

Когда стало ясным, что Омску несдобровать, поднялись все. Не только «буржуи», но и ремесленники, рабочие, совершенные бедняки бросились в грозную неизвестность – таковы были паника и ненависть. И в это стихийное движение беженства приказ об эвакуации армии, учреждений в полном составе, интендантских складов, офицерских и чиновничьих семей влил еще огромную силу и массу движущегося материала. Мы знаем, что то спасение, которое мерещилось в востоке, было призрачным, что навстречу отступающей громаде поднялся Ново-Николаевск. Но и без восстания в тылу мог ли этот караван, на десятки верст растянувшийся по обеим колеям, куда-либо дойти?

Видимо, Бог поразил безумием побежденную власть. То, что нельзя было вывезти, сжигалось. Зашедший погреться в наш теплый угол красноармеец рассказывает, что вагоны с тяжелоранеными военнопленными были также подожжены и что он сам спасся через окно. Безумец или хвастун? Но этот рассказ слышал я позже из многих уст. Что же случилось с этим городом на колесах? И об этом знаю лишь, что довелось услышать за эти ночи в заносе. Целые вагоны вымирали от тифа, от голода, особенно дети. Уйти было некуда, а нужды слишком много. То и дело вооруженные крестьяне, «партизаны» и просто хозяева производили налеты, грабили и убивали защищающихся. По всему пути, под снегом, штабели обобранных, незакопанных трупов; что за смрад будет по весне!¹¹

Заключение

Таким образом, не отрицая военно-политических причин сибирской трагедии, заключавшихся в хорошо известных конфликтах между союзным и российским военным и гражданским управлением (Жанен и Колчак), в дезорганизации движения на магистрали, из-за которой чешские, польские, румынские эшелоны не смогли разойтись с российскими поездами, следует отметить и сугубо технические причины. Они состояли в чрезвычайной нагрузке на подвижной состав, в его значительном износе. Последствия транспортной разрухи на Транссибе были очень велики. Только в Восточной Сибири оказалось разрушено 66 водокачек, пришли в негодность 1400 паровозов, 12 212 вагонов [Калиничев 1991, с. 170]. Но если транспортные потери подсчитаны, то число погибших, замерзших,

¹¹ Левинсон А.Я. «Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г. // Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. Т. 3. Берлин, 1921. С. 202–204.

умерших от тифа на железной дороге «белогвардейцев» неизвестно до сих пор. И хотелось бы надеяться, что память о тех событиях будет увековечена каким-либо памятным знаком, прежде всего, на самом тяжелом участке дороги – от Омска до Новосибирска.

Автор, со своей стороны, считает необходимым анонсировать готовящийся к выходу сборник документальных материалов, посвященных Великому Сибирскому походу армий Колчака 1919–1920 гг., в который будут включены не только более полные версии приведенных в статье документов, но также и многочисленные новые источники.

Литература

- Балашов, Бухарина 1989 – *Балашов А.Л., Бухарина Б.Х.* Покорение далей // Железные дороги СССР, прошлое и настоящее. М.: Планета, 1989. С. 41–45.
 Калининцев 1991 – *Калининцев В.П.* Великий Сибирский путь: Историко-экономический очерк. М.: Транспорт, 1991. 248 с.
 Курихин, Лухин 1974 – *Курихин О., Лухин С.* «Овечка»: Историческая серия «Техники-молодежи» // Техника-молодежи. 1974. № 1. С. 44–45.
 Поцелуев 1982 – *Поцелуев В.А.* Броненосцы железных дорог. М.: Молодая гвардия, 1982. 112 с.

References

- Balashov, A.L. and Bukharina, B.Kh. (1989), “Conquest of the distance”, in *Zheleznyye dorogi SSSR, proshloye i nastoyashcheye* [Railways of the USSR. Past and present], Planeta, Moscow, Russia, pp. 41–45.
 Kalinichev, V.P. (1991), *Velikiy Sibirskiy put’*. Istoriko-ekonomicheskii ocherk [The Great Siberian way. Historical and economic essay], Transport, Moscow, Russia.
 Kurikhin, O. and Lukhin, S. (1974), “ ‘Little sheep’ . Historical series of the ‘Tekhnika-molodezhi’ ”, *Tekhnika molodezhi*, no. 1, pp. 44–45.
 Potseluyev, V.A. (1982), *Bronenostsy zheleznykh dorog* [Railway ironclads], Molodaya Gvardiya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Василий Ж. Цветков, доктор исторических наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; Россия, 110571, Москва, пр. Вернадского, д. 88; tsvetcov@rambler.ru

Information about the author

Vasily Zh. Tsvetkov, Dr. of Sci. (History), Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 88, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 110571; tsvetcov@rambler.ru

УДК 930.1

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-139-155

Мысль на распутье: об Александре Александровиче Зимине

Евгений Б. Рашковский

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова
Российской академии наук,
Москва, Россия, eug.rashkov@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой аналитические воспоминания об Александре Александровиче Зимине, выдающемся историке, сферой научных интересов которого была средневековая Русь.

Данная работа сочетает элементы личных воспоминаний и историографических рассуждений, связанных с тем, как А. Зимин рассматривал феодальные войны в России XV века. Эта точка зрения ученого противоречила официальной советской доктрине того времени.

В статье говорится, что А.А. Зимин считал относительно короткий период феодальных войн XV в. в России одним из поворотных моментов в цивилизационной, социальной, гражданской и культурной истории страны.

Автор пытается реконструировать одну из последних бесед с Александром Зиминим (лето 1978 г.). Согласно точке зрения профессора А. Зимина, противоречивые отношения между двумя российскими социокультурными архетипами – помещиками и крестьянами – являются одной из ключевых проблем российской истории в целом.

В статье обращается особое внимание на невысказанную до конца А.А. Зиминим интерпретацию истории российской интеллигенции от «допетровского» и «после петровского» времени до наших дней.

Ключевые слова: мемуары, А.А. Зимин, Московский государственный историко-архивный институт, кружок источниковедения, Учитель, ученики, российская история

Для цитирования: Рашковский Е.Б. Мысль на распутье: об Александре Александровиче Зимине // История и архивы. 2021. № 1. С. 139–155. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-139-155

The Crossroads of Thought. Commemorating Alexander A. Zimin

Eugene B. Rashkovskii

*National Research Institute of World Economy and International Relations
named after Eu.M. Primakov of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, eug.rashkov@gmail.com*

Abstract. The article is a kind of analytical reminiscence concerning Alexander A. Zimin, an outstanding historian whose sphere of research was medieval Rus’.

The paper combines the elements of personal reminiscences with some features of historiographic narration concerning Zimin’s analysis of the Russian 15th century feudal wars in its contrast with official Soviet historical thinking during Zimin’s life.

It deals with Zimin’s understanding of the relatively short period of Russian 15th century feudal wars as one of the crucial periods of the civilizational as well as social, civil and cultural history of this country.

The author tries to reconstruct one of his last conversations with Alexander Zimin (summer 1978). According to prof. Zimin, the complicated collision of the two Russian socio-cultural archetypes – “landowners” and “peasants” – is one of the focal issues of Russian history as a whole.

The paper pays special attention to A.A. Zimin’s half-hidden interpretation of the whole story of the Russian intelligentsia from the Pre-Petrine as well as Post-Petrine times up till now.

Keywords: memoires, A.A. Zimin, Moscow State Institute for History and Archives, source studies hobby club, Teacher, disciples, history of Russia

For citation: Rashkovskii, E.B. (2021), “The Crossroads of Thought. Commemorating Alexander A. Zimin”, *History and Archives*, no. 1, pp. 139–155. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-1-139-155

Предлагаемый читателю текст – текст своего рода мемуарный, однако выдержанный в особом ключе. Этот мемуарный жанр я опробовал в своей недавней книге воспоминаний¹ и определяю его задним числом как *концептуальные мемуары*, т. е. мемуары, полагающие во главу угла не события и даже не психологические характеристики, но нечто иное и более важное для меня: строение и течение мысли.

¹ Рашковский Е.Б. Философская планета Арбат: Книга воспоминаний. М.: Новый хронограф, 2019. 224 с.

I

Имя Александра Александровича Зимина стало известно мне, в те годы студенту Московского государственного историко-архивного института, еще в начале 1960-х гг. По публикациям его трудов мы учились; Александр Александрович неоднократно выступал на заседаниях руководимого Сигурдом Оттовичем Шмидтом кружка источниковедения, со временем ставшего в своем роде легендарным; я дружил с преданными учениками Александра Александровича – Евгением Бешенковским, Евгением Добрушкиным и Валерием Мингалевым. Кроме того, и жена моя – Мария Рашковская – под руководством Александра Александровича защитила с отличием дипломную работу, посвященную еще не опубликованным в те годы мемуарам замалчиваемого в советские годы и лишь недавно всерьез оцененного русского историка, социолога и философа – Николая Ивановича Кареева (1850–1931)².

Стремительная пластика движений Александра Александровича, его эрудиция и интеллектуальная сила, лекторский дар и человеческое обаяние³ – все это не могло не привлекать к нему сочувственное внимание людей. И тем более возросло мое сочувствие Зимину, когда он стал объектом воистину государственной травли в связи с его разысканиями в области истории и текстологии «Слова о полку Игореве». И это притом, что сам я не мог уверовать в его «деконструкцию» этого памятника древнерусской словесности. «Игорева» проблема куда сложнее, нежели проблематика таких явных фальсификатов, как, скажем, песни Оссиана или Краледворская рукопись. И были моей неуверенности две причины:

- на мой (сугубо личный!) взгляд, источниковедческой работе Александра Александровича над историей «Слова» недоставало лингвистической, а также и тюркологической базы;
- эта работа казалась мне тогда, да и сейчас кажется, образцом гиперкритического подхода к сложному и многослойному историческому тексту.

² Ссылки на эту дипломную работу см.: *Bardach J. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX – początku XX wieku: N.I. Kariejew // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX–XX wieku. Warszawa, 1980. S. 104–154.*

³ Мой прежний коллега по библиографической части – историк и философ Юрий Владимирович Цейтлин (1921–2003) – считал Александра Александровича одним из самых доброжелательных и отзывчивых людей, с которыми ему приходилось встречаться в жизни.

И все же, оба эти обстоятельства не могли поколебать мое преклонение перед историком и его трудами. И – по целому ряду причин.

- Травля ученого за его небанальные и неортодоксальные воззрения всегда казалась мне кощунственной.
- Гиперкритический подход – подчас сам по себе не вполне удачный – несомненная часть общей эвристики анализа великих памятников истории человеческого духа. Это касается и философии, и религии, и поэзии, и искусства. Скажем, преодолены многие гиперкритические крайности и в трактовке платоновского вопроса, и в ветхозаветной критике, и в текстологии Четвероевангелия. Однако даже сами эти крайности, повторяю, оказались мощными эвристическими стимулами для науки.
- Попытки критического анализа великих древних текстов приоткрывают вопрос о возможном множестве более поздних наслоений в их многосложной исторической судьбе.

Так я полагал почти шесть десятков лет назад; при таком же мнении остаюсь и поныне.

Времена, правда, стояли в те поры почти что вегетарианские. Не чета нынешним. Александра Александровича физически не тронули, не превратили в безработного, не *вытерли* за пределы России. И даже в 1970 г. удостоили тогдашней массовой медали «К столетию со дня рождения В.И. Ленина»... И все же, как я наблюдал в те годы, Александра Александровича мучила доносная критика «игровой» концепции (на государственную-де святыню, некогда одобренную Марксом, покусился). К тому же и жилищные условия (сыроватая, плохо освещенная солнцем квартира на первом этаже) также здоровья не прибавляли...

Третируемый в своем отечестве, он радовался письмам одобрения со всего света: как тут не вспомнить стихотворение Бориса Пастернака «Божий мир», написанное поэтом за полтора года до кончины:

Ну, а вы, собиратели марок!
За один мимолетный прием,
О, какой бы достался подарок
Вам на бедственном месте моем!

Не только самим письмам, но и маркам и видовым открыткам он радовался, почти как ребенок...

По своей научной специализации я не медиевист и не специалист по историческим сюжетам допетровской Руси. Однако – с точки зрения субъективной и при всем моем преклонении перед

его монографией об опричнине⁴ – наиболее близким и понятным мне среди исследований Александра Александровича считаю его небольшую, посмертно изданную монографию «Витязь на распутье». Монографию, во многом вдохновленную трудами Александра Александровича над наследием великого Ключевского.

II

На мой взгляд, вышедшая посмертно (первое издание – 1991 г.) книга Зимина «Витязь на распутье. Феодальная война в России XV в.» – одно из интереснейших произведений отечественной историографии.

Сама историческая наука предстает в этой книге в некоем особом, двойственном свете:

- с одной стороны, история – несомненная, но притом особая повествовательная и одновременно аналитическая наука, ориентированная на тщательную работу с источником и на анализ предшествующей историографической традиции;
- с другой же стороны – это, как было со времен Геродота, мусическое искусство, опирающееся на принципы изящества нахождения, отбора и согласования фактуальных данных, изящества повествования и осмысленной оценки повествуемого.

Однако, при всем при этом, есть еще одна важная сторона подлинного историографического творчества⁵: его призвание – в той

⁴ На общеисторической ценности этой монографии, наряду с трудами С.Б. Веселовского, настаивал в разговорах со мной замечательный востоковед – академик Нодари Александрович Симония (1932–2019): абсолютный, сам себя сакрализовавший властитель, опирающийся в своем восхождении на разные пласты «номенклатуры», со временем переходит к жестоким «чисткам» этой самой «номенклатуры». В ходе этих «чисток» рикошетом доходит дело и до истребления собственного народа... См. в этой связи очерк Зимина «Несравненный Степан Борисович» в кн.: Александр Александрович Зимин / Сост.: В.Г. Зимина и Л.Н. Простоволова. М.: РГГУ, 2005. С. 58–73.

⁵ Употребляю понятие историографии в том смысле, в каком употреблял его дон Бенедетто Кроче: как комплекс трудов по научному, философскому и эстетическому постижению истории как таковой. Однако, согласно Кроче, процессы такого постижения смыслов и сути времен не даны в отрыве от исследовательской работы над конкретным историческим наследием. Иными словами – над документом. См.: *Croce B. Filosofia come scienza dello spirito. Vol. 4: Teoria e storia della storiografia*. 6th ed. riv. Bari: Laterza & Figli, 1948. P. 129–138.

или иной мере откликаться на запросы окружающей гражданской и культурной жизни, не угождая при этом текущим настроениям и «направлениям».

Сам процесс выявления, исследования, подачи и осмысления материала требует некоторой органичной согласованности. Ибо исторические труды создаются не только для узкой группы спецов (в этом – их особая ценность), но и для большого круга читающих и мыслящих людей. И, думается, труд Александра Александровича о феодальной войне на Руси XV столетия вполне отвечает всем этим сложным и трудно согласуемым между собой критериям. И, более того: эта книга Зимина несет в себе несколько ценнейших уроков для всей последующей культуры исторического мышления и исторических исследований.

Сколь бы ни разнились конкретные темы, направления, методики и процедуры исторических исследований, всех их так или иначе объединяет одна непреложная проблема: проблема *единства человеческого времени*, проблема многозначной контекстуальной связи явлений, событий, процессов и сознаний на оси времен⁶.

Так вот, насыщенная теоретическими интуициями и нарративным мастерством книга Зимина поражает дотошностью и мастерством фактографических разработок. Поражает его умение хронологически, топографически и даже психологически распутывать нюансы и хитросплетения русских феодальных войн по кратким, отрывочным, друг другу противоречащим и чаще всего тенденциозным источникам (прежде всего, по материалам летописания). И ведь вся эта ювелирная документальная и источниковедческая обработка массы источников и историографического материала осуществлялась Александром Александровичем еще в докомпьютерный период истории нашей исторической науки. Чего стоит одна лишь работа по уяснению генеalogий, интриг, последовательности территориальных перемещений, столкновений, войн, подвижек границ и замирений князей и князьков Северо-Восточной Руси и сопредельных ей земель! И эта нюансированная работа исследователя не только не мешает читателю в усвоении реконструируемого Зиминим исторического материала, но – напротив – делает чтение книги процессом особо насыщенным и увлекательным.

⁶ Были, разумеется, исследователи и мыслители, отрицавшие эту контекстуальную связь и трактовавшие судьбы конкретных культурно-исторических конфигураций как судьбы замыкающихся на себе «монад». Таковы Н.Я. Данилевский или О. Шпенглер, таковы и нынешние их эпигоны. Однако сам навязчивый характер их теоретических деклараций и отчасти даже – приводимый ими компилятивно подобранный материал лишь невольно подчеркивали непреложность этой осознанной или неосознанной связи.

Далее, еще один ценнейший урок, преподаваемый нам книгой Александра Александровича, – урок понимания цивилизационной динамики мира и, в частности, истории российской во всей сложности ее эко-географических, экономических, социальных, этнических и религиозных предпосылок.

Вслед за Ключевским Зимин рассматривает историческую динамику возвышения Северо-Восточной Руси, а с ним – и становления великорусской нации в широком контексте сложной и запутанной истории народов Европы, Ближнего Востока, Поволжья, Евразийской степи⁷. Так или иначе, Зимин фиксирует не только прямую и многозначную вовлеченность в этот процесс ближайших соседей Москвы и сопредельных ей княжеств, Орды и Великого княжества Литовского, но и вовлеченность опосредованную: это касается судеб Ливонского ордена, Ганзейских городов, агонизирующей Византии и набирающей силы Османской империи, Генуи, Папского Престола...

Цивилизационный, или «культурно-исторический», ракурс истории – не более чем ракурс синхронный. В советские годы в нашем историческом сознании господствовал абсолютный упор на историю диахронную. Этот упор велеречиво именовался «марксистско-ленинской теорией общественно-экономических формаций». В постсоветский же период возобладал столь же абсолютный синхронистический подход, именуемый «цивилизационной теорией». Она же – и теория почти что выпадающей из мировых контекстов российской цивилизации. В обоих случаях забывалось, что любой научный концепт – будь то «формация», будь то «цивилизация» – всегда конвенционален. Теоретические концепты могут быть сколь угодно проникновенны и устойчивы. Но тем не менее их природа – всегда конвенциональна и наводяща [Кузнецова, Розов, Шрейдер 2012].

Во всяком случае, как бы ни были своеобразны в своей структуре и содержании большие культурно-исторические общности, включая и нашу, российскую цивилизационную общность, – они

⁷ Вот характерный приводимый Александром Александровичем эпизод. Вторгшиеся в 1449 г. в пределы княжества Московского воины-кочевники («скорые татарова»), руководимые Сеид-Ахмедом (сыном не столь давно разорившего Москву ордынского хана Тохтамыша) были разгромлены на берегах р. Пахры силами стоявшего в Звенигороде татарского гарнизона, верного Москве (см.: *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991. С. 136).

всегда создаются, живут и развиваются в процессах напряженного и подчас интенсивного взаимодействия с окружающими общностями, а через это взаимодействие – и с процессами общемирового порядка.

Развитие конкретных, устоявшихся в истории цивилизаций всегда ознаменовано процессами межцивилизационного со-развития (в современной мировой литературе: *co-development*, *co-desarrollo*) [Рашковский 2016, с. 137–164]. Причем процессами со-развития могут определяться не только прогрессивные, но подчас и деградационные тенденции в жизни цивилизаций.

Специфика же цивилизационного становления средневековой Руси, зажатой между периферийным Востоком (Золотая орда) и периферийным Западом (Великое княжество Литовское), и есть, по существу, один из важнейших – если не самый важный – предметов монографии Александра Александровича.

И, наконец, еще один преподанный Зиминым урок, касающийся диахронного плана истории и прежде всего – истории отечественной.

При жизни Александра Александровича в нашей официальной исторической науке господствовал трехчленный «формационный» взгляд на историю страны:

- «феодализм» (от Киевских князей до эмансипационного Манифеста 19 февраля 1861 г.),
- капитализм (от Манифеста об отмене крепостного права до ночи Октябрьского переворота),
- социализм как предварительная стадия мифического коммунизма: от 25 октября (7 ноября) 1917 г. и – навсегда.

Но вот зиминские исследования истории феодальных войн XV столетия на Руси исподволь взламывали всю инфантильную стройность этой схемы. Действительно, это были подлинные феодальные войны, предшествующие абсолютистской централизации и концентрации власти. Войны, одновременные, скажем, с истребительной войной Алой и Белой Роз в Англии (1456–1485) или с кровавым округлением королевского домена и собиранием земель будущей «единой и неделимой» Франции Людовиком XI и Карлом VIII.

Однако феодализм на Московской Руси выдался особый: не феодализм наследственных и юридически закрепленных сеньориально-вассальных отношений, но феодализм распределяемой и перераспределяемой с одобрения ордынских завоевателей власти потомков Ивана Калиты⁸. Так что российский феодальный аристократ,

⁸ Исторически обреченный республиканский строй Великого Новгорода, Пскова и Вятки – особая проблема: проект средневекового

в отличие от западных его собратий, не имел возможности вращаться в подвластные ему земли, не имел глубоких связей с подвластным ему населением. Принцип “noblesse oblige” на Руси не привился. Подобно будущим воеводам на «кормлениях», губернаторам или первым секретарям обкомов, феодал на Руси оказывался вольным или невольным назначенцем из Центра. «Удельные» компетенции князей на местах оказывались вещью эфемерной и временной. Что и не замедлило отзываться «кровавым заревом опричнины»⁹.

Действительно, в общей перспективе феодально-княжеские усобицы обернулись традицией войны централизованного государства против собственного народа. По существу, указывает Александр Александрович, ликвидация московскими государями – Василием III, Иоаннами III и IV – «гнезда Калиты» и превращение населения великокняжеского «домена» в сонмище бесправных обитателей *de facto* государевой «вотчины» знаменовало собой процесс крутой ориентализации (ориентализации организационной и политической) Государства Российского¹⁰. И неслучайно исследователи и публикаторы трудов Александра Александровича обратили внимание на этот важнейший аспект его исторических воззрений¹¹.

аристократического республиканизма был не национальным, но, скорее, локальным.

⁹ *Зимин А.А.* Витязь на распутье... С. 210.

¹⁰ Там же. С. 160–169.

¹¹ См.: *Кобрин В. Б., Лурье Я. С., Хорошкевич А. Л.* Послесловие // Там же. С. 217. Боюсь только, что трое замечательных и преданных делу ученых-комментаторов не вполне разобрались в учении о «восточном деспотизме» Карла Августа Виттфогеля (1896–1988) – старого коминтерновца и антифашиста, – волею судеб оказавшегося на склоне жизни в американском консервативном стане вследствие наката леворадикальных и востокофильских настроений среди западной профессуры. Ибо речь у Виттфогеля идет не просто о «гидравлических обществах» во главе с царями-первосвященниками, но о той исторически обусловленной *социотехнике*, которая сложилась в лоне великих речных цивилизаций Древнего Востока и – *mutatis mutandis* – передалась цивилизациям, скажем, имперского Рима, Византии, империям Чингисидов или Османов. Базовые черты политической культуры древних речных цивилизаций, передававшиеся остальному миру, строились на основе древнего синкретического сочетания двух управленческих функций: теократической и технократической (см.: *Dorn H.* The Geography of Science. Baltimore; L.: J. Hopkins Univ. Press, 1991. XX, 219 p.). О чертах «гидравлического общества» в Древнем Израиле, т. е. на политической периферии великих речных цивилизаций Востока, см.: [Рашковский 2016, с. 97–99].

Итак, наш российский «витязь», пройдя беспощадное «распутье» феодальных войн XV столетия, вольно или невольно выбрал путь ориентализированного московского «единодержавия» (термин самого Зими́на). Истоки российской государственно-политической ориентализации (если следовать логике Александра Александровича – не только в силе внешних влияний (Орда, ориентализованная Византия [Старостин 1975], но и тот «дефицит правопонимания»¹², которым оказалась пронизана политическая и гражданская история нашего Отечества.

И все же – страна и народ живы не только государственностью и властью, но и силою духовного и культурного опыта поколений. И вот один из ярких примеров на сей счет, приводимый Александром Александровичем.

Последний, как бы предсмертный, расцвет, как бы «бабье лето» уходящих новгородских вольностей, завершившийся кончиной архиепископа Евфимия (1458 г.), ознаменован и последним всплеском новгородской культуры, оставившей, на взгляд Зими́на, благотворный след в последующей культурной истории России¹³...

Каковы бы ни были исторические злоключения отечественного «феодализма», – история многомерна и исполнена внутренними смыслами... Все изложенное выше и заставило меня обратиться к воспоминанию об одном лишь дне общения с Александром Александровичем.

III

Итак, об этой встрече хотелось бы рассказать особо. Тем паче что она оказала немалое влияние на последующую мою жизнь.

Летом 1978 г. мы с женой навестили наших друзей, Евгения Михайловича и Наталию Исаковну Добрушкиных¹⁴, снимавших дачу в деревне Тупиково, что на берегу подмосковной речки Десны. Александр же Александрович снимал дачу по соседству и часто заходил к Добрушкиным.

Немного ранее этой нашей встречи он работал над очерком «Две цивилизации в истории России» (1976–1977), в коем, между

¹² Термин, обоснованный и варьируемый в трудах современного русского философа Э.Ю. Соловьева. См., например: *Соловьев Э.Ю.* Личность и право // Вопросы философии. М. 1989. № 8. С. 67–89.

¹³ См.: *Зимин А.А.* Витязь на распутье... С. 178.

¹⁴ Е.М. Добрушкин (1945–2019) – археограф и филофонист, знаток старинной европейской музыки. О Евгении Михайловиче вспоминал и сам Зимин. См.: *Зимин А.А.* Дети становятся взрослыми // Александр Александрович Зимин... С. 78–79, 107–109.

прочим, говорится: «Русская дворянская цивилизация XIX в. – особый культурно-исторический мир, безвозвратно исчезнувший, вариант западной культуры, выросший на почве крепостного права в России»¹⁵. Социологическая характеристика проблемы здесь безупречна. Но вот с точки зрения истории человеческого духа и ее наработок сквозь века и века – здесь возможно множество вопросов¹⁶. Тем паче что нынешнее человечество уже переросло вопросники традиционно-аграрных цивилизационных отношений. Ибо социокультурная обреченность и вклад уходящих классов в глобальную динамику человеческого духа могут быть сколь угодно сближены в конкретной истории, но все же принадлежат они несхожим смысловым измерениям исторического бытия. И в осмыслении этого клубка противоречий приходят нам на помощь труды Гердера, Гегеля, Вл. Соловьева, Кроче или Тойнби, размыкающие представления о замкнутых в себе цивилизациях и культурах...

...Физически это был уже не прежний Зимин. Куда девались его прежняя худоба, стремительность речей и движений? – Передо мной стоял уже почти что другой человек: рыхлый, пополневший, медлительный, хриплый. Но – по-прежнему углубленный в труды постижения истории. Он сказал, что давно прочел мой «бестселлер», посвященный моментам цикличности и прерывности в истории [Рашковский 1976], и хотел бы немного побродить со мною по берегу Десны.

Говорил в основном он, а я слушал, почти не делая реплик. С тех пор прошло четыре с лишним десятка лет, но многое из тогдашнего разговора запомнилось навсегда. По крайней мере, три темы в этом разговоре. Так что, естественно, речения Александра Александровича, приводимые ниже, – речения не прямые, но, говоря по-научному, «апокрифические». И привожу их своими словами, в условной косвенной речи.

Тема первая. Как известно, по материнской линии Александр Александрович был потомком одного из екатерининских «орлов» – фельдмаршала графа Михаила Федотовича Каменского (1738–1809), высокообразованного, но жестокого самодура, зарубленного своими же крепостными.

¹⁵ Зимин А.А. Две цивилизации в истории России // История России XIX–XX вв.: Новые источники понимания / Под ред. С.С. Секиринского. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 17.

¹⁶ Здесь я согласен с покойным философом Карлом Моисеевичем Кантором, автором весьма спорной монографии о Маяковском: необходимо различать историю «социокультуры» и историю духа как глубинный стержень собственно Истории (см.: Кантор К.М. Тринадцатый апостол. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 92–94).

Не веривший в православную традицию, но все же принимавший на веру библейские речения о грехах отцов, падающих на их потомство¹⁷, Александр Александрович связывал свои собственные страдания и страдания своих родных с некоей «кармой», восходящей к злодеяниям фельдмаршала и к той государственной расправе, которой подверглись триста его крепостных.

Я пытался было возразить, что грехи отцов – это не автоматическая «карма», но социокультурная среда, которая отравлена безрассудством и своеволием отцов. И вообще, меня несколько смущала излишняя его категоричность в оценках наследия дворянской российской культуры, или, по его терминологии, «дворянской цивилизации». Наследия, без которого невозможно и существование нынешней России. Как невозможно оно и без «рабовладельца» Пушкина.

Александр Александрович не соглашался. И лишь много позднее до меня, наконец, дошло, что дело здесь не в «карме», но в сострадании ученого мученикам былых и нынешних поколений. Формально я был прав в нашем споре, но не прав по существу. Ибо, согласно исторической интуиции Александра Александровича, историк отвечает за несправедливости и страдания не только в своей собственной культурно-исторической среде, но и в средах изучаемого им непреложного прошлого. Отвечает за страдания отошедших поколений.

Иными словами, ситуативно необратимая история таит в себе моменты обратимости нравственной.

Вообще, Александр Александрович и в искусстве особо ценил тему человеческого сострадания. Он, так любивший кино¹⁸, неоднократно говорил мне, что любимый его фильм – «Дневные звезды» с восхищавшей его Аллой Демидовой в главной роли¹⁹. Фильм, где сходятся не только три трагических эпизода русской истории (опричнина, сталинская диктатура, ленинградская блокада), но и тема противления духа историческим напастям. И душа этой последней темы в фильме – чтение Демидовой стихов ленинградского цикла Ольги Берггольц.

На мой взгляд, это чувство *исторического сострадания* наиболее ярко выражено именно в его книге об опричнине, продолжающей не только трактовку Ключевского и Веселовского, но и карамзинскую, этическую трактовку проблемы.

¹⁷ Исх 20:5; Лев 26:36-41.

¹⁸ См.: Зимин А.А. Кино // История России XIX–XX вв. С. 27–28.

¹⁹ Мосфильм, 1966. Режиссер – Игорь Таланкин. Сценарий Ольги Берггольц и Игоря Таланкина. Музыка Альфреда Шнитке.

Ныне, когда так усердно замазываются злодеяния отечественного прошлого, чувство исторического сострадания представляется мне особо актуальным. И – духовно насущным...

Тема вторая. То было время массового исхода разноплеменной российской интеллигенции из Советского Союза. Всеми правдами и неправдами люди добивались приглашений из Израиля от подлинной или мнимой родни; возможности эмиграции были открыты для реальных или мнимых евреев, но также – по иным каналам – и для других меньшинств: немцев, испанцев, греков, армян. Кроме того, участились случаи «невозвращения» командированных на Запад советских спецов, артистов, но также и туристов.

В разговоре со мной Александр Александрович решительно возражал против массового отъезда интеллигенции из России, делая, однако, исключение для тех, кто направляется не на Запад, но именно в Израиль: плодотворная, но полная опасностей жизнь в Израиле (как, впрочем, и в России) требовала, по его словам, немалого риска и внутренней убежденности.

Исход же интеллигенции из России на Запад он именовал «великим драпом»²⁰ в поисках безопасности и житейских благ. Его мучила печаль о человеческом оскудении страны.

Сам же я, связавший свою судьбу именно с российским выбором, возражал против подхода Александра Александровича: человек имеет право на свободу и счастье. В том числе, и на свободу от безнаказанности, пренебрежения, глумления и агрессивных придилок со стороны деспотического государства, каковые я и сам «вкусил» и продолжал «вкусать» в те годы.

Однако ныне, по прошествии долгих четырех с лишним десятилетий, я несколько иначе смотрю на тогдашний спор с Александром Александровичем.

И поныне я остался верен прежнему взгляду на свободу как на основную ценность человеческой истории и, по словам дона Бенедетто Кроче, как на основной объяснительный принцип истории²¹. Однако Александр Александрович исходил из иной оптики исторического понимания: он с особой остротой видел некую *болеву причастность* любой человеческой судьбы судьбам других людей. Короче, моему принципу исторической свободы он противопоставил свой принцип исторической ответственности.

Теоретически оба эти принципа (прежде всего как принципы познавательные) находятся в состоянии необходимой взаимной дополнительности. Ибо свобода и ответственность во внутрен-

²⁰ Зиминский неологизм от просторечного глагола «драпать».

²¹ Эта проблема подробно рассматривается в моих книгах: [Рашковский 2005; Рашковский 2016].

нем опыте человека взаимно соотнесены, одна без другой не даны. Однако в трактовке конкретно-исторических сюжетов они могут драматически расходиться, как это и случилось в нашем кратковременном споре на берегах Десны.

Вообще, историческое познание глубоко антиномично. Антиномии же свободы и ответственности перед Богом, людьми и самой историей – антиномии не просто теоретические, но пронизывающие – если вспомнить Канта – и область «практического разума». А иной раз – на каждом шагу, на каждом повороте наших жизненных путей.

Тема третья касается уже самой смысловой структуры российской истории.

Александр Александрович говорил о некоей волнообразности послепетровской отечественной истории: о чередовании доминировавших в ней двух противоборствовавших менталитетов. Первый он условно определял как дворянский, второй – как крестьянский.

В первом, освобожденном от житейских тягот подневольным крестьянским трудом, сильны были мотивы креативности и волюнтолюбия – вплоть до своеволия²²; во втором господствовали черты традиционализма, патернализма, коллективизма – вплоть до стадности. Иное дело, что доминирование крестьянского менталитета во властных структурах судьбам конкретного мужика или «маленького человека» ничего особо доброго не сулило²³.

Что же касается волнообразного чередования этих двух господствовавших в послепетровской истории российской культурно-психологических архетипов, то Александр Александрович выстроил передо мной две как бы царственные генетические ее спирали:

Екатерина II – Александр I – Александр II – отчасти даже (и с учетом явных элементов социокультурной деградации) Николай II²⁴;

²² Разумеется, если вспомнить труды другого замечательного российского историка, Н.Я. Эйдельмана (1930–1989) – Александр Александрович вполне отдавал себе отчет в антагонизме дворянской культуры стародумов, правдиных и милонов и – дворянского бескультурья простаковых-скотининых. Иное дело, что этот антагонизм – как это было в случае с образованным, но жестоким и беспардонным фельдмаршалом Каменским – мог пронизывать и конкретные судьбы.

²³ Кстати сказать, на это историческое обстоятельство обращал внимание в беседах со мной серьезнейший историк-китаист Олег Ефимович Непомнин [Рашковский 2016, с. 98–99].

²⁴ И это высказывалось в тот период, когда страна уже вынуждалась историей dorастать до эмансипационного «царствования» (то бишь президентства) М.С. Горбачева, во многом опиравшегося на передовую интеллигенцию как западного, так и «почвенного» толка...

Павел I – Николай I – Александр III – диктатура большевиков²⁵...

Что же касается тех существенных моментов отечественной истории, которые связаны с историей русской интеллигенции, то Александр Александрович толковал эти моменты нашего разговора примерно так.

Если отнести к истории русской интеллигенции не историю продажных перьев и голосов и не историю маргинализированных и озлобленных «умственных» люмпенов, то судьба русской интеллигенции (т. е. совестливых, умелых и собственными трудами живущих людей), включая и русифицированную еврейскую ее часть, была связана с продолжением именно дворянской линии русской истории и культуры²⁶. Возможно, это обстоятельство и заставляло Зимина так тяжело переживать великий интеллигентский «драп» последних десятилетий его жизни. Ибо речь шла о непоправимом духовном и социальном оскудении самой тогдашней – да и последующей – России.

Роковой для страны, хотя и во многом обусловленной и обескровленной особой жестокостью российского крепостничества, характер диктатуры большевиков, сумел мобилизовать – на погибель самому крестьянству – низменные стороны крестьянского архетипа: духовную уравниловку, ксенофобию, завистливую оглядку на соседа. И как раз – мобилизовать в ущерб творческим сторонам крестьянского быта – жизненной стойкости, способности к личной и подчас групповой самоподдержке. И все это – судя по тогдашней нашей беседе – сознавалось Александром Александровичем вполне отчетливо...

Эта зиминская точка зрения представляется мне более гибкой и диалектической, нежели точка зрения американского историка и социолога Бэррингтона Муура (1913–2005), отдавшего почти прямолинейное предпочтение архетипу крестьянскому, отчасти сведенному к требованиям внешней справедливости [Moore 1966]. Этот же подход – однако в более тонком и источниковедчески обоснованном исполнении – был позднее воспроизведен в крестьяноведческих трудах Теодора Шанина (1930–2020)...

...С тех пор прошли годы и годы. Многое из услышанного мною на берегах Десны высветилось в посмертных изданиях трудов Александра Александровича.

²⁵ Неосоветская реставрация начала нынешнего века уж тем паче была впереди...

²⁶ Ср. с соответствующей концепцией М.О. Гершензона, изложенной на страницах «Вех». Правда, в устном дискурсе Александра Александровича напрочь отсутствовали гершензоновские обличительные и покаянные обертоны...

Мне же остается только сожалеть о том, что жизнь Александра Александровича, не успевшего разменять даже седьмого десятка, оборвалась так рано. Но благодарю судьбу за то, что этот краткий, описанный выше разговор дал мне возможность хотя бы на самую малость приобщиться к еще скрытой в те поры творческой лаборатории великого русского историка.

В жаркий июньский день 1967 г., после успешной защиты моей женой Марией дипломной работы²⁷ – уже поздним вечером и чуть-чуть навеселе – мы навестили Александра Александровича. Визит был кратким. На прощание он сказал: «Наша дружба будет всегда».

Мы недоумевали: какая может быть дружба между маститым ученым и нами – еще почти что несмышлениками в науке?..

Однако человеческое слово имеет свойство укореняться в вечности. И этот краткий текст – некоторая попытка оправдать великодушную фразу великого русского историка.

17.09.2020

Литература

- Кузнецова, Розов, Шрейдер 2012 – *Кузнецова Н.И., Розов М.А., Шрейдер Ю.А.* Объект исследования – наука. М.: Новый хронограф, 2012. 560 с.
- Рашковский 1976 – *Рашковский Е.Б.* Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Дж. Тойнби: опыт критического анализа. М.: Наука-ГРВЛ, 1976. 198 с.
- Рашковский 2005 – *Рашковский Е.Б.* Осознанная свобода: материалы к истории мысли и культуры XVIII–XX столетий. М.: Новый хронограф, 2005. 253 с.
- Рашковский 2016 – *Рашковский Е.Б.* Философия поэзии, поэзия философии. СПб.: Алетейя, 2016. 310 с.
- Старостин 1975 – *Старостин Б.А.* Византийская наука в контексте средневековой культуры // Античность и Византия. М.: Наука, 1975. С. 386–398.
- Moore 1966 – *Moore B., Jr.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1966. XIX, 559 p.

²⁷ Защита не была безоблачной. Был поставлен вопрос – по тогдашним временам «политического» свойства: как осмелилась дипломница выгораживать идеалиста Кареева, не согласного с «монистическим взглядом на историю» и которого разоблачал «сам» Плеханов – первый русский марксист? А ведь Кареев и впрямь усматривал в истории не монистический, но многофакторный процесс...

References

- Kuznetsova, N.I., Rosov, M.A. and Schreider, Yu.A. (2012), *Obyekt issledovaniya – nauka* [The object of research is science], Novyi hronograf, Moscow, Russia.
- Rashkovskii, E.B. (1976), *Vostokovednaya problematika v kul'turno-istoricheskoi kontseptsii A.J. Toynbee: opyt kriticheskogo analiza* [The oriental studies issues in the cultural and historical concepts of A.J. Toynbee. The critical analysis essay], Nauka – Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, Moscow, Russia.
- Rashkovskii, E.B. (2005), *Osoznannaya svoboda: materialy k istorii mysli i kultury XVIII–XX stoletii* [Perceived freedom. Papers on the history of thought and culture of the 18th – 19th centuries], Novyi chronograph, Moscow, Russia.
- Rashkovskii, E.B. (2016), *Filosofiya poezii, poeziya filosofii* [Philosophy of poetry, poetry of philosophy], Aletheia, Saint Petersburg, Russia.
- Starostin, B.A. (1975), “Byzantine Science in the Context of Medieval Culture”, *Antichnost' i vizantiya* [Antiquity and Byzantine], Nauka, Moscow, Russia.
- Moore, B., Jr. (1966), *Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in Making of the Modern World*, Beacon Press, Boston, USA.

Информация об авторе

Евгений Б. Рашковский, доктор исторических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23; eug.rashkov@gmail.com

Information about the author

Eugene B. Rashkovskii, Dr. of Sci. (History), National Research Institute of World Economy and International Relations named after Eu.M. Primakov of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997; eug.rashkov@gmail.com

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 25.02.2021.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 8,9. Усл. печ. л. 9,8.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1112

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8(499) 973-42-06